

ЛАНА БАЛАШИНА

Дурочка с маком

ЖЕНСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Казалось бы, чего еще надо? Молода, красива, умна, есть друзья и подруги, в любовниках — президент компании, начальник — замечательный парень, к тому же явно влюблен в нашу героиню, — и все-таки она отчаянно несчастлива! Умом понимает, что роман с женатым мужчиной до добра не доведет, и Павел, начальник, как назло, всегда рядом — в соседнем кабинете, и так легко просто пойти ему навстречу... Но думаешь-то головой, а любишь сердцем. И только резкий жизненный поворот позволяет по-настоящему присмотреться к тому, кто рядом с тобой. По совету Павла и отчасти от скуки героиня начинает писать детективный роман, потом другой... Так уже не раз бывало в детективных романах модных писательниц: роман начинает жить своей жизнью, и вокруг автора происходят некие события. Можно сравнить эти события с частями детского пазла. Находишь один подходящий фрагмент, потом другой, потом вертишь их, и в какой-то момент с пугающей ясностью возникает правильная картинка. И становится ясно, кто именно стоит за всеми событиями, и четко понимаешь, что была только послушной куклой в его руках. Но в жизни такая ясность иногда приходит чуть позже, чем того требуют каноны детективных романов...

Этот роман написан неожиданно быстро — за сорок дней. В нем я немного приоткрываю секреты своей писательской кухни и раскрываю трудности, с которыми сталкиваюсь.

В детстве мне очень нравилась игрушка — калейдоскоп. Чуть повернешь — и внутри возникают замечательно сказочные картины! Я подолгу любовалась на их праздничную яркость. Однажды я не удержалась, и разломала его... Внутри была горстка ничем не примечательных стекляшек и цветных осколков.

Почему-то жизненные события мне представляются такими невзрачными стекляшками, но если добавить немного зеркал, подключить воображение, посмотреть на свет и чуть повернуть... Правда, здорово?

ДУРОЧКА С МАКОМ

Глупую до невозможности девочку посыпать маком и пообещать ей все, что захочет.

Съесть счастливую.

Г. Остер «Книга о вкусной и здоровой пище людоеда»

Часть первая

Весна в этом году просто сумасшедшая. Еще только середина марта, а все сияет, тротуары уже совсем сухие, и почки на деревьях набухли. Жалко, что у меня нет дачи: очень хочется услышать запах нагретой солнцем садовой земли, увидеть пробивающуюся травку, и тогда можно поверить, что зима, в самом деле, закончилась.

Про дачу — это я так, к слову. Какая уж из меня садовница? Я — типичная горожанка, да еще в четвертом поколении. Впрочем, может быть, скоро дача будет мне весьма кстати...

Попрошу Виктора, может, он выберет время, и мы поедем вместе куда-нибудь на природу. Я мечтательно прищурилась: ужасно люблю с ним ездить за город. Там нас никто не знает, и можно не притворяться и не делать вид, что мы — посторонние.

Завтра исполняется ровно год, как мы с ним познакомились.

По совету своей однокурсницы, получив свой честно заработанный красный диплом, я пришла в офис страховой компании «Лада». Строгая дама в отделе кадров с уложенной в тяжелый пучок прической придирчиво расспросила меня, а потом неожиданно приветливо улыбнулась. Она сняла трубку телефона и сказала кому-то:

— Лена, больше никого не присылайте, кажется, мы нашли то, что нужно. — Она поднялась в полный рост, оказавшись даже выше моих ста семидесяти сантиметров, и сделала приглашающий жест: — Пойдемте, я представлю вас управляющему.

Мы поднялись с ней в приемную, поражавшую взгляд строгой простотой, которая дорогого стоила. Я потихоньку огляделась, придавленная величием. Все вокруг отдавало респектабельностью и надежностью. На вопросительный взгляд дамы секретарь кивнула, и передо мной распахнулась дверь (черт, так и хочется сказать, в чертоги!) в кабинет, который не уступал приемной.

От волнения я не сразу заметила хозяина кабинета. Я встретила с ним взглядом и поняла, что он уже некоторое время довольно бесцеремонно рассматривает меня. Я смутилась.

Он был не слишком молод, явно за сорок, но у него были голубые насмешливые глаза, явно немосковский загар, который оттеняла белоснежная рубашка, белоснежная улыбка. Я с отчаянием подумала, что пропала!

В рекомендациях, которых я начиталась в Интернете, говорилось, что при первом знакомстве с потенциальным работодателем следует сказать что-нибудь умное. Я не могла сказать ничего, ни умного, ни глупого, только таращила исподтишка на его запонки, переливавшиеся белым огнем (неужели бриллианты?), на ухоженные руки.

Слава богу, от меня и не требовалось ничего говорить!

Видимо, он знал, какое впечатление производит на девушек, потому что внимательно выслушал мою спутницу, но насмешливые искорки из его глаз не исчезли, их даже стало больше.

Он кивнул:

— Хорошо, я поручаю вам, Ирина Тимофеевна, ввести нашего нового экономиста в курс дел и ознакомить с перечнем обязанностей, до тех пор, пока вернется мой заместитель, который будет ее непосредственным начальником. — Видимо, пытаясь дать мне возможность прийти в себя, он пояснил: — Павел Андреевич укатил в Альпы, раскатывает

там на горных склонах. Он воображает, что у него это здорово получается. Впрочем, местные жители его наверняка принимают за снежного человека. Во всяком случае, я заметил, что после его пребывания в Альпах в прессе учащаются сообщения о встрече с йети.

Они с Ириной Тимофеевной засмеялись.

Ободренная его тоном, я подняла на него глаза:

— Может быть, имеет смысл дождаться его возвращения? Вдруг он сам захочет со мной побеседовать?

Управляющий весело, по-мальчишески хмыкнул:

— Еще бы! Конечно, захочет. Думаю, вы с ним поладите.

Тут я с ужасом поняла, что краснею. О, господи, только этого не хватало! Кажется, он принимает меня за сексуально озабоченную идиотку, или за девицу, которая делает карьеру в чужих постелях!

Ирина Тимофеевна была неплохим физиономистом. Она неодобрительно посмотрела на управляющего и сказала ему с интонациями кота Матроскина:

— Виктор Иосифович, я вас попрошу молодых девушек не пугать! Пойдемте, милая.

Телефон на столе ожил, и я с облегчением поняла, что аудиенция, наконец, закончена.

На ослабевших ногах я вышла в приемную.

Секретарь спросила мою спутницу:

— Ну, как?

Та кивнула:

— Знакомься, наш новый экономист, Громова Ангелина Сергеевна.

Я улыбнулась:

— Можно просто Геля.

— А я здесь секретарем работаю, можешь меня звать Леной. — Она улыбнулась мне: — Ты приходи в обед, пойдем в кафешку, тут есть рядом, я тебе обо всех наших делах расскажу. Как тебе наш начальник?

Я неопределенно пожала плечами.

Лена засмеялась:

— Да ладно тебе! У нас все на него западают, сразу и надолго. Ты, я смотрю, еще ничего. А обычно я тут чаем и кофе всех отпаиваю, а которые послабее, тем и валерианку капаю, пока они в себя не придут. Во обаяние у мужика! Бронебойное!

Ирина Тимофеевна засмеялась:

— Геля, вы ее не особо слушайте! Виктор Иосифович давно и прочно женат, и не стоит принимать некоторые его слова...

Я торопливо замотала головой:

— Я не принимаю, честное слово!

Обе недоверчиво на меня посмотрели, но промолчали.

Комната, в которой меня устроили, была обставлена хотя и не с той роскошью, как приемная и кабинет управляющего, но тоже очень достойно.

Здесь стояли два больших стола, один — с компьютером, а на втором в полном беспорядке громоздились папки, пачки газет и какие-то бумаги. Вторая дверь вела в смежный кабинет.

А самое главное — здесь было огромное окно, выходившее в тихий московский переулок. Впрочем, через стеклопакет не проникало ни одного звука, в комнате было тепло

и пахло чуть-чуть сигаретами и кофе, чуть-чуть каким-то приятным парфюмом. Через дорогу располагался красивый трехэтажный особняк, перед которым росли большие деревья, кажется, липы, и я подумала, что мне здесь нравится.

Я просидела целый час, добросовестно изучая папки и инструкции, заботливо оставленные мне Ириной Тимофеевной, и уже начала было позевывать.

Неожиданно дверь открылась, и влетело совершенно невозможное существо: короткая стрижка рваными прядями, полное отсутствие груди, пиджак, узкие джинсы и тяжеленные ботинки. Существо неожиданно низким голосом заискивающе спросило:

— Павел Андреевич здесь?

— Нет, он еще в отпуске.

Существо рухнуло в кресло:

— Убит, убит, ничего не вижу, одни свиные рыла вместо лиц!

Я засмеялась:

— У вас что, ревизия? Вы кто?

Кажется, все-таки это девушка, уж больно чистое лицо.

Я предложила:

— Тут в шкафу есть чашки и чайник, можно выпить кофе. И заодно, если вы мне все расскажете толком, может, я чем-то смогу помочь.

Пока я доставала чашки, мы познакомились. Алена, так звали мою новую знакомую, пришла с договором, в котором нужно было кое-что изменить. Алена сказала, что если через полчаса этот договор не будет лежать на столе у ее начальника, ей, Алене, не жить. Он и так ее терпеть не может, и сто раз грозился уволить. Если бы не заступничество души Осмоловского, ей бы конец. Она уверяла, что черновик договора был в компьютере у моей предшественницы, скоропостижно выскочившей замуж за гражданина Бельгии и уже отряхнувшей прах родины с ног.

Я включила компьютер, совместными усилиями мы нашли нужный документ. Алена даже взвизгнула от радости. Мы управились даже быстрее, чем за полчаса, и она схватила распечатанные листы, поцеловала меня куда-то в ухо и умчалась, крикнув на ходу:

— Спасибо! С меня конфеты!

Вот смешная!

Почти сразу после ее ухода явился унылый очкарик, вместе с которым мы полчаса искали документ, который нашелся в одной из папок с дореволюционными тесемками.

После того, как парень ушел, я оглянулась на заваленный документами стол и вздохнула. Нет, так жить нельзя. Я засучила рукава и принялась разбирать документы.

Через некоторое время ко мне заглянула Лена.

— Ого, ты тут уже обживаешься! — Она огляделась. — Да, Катька была девица довольно безалаберная. Только Павел Андреич ее мог терпеть так долго. И то, он, наверное, больше всех был рад, когда она от нас съехала.

Мыс Леной прогулялись по улице, посидели в кафе. Ленка оказалась общительной девушкой, и я мигом узнала, что у меня будет самый лучший начальник в компании, что коллектив хороший, только в бухгалтерии работают завистливые мымры, что нормальных мужиков мало, а какие есть, все женаты, что она сама не замужем, но не отчаивается. Я хотела ее расспросить об управляющем, но постеснялась: тогда она точно решит, что я в него втюрилась.

Погода тогда была совсем не такая теплая, как сейчас, и от ветра лицо у меня

разрумянилось.

Мы с трудом открыли тяжелую входную дверь офиса, но предательский порыв ветра захлопнул ее перед нашим носом. Неожиданно чья-то твердая рука отворила дверь и придержала ее. Я обернулась, чтобы поблагодарить за помощь, и поперхнулась: это был Осмоловский.

Он улыбался и с удовольствием смотрел мне прямо в лицо.

Ленка прервала наши переглядывания:

— Вот, Виктор Иосифович, знакомлю Гелю с нашим бытом. В кафешку ходили, ту, что за углом.

Он, наконец, отпустил меня взглядом:

— Это хорошо. — Виктор Иосифович шагнул в сторону, но оглянулся, и, помедлив, сказал: — Красивое имя.

Кто-то тронул его за плечо, и он пошел наверх, высокий, страшно красивый и стильный в своем развевающемся длинном пальто, на ходу стягивая шарф. Впрочем, у самой лестницы он оглянулся и нашел меня взглядом, слегка кивнув.

Я надеялась, что Ленка этого не заметила, но, увидев выражение ее лица, поняла, что надежда была напрасной.

Она восторженно выдохнула:

— Йес, ты его все-таки сделала! — Она оглядела меня и засомневалась — Ты скажи, чего мужикам надо? Нет, конечно, ты — девчонка, что надо, и фигурка, и мордочка, но только его такие феи очаровать пытались, знаешь, рост 180 и бюст пятый номер, но он твердо держался. Правило у него такое — на работе — ни-ни. А тут прямо растаял. Как он это сказал? Красивое имя? Ты радуйся, что только я это слышала, я в таких делах кремень. А вот если об этом узнают наши мымыры из бухгалтерии... Мигом донесут Ладе.

— Какой Ладе? — удивилась я.

— Ну, Владиславе Николаевне. Это жена моего босса, а по совместительству — одна из владелиц фирмы. Ее папаша оставил ей наследство. Правда, поженились они раньше. Была там какая-то история. Ирина Тимофеевна, она у нас на фирме с первого дня работает, еще при родителе Владиславы, как-то проговорилась, что мой шеф был женат, когда к нам пришел. У него и дочь взрослая есть, от первого брака. Но кто ж от таких денег откажется?

Я молчала, и Ленка, решив, что мне это не слишком интересно, пробормотала:

— Впрочем, сама увидишь: она нас частенько балует визитами. Ладно, я побегу, а то вдруг ему что понадобится, а меня нет на месте.

Часа два после обеда я возилась с папками.

Заглянувшая ко мне Алена присвистнула:

— Ого! Ну и беспорядок у Катьки в шкафах был.

Пока я доставала чашки, она куда-то отлучилась и возвратилась не одна: хмурый высокий парень втащил огромную коробку всяких канцелярских прибамбасов: папки всех видов, степлеры, органайзеры, держатели для документов и еще всякая мелочевка.

— А то ты у нас пока никого не знаешь, — пояснила Алена свое волшебное появление. — Кстати, знакомься: мой брат, его зовут Валера, он у нас верховный главнокомандующий по компьютерам.

Валера кивнул, и, пока мы возились с кофейником, посмотрел мой компьютер. Удовлетворенно вздохнул:

— Все в порядке. Я за этим сам всегда слежу. Так что, если понадобится, звони.

Он не отказался от кофе, и мы пересели за теперь уже свободный стол. Я открыла коробку конфет, принесенную Аленой, и мы с удовольствием угостились.

Впрочем, в кармане Валеры запищал телефон, и он, сокрушенно вздохнув, умчался, напоследок словав еще одну конфету.

— Мне нужен ваш завхоз, или не знаю, как это называется. Где его можно найти?

Алена засмеялась:

— У нас целая хозяйственная служба. А ты чего хотела-то?

Я показала на кофейный агрегат в углу:

— Не работает. В принтере нужно сменить картридж и ксерокс надо заправить. Розетка вываливается, смотреть страшно, не то, что пользоваться.

Алена кивнула:

— Вот кофе допьем, и спустимся к ним. А насчет принтера и ксерокса Валерке скажу, пусть пришлет своих охламонов.

Когда мы вернулись к кабинету, около него мялся давешний молодой человек из юридического отдела. Алена дипломатично проговорила:

— Ну, вы тут работайте, а я потом загляну.

Прослышав, что наш кабинет открыт, пришли две девицы из бухгалтерии. Они неодобрительно посмотрели на беспорядок в кабинете, и я смутилась. Мы не нашли папку с договорами, которую, якобы, мой начальник у них брал на время. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что они просто хотели на меня посмотреть. Кажется, Лена права, действительно мымры.

В общем, уборкой мне заняться не пришлось.

Домой я брела, на ходу пережевывая впечатления дня.

В универсаме купила свежий темный хлеб, сухую колбасу и сыр, овощи для салата.

Дома, поужинав и забравшись с ногами в любимое кресло, я твердо решила, что, если я не полная дура, собираюсь работать и зарабатывать себе на жизнь, следует немедленно выкинуть из головы мысли о хозяйне компании. Впрочем, это гораздо легче оказалось на словах. Мысли мои невольно возвращались к нему. Уже ложась спать, я зажмурилась, вспомнив насмешливый взгляд его синих глаз. Я рассердилась на себя всерьез, и решила, что дам ему отпор при первой попытке сблизиться.

Следующие две недели усыпили мою бдительность, никакого отпора никому давать не понадобилось: с Виктором Иосифовичем я вообще не встречалась, а работой меня завалили так, что головы не поднять.

В кабинете я навела порядок, наклеила этикетки и расставила папки, сменила прошлогодний календарь на стене, вынесла в архив с помощью Валеры коробки со старыми документами.

Я попросила соседа, и он помог привезти из дома цветочные горшки и мою любимую пальму, и кабинет мне сразу стал нравится по-настоящему. Пальму мы когда-то купили с сестрой, и за эти годы она стала настоящей красавицей. Я принесла диски со своими любимыми записями, поставила на стол фотографию племянника Димки, за которым я ужасно скучаю, и зажила.

Изредка забегали Алена и Ленка, мы выпивали по чашечке кофе. Электрик проникся

моими проблемами и починил наш агрегат, так что кофе теперь получался первоклассный, почти как в моей любимой «Шоколаднице».

Девчонки неодобрительно смотрели на моих посетителей:

— Ну чего ты так упираешься? Тем более, начальника нет. Пошли ты их, куда подальше!

Приедет Павел Андреич, тогда пусть и приходят.

Я резонно возразила:

— Алена, тебе самой тогда как влетело бы, если бы мы не нашли договор? Нет, уж, я как-нибудь и сама справлюсь.

Выходные я, в отличие от других, не люблю. По субботам я занимаюсь уборкой, стиркой, глажкой, — в общем, любимыми женскими делами. А в воскресенье хожу за покупками, гуляю, читаю, смотрю телевизор.

Шесть лет назад, когда я заканчивала школу, умерла мама, и мы с сестрой остались одни. Таня на восемь лет старше меня, а мама давно болела, так что ей, конечно, досталось. Впрочем, со мной особых проблем у нее не было: училась я хорошо, всегда старалась помочь ей с домашней работой, так что жили мы дружно.

Сестра работала в журнале «Мужской клуб». Это рекламное издание, всякие дорогие марки часов, харизматические мотоциклы и авто, гляцевые фотографии мужиков с брутальной щетиной, клубная жизнь, — в общем, всего понемножку. Татьяна там пописывала статьи. Там же она и познакомилась со своим будущим мужем, заказавшим у них какие-то рекламные материалы.

Она уже три года живет в Америке, мы с Алексом, ее мужем, едва уговорили ее, что я достаточно взрослая и могу пожить одна. У родителей Алекса там большое семейное дело, отцу нужна его помощь, и я сказала Татьяне, что она не должна быть такой эгоисткой и держать парня в России.

В прошлом году я к ним ездила на все лето, и мне очень понравились родители Алекса. Они все — американцы русского происхождения. Теперь в моей электронной почте есть письма на корявом русском языке от Дэна, приятеля Алекса, который был очень огорчен моим отъездом. Он пишет мне на русском, а я ему — на английском. Мы оба довольны, так как каждый имеет практику в иностранном языке.

За Татьяну я очень рада. На новом месте она не потерялась, сейчас работает редактором какого-то раскрученного русскоязычного литературного сайта, в курсе всех наших книжных новинок. Иногда я именно от нее слышу, к своему стыду, новые имена в российской литературе. В свое время с ее подачи я открыла для себя Улицкую, а этим летом она мне рекомендовала почитать Славникову, но увы! То ли у меня литературный вкус приземленный, а только я не осилила пятнадцатистрочные абзацы Славниковой, состоящие из одного предложения. Да и тематика оказалась далека от меня. Так что я дипломатично доложила Татьяне, что книгу прочитала, а сама по-прежнему по воскресеньям хожу в книжный магазин. Там меня хорошо знают в отделе детективной литературы, и всегда оставляют новинки.

В понедельник утром шел дождь со снегом, ветер противно забирался под полы моей короткой шубейки, бросал в лицо горсти холодных брызг.

Я пробежала два квартала от метро и бегом поднялась по лестнице.

Едва успела повесить шубку на плечики, как появился Антон Дарминов, из

юридической службы. В руках у него была кипа папок и коробка конфет, которую он вручил мне. Он подсел к столу, и мы вплотную занялись редакцией документа.

Появившаяся Алена включила кофейную машину и неодобрительно посмотрела на Антона, чей стул стоял слишком близко от моего кресла.

Не стесняясь его присутствием, она громко сказала:

— Геля, ты учти, что Антон у нас — известный бабник. От любви к нему у нас, что ни месяц, кто-нибудь попадает в число пострадавших.

Дарминов нахмурил брови на красивом мужественном лице:

— Алена Игоревна, надеюсь, себя вы к ним не причисляете?

Алена фыркнула прямо в чашку с кофе.

— Еще чего! Попробовал бы ты подкатиться.

Антон засмеялся:

— Ага, дурак я, что ли? Я еще не забыл, как ты меня тогда в ресторане отшила.

Алена холодно на него посмотрела и сказала:

— И правильно, что отшила. Ты ж тогда посмеяться хотел, или зачем я тебе понадобилась? Для полноты коллекции?

Антон хмуро удивился:

— Почему посмеяться? Я, между прочим, просто хотел отвезти тебя домой.

Не обращая внимания на мои гримасы, Алена сердито спросила:

— А с чего ты это придумал, ну, что меня отвезти некому? Я с Валеркой приехала, с ним и уехала, а провожатые мне ни к чему. Нет, точно, ни к чему.

Она допила кофе и сказала:

— Побегу, а то меня уж потеряли. Начальник так и бдит, куда и зачем я пошла.

Она вышла из комнаты независимой походкой.

Я посмотрела на расстроенное лицо Антона и сказала:

— Ты извини, не знаю, что на нее нашло. Обычно она так на людей не бросается.

Антон с горечью сказал:

— Так то на людей. Меня она, видно, за человека не считает.

Я уловила в его голосе странные интонации, и посмотрела ему в глаза.

Он кивнул:

— Знаешь, я, как пришел сюда на работу, вел себя, как полный кретин. Изображал Казанову. Помню, даже поспорили как-то, у кого за месяц девчонок больше будет.

Я не удержалась и спросила:

— Ну, и кто же выиграл?

Антон махнул рукой и опустил голову.

— Ты не думай, я не потому, что она меня отшила. Я ее, если честно, и не замечал раньше. А накануне этой вечеринки, ну, когда мы в ресторане вместе оказались, я с приятелем случайно на концерт авторской песни попал. Алена песни пишет, на свои стихи, и сама исполняет. Ну, в общем, услышал я, как она поет, и переклинило меня. И, самое главное, что я для нее — просто орангутанг какой-то, она даже поговорить со мной не хочет. Да ты сама видела.

Я тихо сказала:

— Хочешь, я попробую это ей рассказать? Ну, то, что ты ее видел на концерте?

Он испугался:

— Не надо, что ты! Она это от всех скрывает, а тут выяснится, что я сам ее подслушал, и

тебе еще растрепал.

Я пожала плечами:

— Тогда могу тебе посоветовать только одно: терпение и такт. Или вот что: ты должен совершить героический поступок, даже подвиг. И посвятить его ей.

Он недоверчиво посмотрел на меня:

— Ты издеваешься?

Я помотала головой.

— Понимаешь, судя по страстности, с которой она на тебя нападала, Алена совсем не так равнодушна к тебе.

— Еще бы! Она меня терпеть не может!

Я спокойно возразила:

— А это неправда. Подумай сам, и ты поймешь, что я права.

Он вздохнул и сказал:

— Ладно, давай делом заниматься.

Через некоторое время я почувствовала смутное беспокойство, оторвалась от экрана и увидела, что за столом в смежной комнате с удобством устроился молодой светловолосый мужчина. Он с любопытством наблюдал за тем, как мы с Антоном работаем.

Теперь мы уже оба подняли головы, и Антон невольно отодвинулся от меня. Я покраснела.

— Павел Андреевич? — спросила я.

Он засмеялся.

— Не хотелось вас отвлекать. Как-то представляется, что рабочий процесс вас увлекает не на шутку. — Легко поднявшись, он подошел к нам и наклонился над столом, протянув мне огромную ручищу: — Шамрай, Павел. С Антоном я знаком, а вот с вами еще нет, милая девушка. Как вам удалось догадаться, что это именно я?

— У вас загар свежий. В Москве-то солнца еще толком нет. — Я приподнялась и пожала его руку: — Ангелина Громова.

Он приподнял брови:

— О как! Ангелочков у нас еще не было.

Я покосилась на него и попросила:

— Если можно, называйте меня Гелей. Я привыкла, дома меня всегда так зовут.

Павел Андреевич кивнул:

— И в самом деле, без церемоний — оно как-то лучше. — Он повертел головой и, неожиданно перейдя на «ты», кивнул на шкафы: — Это ты тут порядки навела? Молодец!

Я спросила:

— Может быть, сварить кофе?

Он уселся на широкий подоконник и кивнул:

— Кофе — это вообще здорово. Мне без сахара.

Пока я возилась с чашками, он довольно бесцеремонно сказал Антону:

— Шустрые у вас в юридической службе ребята работают. Небось, уже на вечер куда-нибудь пригласил девушку?

Парень улыбнулся:

— А вот и нет. Даже и не пробовал.

— Что так? — неподдельно изумился мой начальник.

Антон пожал плечами, а я сердито заметила:

— Может быть, хотя бы дождетесь, когда я выйду?

Павел Андреевич отхлебнул кофе и довольно сощурился:

— Ты и машинку починила? Кажется, мы сработаемся.

Я засмеялась:

— Я еще и крестиком вышивать умею. — Вынула из шкафа вазочку с домашней выпечкой, Алена ее обожает. — Печенье будете? Сама готовила.

От печенья начальник отказался, на что Антон резонно заметил:

— А вот это зря. Не знаю, как там с вышиванием, а печет Геля потрясающе.

Мы с ним вернулись к договору, а Павел Андреевич уселся за свой стол.

Через некоторое время он спросил:

— А кто это кроссворд заполнил?

Я подняла голову:

— Мы с Аленой вчера на перерыве разгадывали. А что, нельзя?

Он хмыкнул:

— Да нет, отчего же. Не знал, что в наших широтах водятся молодые интеллектуалки. Но рад, откровенно рад за нашу молодежь.

Мы с Антоном закончили работу, и он ушел. От двери он мне ободряюще улыбнулся, и, пользуясь тем, что Павлу Андреевичу его не видно, кивнул в его сторону и показал большой палец.

Я подняла голову.

Павел Андреевич внимательно изучал меня.

— Расскажи-ка о себе, — попросил он.

— Что вас интересует?

— Все. Мне с тобой работать придется, значит, нужно лучше узнать друг друга. Ну, что любишь, что не любишь, как раньше жила.

Я наморщила лоб.

— Даже не знаю, с чего начать. Жила с мамой и сестрой, училась в школе, потом в институте. Закончила с красным дипломом. Мама умерла, и я, чтобы помочь сестре, подрабатывала в юридической конторе, так что практика, пусть и небольшая, у меня есть. Не замужем, после отъезда сестры живу одна. Впрочем, не совсем: мне остались две большие комнаты в центре, но квартира коммунальная, и мы в ней живем с соседкой, Кларой Ильиничной. Она за мной присматривает. Что еще? Люблю читать, читаю много и все подряд, но особенно уважаю детективы. Люблю стихи, только хорошие. Люблю готовить. Раньше с сестрой вечно выискивали новые рецепты, а теперь переписываемся по Интернету, типа виртуальной кухни получается. Не люблю, когда обманывают, даже из лучших побуждений. Еще не люблю, когда в квартире холодно, хочется сразу залезть под плед, закутаться с носом, и спать. Не люблю, когда что-то не получается. Не люблю, когда громко. Не умею сразу переходить на ты.

Он спросил:

— Это все?

Я пожала плечами.

— Ну, ладно, тогда остальное выясним в процессе.

— Может быть, вы тоже о себе что-нибудь расскажете? — нахально спросила я. — Так, для знакомства.

Он кивнул:

— Не женат, и никогда не был. Институт закончил без красного диплома. Живу один. Читать люблю, но читаю только то, что мне лично интересно. Стихов не люблю. Готовить не умею, но всегда готов съесть что-нибудь вкусное. Когда-нибудь мне окончательно надоест ресторанная пища, и я женюсь, исключительно в кулинарных целях. Часто вру, особенно из лучших побуждений. Не люблю, когда жарко. Люблю громкую музыку. Терпеть не могу реверансы, и, если ты в ближайшее время не перестанешь мне выкать, уволю к чертовой матери.

Я съехидничала:

— Видите, как у нас много общего!

— Ага. Прямо классический пример единства и борьбы противоположностей. Стихи и проза, лед и пламень, чего-то там и камень.

Ну вот, а говорил, стихов не любит!

Несмотря на все выкрутасы, начальником он оказался, на мой взгляд, превосходным: распоряжения отдавал четкие, не надоедал контролем, хвалил, если у меня что-то получалось лучше, чем предложил он. Еще он с удовольствием поедал мои плюшки, ко мне не приставал, хотя я не один раз ловила на себе его одобрительный мужской взгляд. Он никогда не интересовался тем, как я провожу свободное время, и я решила, что не слишком интересую его, как женщина. Меня это не огорчило. В свободную минуту он часто разгадывал кроссворды, и в вопросах литературы и искусства я стала для него авторитетом. Мы оба от общения друг с другом получали удовольствие, обсуждали прочитанные книги и фильмы. Мне нравилось слышать его мысли по поводу и без, хотя он всегда предупреждал, что это его «шпучное мнение».

Алена мне смертельно завидовала. У ее начальника лозунг «Бабы — дуры» был руководящим и определяющим, и ее, Алену, он ел поедом. Это притом, что Алена знала два языка, работником была, в отличие от большинства офисных барышень, толковым и грамотным.

Она заедала обиды моим печеньем, и жаловалась:

— Представляешь, вчера я в его тексте исправила кое-что, он там слово «в связи» написал слитно с предлогом и через два «и», так он прямо рассвирепел. А вы тут живете, как шерочка с машерочкой, даже завидно, честное слово. И ты еще не можешь человеку сделать приятное, и обращаться к нему по имени и на «ты».

Действительно, я старалась избегать того, чтобы обращаться к Павлу Андреевичу вообще, так как хорошо помнила его предупреждение, но пересилить себя не могла. Кажется, его это и развлекало, и сердило одновременно.

Меня выручил случай.

Март сменил апрель, ознаменовавшийся холодными, злыми ветрами.

Мелкий дождь упорно поливал землю, не оставляя своей монотонностью даже надежд на то, что когда-нибудь наступит весна. Все ходили хмурые, простуженные. Даже мой начальник загрустил, перестал подшучивать над нами с Аленой.

Вечером, собираясь домой, он пожаловался на головную боль и ломоту в теле.

— Знаешь, как будто меня избili. Даже кожа болит, когда к ней касаешься. И есть совершенно не хочется. Что за черт?

Я подошла к нему, притянула за уши вниз, и потрогала губами лоб. Встревожено сказала:

— Слушай, Павел, у тебя температура. Езжай домой, выпей на ночь Фервекс, мне обычно в самом начале болезни это помогает.

Он со странным выражением продолжал стоять возле меня.

Тихо сказал:

— Вот видишь, и ничего страшного.

Только тут я поняла, что легко прошла барьер своей стеснительности, и засмеялась.

Влетела Алена, позвала меня:

— Не копайся! Валерка нас вызвался отвезти по домам, но будет ругаться, если мы не выйдем сию минуту.

Мне показалось, что Павел с неудовольствием посмотрел на нее.

Утром он на работу не явился, и я позвонила ему на домашний номер.

Трубку взяла женщина, и, на мою просьбу пригласить Павла Андреевича, ответила, что он болен, сейчас уснул. Сама она убирает в его квартире два раза в неделю, сегодня пришла, а он дома. Врача Павел вызвать не позволил, а сам никаких лекарств не пьет.

— Ему так плохо? — только и спросила я.

— Конечно, плохо. Он говорил, когда-то за границей работал, теперь его иногда трясет, просил, чтоб я не боялась, а укрыла его потеплее, все пройдет. — Женщина заколебалась, но потом спросила: — А вы ему кто будете?

— Я сотрудница. Боевая подруга.

Она обрадовалась:

— Раз подруга, может, приедете сюда, а? Хотя бы после обеда? Совестно человека одного оставлять в таком состоянии. А я уберусь, и мне идти надо, у меня дома полный лазарет, муж с гриппом слег, и у свекрови давление.

Я решила в секунду.

— Давайте адрес.

Быстро растолкала все дела, предупредила Лену и Ирину Тимофеевну, что начальник заболел, и я еду его проведать. Обе ему посочувствовали, надавали мне кучу советов.

В обед я пробежалась по магазинам, заскочила в аптеку, и через час вошла в подъезд его дома. Меня придирчиво допросил парень в камуфляжной форме, дежуривший внизу, и, только после того, как Мария Ивановна подтвердила по телефону мои полномочия, проводил к лифту, поднеся пакеты.

Она встретила меня у лифта уже в пальто, помогла войти в квартиру, сунула запасные ключи и через пару секунд после того, как щелкнул замок закрывшейся за ней двери, я услышала шум работающего лифта.

Я разулась у порога, повесила в шкаф пальто и занесла пакеты в кухню. На цыпочках прошла по квартире, огляделась.

Квартира Павла впечатляла. Дорогая мебель, удобные диваны, роскошные ковры и картины в тяжелых рамах. Правда, по отсутствию безделушек и дамской косметики в ванной заметно, что женщины в квартире отсутствуют. В кабинете на стене висел портрет молодой светловолосой женщины и Павла, он обнимал ее за плечи, она хохотала. Снимок делали где-то в горах, оба были в спортивных костюмах, белозубые, загорелые.

Я подумала, что неизвестно еще, как Павел отнесется к моему вторжению в частную жизнь, а уж рассматривание портретов ему явно не понравится.

Прошла дальше по коридору и наугад отворила одну дверь. Видимо, это была гостевая спальня, потому что там никого не было.

В соседней комнате, с плотно задернутыми портьерами на окнах, на широченной кровати спал Павел. Я тихо прикрыла за собой дверь.

Я догадалась захватить с собой джинсы и любимую майку, которые остались в шкафу на работе с тех времен, когда я наводила порядки в кабинете. Переодевшись в свободной спальне и аккуратно развесив офисный костюм, вернулась в кухню.

Поставила вариться бульон из домашней курицы, приобретенной мной на рынке, приготовила клюквенный морс из мороженных ягод. Нарезала салат в стеклянную мисочку, но заправлять не стала. Хотела нажарить котлет, вдруг у Павла проснется аппетит, но потом подумала, что жареного ему точно есть не стоит, и приготовила кастрюльку тефтелей.

Павел все еще спал, а за окном уже темнело.

Сварила себе кофе и прошла в гостиную. На журнальном столике обнаружили сразу три пульта, и я с трудом, но разобралась с телевизором. Поразвлекавшись со множеством незнакомых мне каналов спутниковой тарелки, я выбрала старую отечественную комедию «Укротительница тигров».

Утонув в удобных диванных подушках, я поджала под себя ноги, и, кажется, задремала.

Открыв глаза, засмеялась.

В дверях гостиной стоял весь всклокоченный и небритый Павел, с куриной ногой в руках. Он с изумлением смотрел на меня.

— Ты? — только и спросил.

Я кивнула, поднимаясь с дивана.

— Конечно, я, — и отрапортовала — Прибыла в составе спасательной экспедиции, приняла пост от твоей Марии Ивановны.

Он пригладил волосы рукой, свободной от куриной ноги, и засмеялся:

— Так это ей я обязан?

— Ага. Пойдем, я тебя буду кормить и лечить.

Он виновато глянул на свой трофей:

— Да я, некоторым образом, уже нашел, что съесть. Это ты мне морс на тумбочку поставила?

Я внимательно посмотрела на него и потрогала лоб. На мой взгляд, смерть ему не грозила, по крайней мере, в ближайшее время.

— Тебе надо больше пить. Только не газировку, а вот морс, или чай с лимоном. Пойдем, я тебе налью бульон, мама меня всегда так кормила.

В кухне он с удобством устроился, вытянув длинные ноги. Я заметила, что он босиком, и отругала его:

— Ты ведь болен! Немедленно найди теплые носки.

Павел неожиданно послушался меня, пошел в спальню.

Он отсутствовал довольно долго. Появился чисто выбритый, в свежей майке.

С одобрением посмотрел на накрытый стол, полез в морозилку.

Увидев в его руках бутылку водки, покрытую изморозью, я запротестовала:

— Павел, ну, ты как маленький! Она же холодная!

— Не волнуйся. Я так всегда лечусь. Первое дело, при простуде-то.

Я от водки отказалась. Он налил мне в бокал чилийского вина:

— Попробуй, тебе понравится.

Вино, в самом деле, оказалось терпким и вкусным.

Мы поужинали. Я обрадовалась, что замечательный аппетит Павла не пострадал, потому что он съел почти все тефтели и половину курицы.

Я поднялась, чтобы вымыть посуду. Павел с интересом рассмотрел мою майку и засмеялся.

Майку мне подарила сестра. На ней крупными буквами написано по-английски: «Если хочешь кофе в постель, ты должен подняться, приготовить его и снова лечь».

— Это твой девиз?

— Нет. Но мне нравится.

Он посмотрел мне в глаза и сказал:

— Мне тоже.

Я вытерла руки, посмотрела на часы и сказала:

— Мне пора. Уже поздно, вызови мне такси.

Павел нахмурился.

— Оставайся здесь. Ты ведь говорила, тебя никто не ждет? У меня есть лишняя спальня, зубную щетку я тебе выдам. Надеюсь, ты не думаешь...

Я улыбнулась и кивнула.

— Решено. Только предупрежу Клару Ильиничну, а то она будет волноваться, а ей нельзя.

Он с интересом посмотрел на меня:

— Соседка и в самом деле за тобой присматривает?

— Я выросла на ее глазах. Кроме меня, у нее есть сестра и племянник, но я его никогда не видела. Это сын сестры, он не то геолог, не то золотодобытчик, в общем, в Москве не появляется. Клара Ильинична — пожилой человек, часто болеет. Каждую весну ложится на ежегодное обследование в клинику, а потом на все лето переезжает вместе с сестрой на дачу, а поздней осенью возвращается. Скоро, наверное, опять засобирается. Мы всегда жили одной семьей, в комнатах даже нет замков.

— Звони, раз такое дело, — разрешил он.

Утром я поднялась рано, умылась, прислушалась: за дверью его спальни царил тишина.

Приготовила Павлу на завтрак блюдо сырников, достала из холодильника джем и сметану, а то он и не догадается их поискать.

Разложила таблетки на три кучки, написала на бумажке время, когда он должен их принять.

Забрала запасные ключи и тихо закрыла за собой дверь.

Охранник внизу еще не сменился, так что вопросов у него не возникло.

Наверное, он решил, что я ночевала с Павлом. Впрочем, нравы сейчас широкие, да и какое мне дело до того, что подумает обо мне охранник?

Зато вопросы возникли у Ленки и Алены.

Сначала в меня вцепилась мертвой хваткой Ленка.

— Ты с ним спала? Вот здорово! Гелька, да ты у нас просто роковая соблазнительница! И чего они в тебе находят? Будь человеком, расскажи все в подробностях!

Несмотря на то, что мы с Осмоловским даже не виделись больше ни разу, она вбила себе в голову, что у него ко мне интерес. А теперь еще и Шамрай! Поскольку разубеждать ее в этом было бесполезно, я спокойно ответила ей:

— Я спала в квартире Павла Андреевича, если тебя это интересует.

Она сощурила кошачьи глаза:

— Скажи еще, что между вами ничего не было.

— И скажу.

Она разочарованно вздохнула:

— Ну, он тебе хоть предлагал выпить, то, да се?

— Выпить предлагал. Чилийское вино.

Ленка выдохнула:

— Вау! — Она наклонилась ближе и решительно объявила: — Так, все: в обед ты мне все расскажешь, а я тебе объясню, как добиться с ним контакта и подтолкнуть его к решительным действиям.

Я пришла в ужас:

— Лен, ты чего?! Не хочу я никакого контакта, и решительного ничего не хочу!

Она негодуя спросила:

— А замуж ты хочешь?!

— И замуж не хочу! — шепотом заорала я, потому что к нашему разговору уже прислушивались.

— А вот этого не надо. Короче, придешь за инструкциями, а там как знаешь. Потом спасибо скажешь. Можешь поверить моему опыту.

Опыт, действительно, был: Ленка дважды была замужем. Впрочем, все ее впечатления о предыдущих мужьях укладывались в два слова: «дерьмо собачье». Непонятно, зачем она с таким упорством лезла туда же еще раз.

Перед самым обедом появилась Алена.

Она ни о чем меня не спрашивала, но вздыхала и посматривала на меня укоризненно.

Первой не выдержала я:

— Ну, и чего ты вздыхаешь?! Не тронула я твоего любимого Павла Андреевича, даже пальчиком не прикоснулась. И что вам всем от меня надо?

Она сгорбилась, заглянула в чашку и «мохнатым» голосом спросила:

— Неужели он тебе совсем не нравится? Ни капельки?

— Почему? Нравится. И еще мне нравятся десяток мужчин. Вот подумываю, может, в мормонки записаться?

Она вздохнула:

— У мормонов — многоженство, тебе лучше к амазонкам податься. А, впрочем, делай, что хочешь.

— Вот и правильно. Со своим Антоном разберись лучше, а то парень уже похудел, без слез не глянешь.

Алена ошетибилась:

— С чего ты за него заступаешься? Ненавижу таких, как он, понимаешь, ненавижу!

Я резонно возразила:

— Послушай, Антон говорит, что ты с ним говорить не хочешь, откуда же такая страстная уверенность в том, что он плох? А мне он нравится. Умница, начитанный, любит

стихи, довольно хорошо разбирается в музыке, даже школу окончил. И симпатичный, с таким не стыдно появиться в обществе.

Алена поднялась со стула, сунула чашку на поднос и сердито сказала:

— Вот и целуйся с ним. Мне и то кажется, что у вас завелись странные отношения. Не слишком я верю в дружбу с таким парнем, как Антон.

Я поймала ее за свитер, обняла и притянула к себе:

— А ты ревнивая. Это хорошо, только глупо. А по отношению ко мне — еще и смешно: мы с Антоном, если честно, часто о тебе разговариваем.

Она затряслась от негодования:

— Ты ему мои тайны выдаешь, что ли?

Я засмеялась:

— Ну, какие у тебя тайны? Ты, что, шпионка? Просто болтаем, он о тебе ни с кем больше говорить не может, вот и получается так.

Я отпустила ее, подошла к окну.

— Алена, серьезно тебя прошу: присмотришься к Антону, как бы потом локти не кусать. Хороший ведь парень!

Алена подошла ко мне и молча, покусывая нижнюю губу, смотрела на улицу.

К банку напротив нас прибыл целый кортеж: белый лимузин управляющего, два авто с охраной. Все засуетились, деловито забегали. Мы с Аленой прыснули:

— Интересно, от кого они его так охраняют? Вот уж воистину, мания величия.

Алена, обрадованная тем, что тему мы сменили, задумчиво сказала:

— Я как-то читала одну книжку о театре. Мысль мне там одна понравилась: королеву на сцене играют ее партнеры. Ну, от их поведения зависит впечатление зрителей. Вот тебе и иллюстрация, — она кивнула вниз.

Появившаяся в дверях Ленка громко спросила:

— Сколько вас можно ждать?!

Мы перекусили, и девчонки помогли мне с покупками. Нагруженные свертками, мы вернулись в офис.

В связи с отсутствием Павла работы у меня ощутимо прибавилось, и до шести часов я провертелась, как белка в колесе.

Ближе к концу рабочего дня подготовила пакет с документами, которые Павел должен был подписать, уложила пакеты с продуктами в объемистую сумку, которую мне выделила Ирина Тимофеевна.

Ровно в шесть в дверях появился Антон.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Меня Лена прислала. Говорит, нужно тебя подвезти с пакетами.

— Вот еще! — Сгорая от стыда, я пообещала завтра убить Ленку. Не хватало, чтобы завтра весь офис знал, что я ночевала у своего начальника. — Сама прекрасно доберусь!

Он молча подхватил мои вещи и спокойно сказал:

— Жду тебя в машине.

Я покидала в сумку телефон и косметику, заперла кабинет и скатилась по лестнице.

В машине Антон молчал. На светофоре остановился, повернул ко мне голову и сказал:

— Надеюсь, у тебя с ним серьезно. Он замечательный мужик, и будет нехорошо, если ты просто так.

Я сердито сказала:

— Антон, да что же это, в самом-то деле?! У меня с Павлом Андреевичем ничего нет ни серьезного, ни просто так. Ясно?

Он примирительно сказал:

— Хорошая ты девчонка, Геля. Можно, я тебе...

Я прервала его:

— Вот только никаких советов мне не надо. Оставьте меня все, ладно?

— Ладно.

У подъезда он остановился:

— Помочь?

— Сама как-нибудь управлюсь, — пробурчала я.

Охранник был другой, мне пришлось звонить в квартиру Павла, чтобы он подтвердил, что ждет меня в гости.

Лифт спустился вниз, и из него вышел сам Павел. Выглядел он сегодня вполне прилично. Кивнув охраннику, он подхватил мои сумки и подтолкнул меня к лифту.

— Чего такая сердитая? — спросил он.

Я отмахнулась:

— А, ты же знаешь нашу контору.

Он хмыкнул:

— Чувствую, что скоро мне придется, как честному человеку, жениться на тебе. Не обидно страдать зазря?

Я покосилась на него. Что там Ленка говорила о решительных действиях?

Я дала себе мысленно честное слово, что приготовлю ужин, подпишу бумаги и уеду домой. Антон прав, нечего мужику голову морочить.

Павел расположился с бумагами в столовой, отделенной от кухни широкой аркой.

Я сновала от стола к раковине, на ходу давая ему пояснения.

Сделала целый противень отбивных, свернув каждую рулетом, с грибами, сыром и зеленью, поставила в жарочный шкаф. Нарезала миску салата с куриной грудкой, зеленым луком и свежими огурцами.

— Павел, я для тебя креветок купила, ты их любишь? — спросила я.

— Конечно. А кто же не любит?

— Я и не люблю. Но приготовить могу. Я их отварю и запеку в горшочке. Тут у тебя очень симпатичные горшочки есть, вместо кокотниц.

— Вместо чего? — изумился Павел, появляясь в проеме арки.

Я махнула рукой:

— Это такие штучки маленькие, их в ресторане завертывают в бумагу, чтобы не обжечься. В них запекают грибы, креветок.

— А, типа жульена? — обрадовался Павел. — Давай! Это я знаю. А то придумали кокотниц, и название какое-то неприличное.

Я прыснула.

— Завтра можешь сам разогреть все в микроволновке, будет также вкусно.

Павел сокрушенно вздохнул:

— Вижу, тебе уже надоело сидеть у постели больного и держать его за руку?

— Павел, иди подписывай бумаги, через десять минут ужин будет готов.

В этот момент снизу Павлу позвонили, и он пошел к двери.

Я сняла полотенце с плеча, пристроила его на крючок.

Из прихожей послышались голоса, и на пороге появились Осмоловский и Павел, оба с пакетами в руках.

Вид у меня был вполне домашний, в общем, ситуация совершенно недвусмысленная.

Первым в себя пришел Павел:

— Знакомься, это Геля.

Осмоловский прервал его:

— А мы знакомы. Только сегодня вернулся из Австрии, Лена сказала мне, что ты заболел, и я решил провести друга. Извини, Павел, что без звонка, нарушил ваши планы.

Я с таким отчаянием посмотрела на Павла, что он вмешался:

— Да, собственно, никаких планов и не было. Геля привезла мне документы на подпись, и, заодно, приготовила ужин. Присаживайся, поужинаем вместе. Готовит она замечательно.

Мужчины принялись доставать и рассматривать бутылки и коробки из пакетов, а я смогла прийти в себя. Виктор Иосифович рассказывал о каких-то общих знакомых, которые передавали Павлу привет.

Я поставила еще один прибор, достала противень и горшочки из шкафа, смешала салат, уложила на тарелки зелень и фрукты. Выглянула в комнату, позвала мужчин.

Павел достал из морозильника водку, разлил ее по рюмкам.

— А Геле? — удивился Осмоловский.

— Она пьет вино. — Он достал вчерашнюю бутылку, наполнил мой бокал. — Ну, за встречу!

Виктор засмеялся:

— Актуальнее был бы тост за здоровье, тебе не кажется?

Неожиданно серьезно Павел сказал:

— Иногда так приятно оказаться больным. Главное, чтобы рядом были друзья.

Во время ужина ко мне вернулась способность говорить, которую я, казалось, окончательно утратила в присутствии Осмоловского. Он оказался превосходным рассказчиком. Мы очень мило поболтали, он расспрашивал меня о семье, о том, как мне нравится работа.

В общем, опомнилась я, когда часы пробили полночь.

Я торопливо поднялась:

— Мне уже пора. Нет, нет, не беспокойтесь, я вызову такси.

Собрав посуду и сгрузив ее в машинку, я убрала оставшиеся продукты в холодильник. Павел хмуро наблюдал за мной, но уговаривать остаться не стал.

Я переоделась в спальне, собрала в пакет документы, которые привозила из офиса.

Увидев объемистый пакет в моих руках, Осмоловский поднялся и сказал:

— Я и сам уже собирался домой, так что Гелю завезу. Тем более, нам по пути.

Я сдержанно попрощалась с Павлом, удержать меня он не пытался.

Виктор Иосифович пропустил меня в лифт, я кивнула Павлу на прощание. Мне показалось, что Осмоловский что-то сказал ему, потом коротко засмеялся и шагнул ко мне.

Около машины я заметила, что Осмоловский без водителя. Учитывая, что выпили они

оба довольно прилично, я удивилась. Впрочем, демонстрировать своих чувств не стала.

В моей собственной голове чуть шумело чилийское вино, рядом был мужчина, который давно и безуспешно мне нравился, и я решила, что сегодня могу дать себе поблажку, и просто получу удовольствие от поездки по ночной Москве с ним рядом. Тем более, что такая поездка может никогда больше не повториться.

Он пристроил пакет с документами на заднее сидение, помог мне усесться впереди.

Мы ехали молча. Ночная Москва, без пробок и скопища машин, сияла чистыми тротуарами. Я исподтишка таращилась на его руки на руле машины, и у меня почему-то покруживалась голова.

Я задумалась и очнулась, только когда машина остановилась у моего подъезда.

Я с недоумением посмотрела на Осмоловского:

— Как вы узнали, где я живу?

Он хмуро сказал:

— Посмотрел в твоём личном деле. А как-то вечером, примерно через неделю, как увидел тебя первый раз, приехал сюда. Вот те два окна, угловые, ведь это твои?

Я растерялась. Догадываясь, что спрашивать этого ни в коем случае не нужно, а нужно бежать со всех ног прямо до канадской границы, я все-таки спросила:

— Зачем?

И он повернулся ко мне и спокойно сказал, чуть пожав плечами:

— Затем, что ты мне ужасно нравишься. — Он нашарил в карманах сигареты, закурил, чуть опустив стекло. — Я не хотел, чтобы ты об этом когда-нибудь узнала. Я, как бы это выразиться, мужик с обязательствами, а ты заслуживаешь лучшего, чем поездка в Испанию на две недели. Поскольку ничего другого я тебе предложить не мог и не могу, я дал себе клятву, что ты даже никогда не услышишь о моих, прости за высокий слог, чувствах. И мне это как-то удавалось, за исключением редких приступов странных желаний, вот увидеть твои окна, например. Но от этого ведь никому не было плохо? Никому, кроме меня. А днем я случайно услышал ваш с Леной разговор, и понял, что сегодня ты останешься с Павлом, и тогда уже ничего не переиграешь, ни-че-го! И я придумал повод, явился к нему домой, что, поверь, не в обычае у нас с ним, увез тебя. Уж и не знаю, что он обо всем этом думает.

Я молчала, а он выбросил сигарету и вздохнул:

— Это еще ничего. Я вот сидел и весь вечер думал, что я могу натворить и как далеко зайду, если ты скажешь, что решила остаться?

О, Господи, почему канадская граница так далеко? А его руки, и губы, и нестерпимо синие глаза так близко ко мне?

Под утро он выпустил меня из рук, поднялся и сел.

Я открыла глаза:

— Ты куда?

Он потер лицо руками:

— Я должен ехать. Извини. Когда-то давно я дал клятву человеку, ближе которого у меня никогда и никого не было, что обязательно буду утром просыпаться в своей постели, как бы поздно я не вернулся. Этот человек уже умер, и клятву, которую тогда дал, мне уже не вернуть. Я женат на его дочери.

Я тоже уселась, накинула халатик.

— Подожди.

Вернулась через несколько минут, принесла чашку кофе.

Виктор был уже полностью одет.

Он сдержанно поблагодарил, выпил кофе, поцеловал меня в висок. Помедлив, спросил:
— Ты не сердишься?

Я потерлась носом о шершавую ткань его костюма, вдохнула запах его горьковатой туалетной воды.

— Давай договоримся: никаких обязательств с твоей стороны, никакой ревности и требований с моей. Я буду счастлива, если смогу быть с тобой рядом хотя бы несколько мгновений, несколько минут. Тебе достаточно будет позвонить мне и назначить время и место. Я буду вовремя, если это окажется в моих силах. Я понимаю, что выходные и праздники всегда будут принадлежать твоей жене, и постараюсь не злиться. Я никогда и никому не расскажу о нас с тобой, я обману даже детектор лжи, если понадобится.

Виктор повернулся ко мне, прикоснулся к моему лицу. Его голос дрогнул:

— Ты сама не понимаешь, на что соглашаешься. Зря я тебя втянул во все это. Обещай, что, если тебе станет невмоготу терпеть, ты сама об этом мне скажешь. Хорошо? — Он глянул на часы и глухо сказал: — Прости, мне уже пора.

Павел явился на работу позже обычного.

Он вошел в кабинет, неся под мышкой объемистый пакет со вчерашними документами. Черт, я таки забыла его в машине Виктора!

Я робко спросила его, как он себя чувствует.

Павел посмотрел на меня долгим взглядом, потом спокойно сказал:

— Все нормально. Проехали.

С этой минуты он вел себя со мной так же, как раньше. Только я стала замечать, что иногда он подолгу смотрит на меня, когда думает, что я этого не вижу.

Впрочем, с той ночи моя жизнь наполнилась такой любовью и такими переживаниями, что до чувств и мыслей других людей мне просто не было дела. Нет, я не стала равнодушна к их переживаниям, просто у меня как будто уши заложило, ну, как в самолете.

Виктор звонил:

— У меня есть два часа.

И я больше уже ни о чем думать не могла, как только о минуте, когда мы останемся одни. О, Господи, как же я была тогда влюблена!

Как-то, лежа на прохладных шелковых простынях и остывая от недавних объятий, я попросила его:

— Виктор, ты не звони мне заранее, пожалуйста. Я потом ни о чем думать не могу, кроме как о том, как у нас с тобой все будет.

Он провел ладонью по гладкой коже моего бедра, и в глазах его сверкнули довольные искорки:

— Неужели ты так отчаянно влюблена?

Я кивнула.

Скрывать было бессмысленно: влюблена отчаянно и бесповоротно.

Примерно через неделю после нашего первого свидания, он привез меня в квартиру, которую купил в новом доме для наших встреч. Жильцы друг друга не знали, и мы могли рассчитывать на сохранение тайны. Виктор приобрел место в подземном гараже, и,

приезжая ко мне, оставлял машину там. Вскоре я и насовсем здесь поселилась, объяснив Кларе Ильиничне, что поживу у своего парня. Женщина она вполне современная, поняла меня. Периодически я навещала ее, со временем ограничившись звонками. Сестре я благоразумно не стала сообщать об изменениях в личной жизни, инстинктивно понимая, что она этого не одобрит.

Зато теперь мы могли встречаться чаще. Иногда Виктор забежал буквально на полчаса, предупредив меня звонком, а иногда являясь, как снег на голову, без всякого предупреждения.

Опасаясь, что он может столкнуться с кем-то из подруг, я жила почти затворницей.

На работе мы не разговаривали и почти не встречались, чтобы приятельницы его жены не наболтали ей лишнего.

Иногда, впрочем, довольно редко, я встречала Владиславу Николаевну в коридорах компании, а однажды столкнулась с ней в приемной. Это была еще молодая, и все еще очень красивая холодная и сдержанная женщина. Правда, Алена как-то сказала, что работала с ней, и предупредила меня, что та — стерва редкостная, и не дай мне Бог попасть ей в руки. Она носила изысканные наряды, и, надо признать это, представляла вместе с мужем очень гармоничную пару.

По молчаливому уговору, ни с Леной, ни с Аленой я своими тайнами не делилась. Конечно, обе догадывались. Алена не одобряла этого, но в открытую осуждать меня не решалась, боясь причинить боль. А Ленка, всегда готовая поддержать чужую интригу, молчаливо покровительствовала своему начальнику.

Компенсируя недостаток времени и внимания, Виктор буквально заваливал меня дорогими подарками, духами, украшениями. Ему доставляло чувственное удовольствие смотреть, как я примеряю дорогое белье, или красивую одежду и обувь. Каждый вечер я наряжалась, как если бы знала, что он непременно приедет.

Мы почти никуда вместе не выходили, опасаясь лишних глаз. Впрочем, Виктор часто ездил в командировки, и иногда к нему присоединялась и я. Мы часто ездили за город, гуляли по уютным городкам Подмосковья.

Так прошло лето, наступила осень с ее затяжными, занудными дождями.

Я поняла, что имел в виду Виктор, говоря о том, что я не знаю, какую ношу принимаю, соглашаясь на связь с ним.

Я пыталась занять свободное время, чем только можно. Я вязала и вышивала, читала книги и смотрела телевизор, но все это время мучительно ждала его звонка. Алена видела, что я чем-то расстроена, и молча сочувствовала. Кажется, Виктор тоже заметил это, потому что стал еще внимательней.

Я не проработала и года, отпуск мне не полагался, но он велел мне написать заявление и подарил путевку в Испанию. Я сначала обрадовалась перемене мест, климата, а потом заскучала. Наверно, он понял все по моему голосу. Вернувшись в мадридскую гостиницу после экскурсии по какому-то дворцу сложной архитектуры, я вошла в вестибюль и около широкого окна увидела его. Я просто не помню, успели ли мы добраться до номера без приключений, так мучительно я хотела его рук и губ. Кажется, следующие сутки мы провели в постели. На другой день, раздав щедрые чаевые, мы улетели домой.

А дома опять дожди и промозглая серость.

Я записалась в элитный оздоровительный центр, чтобы хоть немного отвлечься.

Занятия были довольно дорогими, но Виктор оплатил мой абонемент.

На занятиях я познакомилась с молодой женщиной моих лет. Ее звали Мариной. Мы посещали одного тренера, и после занятий частенько посещали кафетерий на первом этаже здания. Марина говорила, что этот центр в два раза дороже, чем предыдущий, который она посещала раньше, но ровно в два раза ближе к ее работе. Выяснилось, что работает она в том банке, что расположен напротив здания нашей компании. Я обрадовалась этому, посчитав, что знакомство можно и поддержать. Пару раз мы пообедали вместе, когда Алена и Лена были заняты.

У Марины была своя машина, и она частенько звонила мне, чтобы подвезти на занятия. Домой ни я, ни она друг друга не приглашали.

Вскоре после возвращения из Испании произошло незначительное событие, которое повлияло на судьбы близких мне людей.

Вечером, выходя из офиса, мы заметили на другой стороне улицы необычное оживление. Несколько человек стояли под высоким раскидистым деревом и смотрели вверх, задрав головы. Присмотревшись, мы увидели высоко на дереве крошечного котенка. Вцепившись в ветку, он дрожал и отчаянно мяукал.

Стоявший внизу охранник банка жалостливо сказал:

— Вот бедолага, полдня сидит. Слезть боится. И что с ним теперь делать, не ясно.

Ленка спросила:

— А как он туда залез?

Охранник охотно пояснил:

— Собака его туда загнала, здоровенная. Дог, что ли. Я хозяина попросил, чтобы он собаку придержал, да уж поздно было. И как его теперь снять, ума не приложу. Уже звонили спасателям, они сказали, что лестница занята где-то на объекте, и что подъедут завтра утром.

Алена сердито сказала:

— Что ж за люди такие? Он до утра не дотерпит, или замерзнет, или свалится.

В это время к нашей компании присоединились Антон и Павел. Я заметила, что в последнее время они сдружились. Ленка ехидно заметила, что на почве несчастной любви, но, заметив, что мы с Аленой ее не поддержали, только хмыкнула.

Антон остался внизу, а Павел исчез за тяжелой банковской дверью. Через пару минут открылось большое окно на балконе, и Павел появился там. Он деловито перелез через ограждение, что-то промерил и удовлетворенно крикнул:

— Антон, давай. Ты его раскачаешь, а я притяну сюда.

Антон кивнул, стянул куртку и пиджак, оглянувшись, увидел нас троих и сунул мне вещи.

Он довольно ловко забрался на первое разветвление, потом перебрался выше и выше.

Охранник вздохнул:

— Напрасно лезет. Там, где сидит котенок, ветки совсем тонкие.

Алена, зачарованно смотревшая вверх, тихо сказала:

— Мамочка...

Антон, перехватывая руками, повис на все еще довольно толстой ветви и раскачал дерево.

Я встревожено крикнула:

— Павел, осторожно!

Ухватившись одной рукой за перила, он повис на высоте третьего этажа. Казалось, что все напрасно, но в какой-то миг ему удалось ухватить ветку, он притянул ее и через мгновение отпустил. Все радостно завопили: Павел сунул котенка себе за пазуху и спустился к нам как раз в тот момент, как Антон прыгнул на асфальт.

Я сунула вещи Антона растерявшейся Алене, Павел протянул мне котенка, тот дрожал, отчаянно растопыбив лапки, и моргал огромными от страха глазами. Я спрятала его под куртку, малыш замолчал в тепле.

Павел оглядел толпу и махнул рукой:

— Цирк окончен, все по домам. Подвезти тебя? — спросил он.

— Подвези, — согласилась я, неожиданно для самой себя.

Махнула девчонкам рукой, отметив про себя растерянное выражение лица Алены, все еще стоящей с курткой в руках.

По дороге мы молчали. Уже у самого дома я почувствовала какое-то шевеление, расстегнула замок и наружу высунулась забавная всклокоченная мордаха котенка. Он беззвучно мяукнул.

Павел засмеялся:

— Что, голос потерял? Будешь знать, как по деревьям лазать.

Я виновато пояснила:

— Его дог загнал, а потом он уже не мог сам спуститься. Сейчас я его накормлю теплым молочком, голос и вернется.

Я посмотрела Павлу в лицо:

— Зайдешь?

— Нет. Домой поеду. Пока!

Уставший от переживаний котенок наелся молока и уснул. Я устроила его в прихожей.

Сама уселась в кресло рядом и жалостливо наблюдала за кошачьим детенышем.

Грустные мысли прервала трель домофона.

Искаженный мембраной голос Алены пробурчал:

— Я это. Пусти.

Я открыла дверь и испугалась: зареванное лицо, все в потеках туши.

— Что случилось? — только и смогла спросить я.

— Ничего, — пробормотала подруга замерзшими губами.

— Хорошенькое дело. Ты в зеркало на себя смотрела?

Она всхлипнула:

— Нечего мне туда смотреть, чего я там не видела?

Без лишних разговоров я сняла с нее куртку, стянула ботинки и отвела в ванную. Вздохнула об общей несправедливости жизни, и пошла включать чайник.

Из ванной прибрела Алена. Вид у нее был гораздо лучше.

— Я к тебе по делу. Можно, я заберу котенка себе? Он же не породистый, зачем тебе?

Я удивилась.

— Да я и не собиралась заводить котят, ни породистых, ни беспородных. Так получилось, что Павел отдал его мне, я и подумала, пусть живет. Но если ты считаешь, что у тебя ему будет лучше...

Алена обреченно вздохнула:

— Люблю я его.

— Кого, котенка? — изумилась я.

Лицо Алены опять исказилось:

— Антона. Люблю, хоть и понимаю, что ничего хорошего из этого не получится. — Она опять всхлипнула.

Я подсела к ней, погладила по плечу.

— Почему же не получится, глупая? Я давно знаю, что вы любите друг друга, женитесь, нарожаете детей, будешь им песни петь собственного сочинения.

Алена с ужасом посмотрела на меня:

— А про песни ты откуда знаешь? — спросила она. — Я в конторе ни одной живой душе не проговорила.

Я вздохнула:

— Антон мне и сказал. Говорит, что слышал тебя на концерте, и влюбился сразу. А ты его тогда же отшила.

— А почему он мне не сказал, что слышал, как я пела?

— Он боится, что ты окончательно на него разозлишься, и тогда он тебя насовсем потеряет.

Алена прижала котенка к груди, и он недовольно пискнул.

— Ох, и навертела я, Геля! Сегодня я твердо поняла, что просто не могу без него жить, и все. Стояла, как дура, посреди улицы с его курткой в руках, и все про себя поняла.

Она снова завздохала и подозрительно засопела носом.

Домофон опять залился колокольчиками. Что же за вечер у меня сегодня? Гости один за другим.

Услышав в трубке голос Антона, я сначала взволновалась, а потом подумала: чему быть, того не миновать.

Я нажала кнопку и велела ему подниматься.

Отворив дверь, я дождалась, когда он выйдет из лифта. В руках Антон держал какую-то забавную плетеную штуку.

— Вот, — сказал он. — Это котенку.

Я поняла, что это кошачья корзина.

Антон помялся и спросил:

— Слушай, давай я его заберу? А тебе породистого подарю, если захочешь.

Я засмеялась:

— Дались вам породистые коты! Сроду у меня их не было. А насчет этого котенка — нет, не могу. Я его уже отдала человеку, которому он очень нужен, даже больше, чем тебе. Раз ты с машиной, можешь их отвезти по месту прописки. Вместе с корзиной.

Антон озадаченно посмотрел на меня. В этот момент в прихожей появилась Алена с котенком на руках.

Антон молча топтался, ничего толком не понимая.

Алена подняла голову и спросила:

— Отвезешь нас?

Он сглотнул, посмотрел на меня и кивнул ей.

Котенка поместили в корзинку, Алена молча оделась. Я открыла дверь, и оба шагнули к лифту.

Аленка быстро обернулась, поцеловала меня куда-то в ухо и вернулась к Антону,

доверчиво подняв к нему глаза.

Лицо у парня дрогнуло, он наклонился к ней, и взял ее за руку.

Я закрыла дверь и уселась в кресло, беспричинно улыбаясь.

Как-то чувствовалось, что котенок попал в хорошие руки.

Неотвратимо приближались новогодние праздники, которые грозили растянуться на две недели.

Виктор заранее предупредил меня, что каникулы проведет в Таиланде.

— Не грусти, малыш. — Извиняющимся тоном сказал он. — Ты же все понимаешь. А хочешь, я куплю тебе путевку куда-нибудь в теплое местечко, на твой выбор? Позагораешь, поплаваешь? Или слетай к сестре?

Я с ужасом вспомнила свой испанский вояж, и категорически отказалась.

Виктор не настаивал, но в Таиланд, конечно, улетел.

Ленка, кстати, тоже намеревалась отдохнуть в Таиланде, на каком-то волшебном острове. У нее, как и всегда к отпуску, имелся в запасе очередной кандидат в мужья. Именно в поездках она устраивала им решительные испытания. Не знаю, что она там вытворяла, но после этих поездок кандидат обычно переходил в категорию «Бывший». Ленка все свои рассказы начинала с этих слов: «Один мой бывший...» Мы с Аленой хохотали ужасно над ее рассказами.

У Антона с Аленой все складывалось просто замечательно, на праздники он собирался свозить ее в Питер, познакомить с родителями.

Так что передо мной маячила вполне серьезная перспектива провести праздники в одиночестве.

Накануне нового года я простудилась, и Павел отправил меня лечиться домой. Работы под конец года было невпроворот, и я, как дисциплинированный работник, отказывалась, но он сам отвез меня. Может, ему надоело слушать мои чихание и простуженный голос. Я взяла с собой два документа, чтобы все-таки внести свою лепту в общий труд. Договорились, что созвонимся и на каникулах придем поработать.

31 декабря я убрала квартиру, нарядила небольшую елку, которую для меня привезли Антон с Аленой. Поставила тесто для пирога, сделала начинку из мяса с капустой, приготовила пару новых салатов, запекла буженину целым куском.

Весь день по телевизору показывали старые комедии, я вспоминала, как мы всей семьей любили встречать новый год. Конечно, может, и стоило бы улететь на каникулы к сестре, но я не готова была к ее расспросам.

Ближе к девяти я накрыла стол в гостиной на одну персону. Переоделась в новое платье, подаренное мне Виктором накануне отъезда.

Платье было красивое, и я его сразу примерила. Виктор вздохнул:

— Жаль, что я тебя не увижу. Непременно надень его, я буду думать о тебе в полночь.

Я грустно засмеялась:

— Да ведь у нас полночь в разное время.

Я осторожно сняла платье, и он подошел сзади, спустил бретельки бюстгалтера и поцеловал в плечо:

— Ровно в двенадцать по московскому времени я выпью вместе с тобой шампанского.

Я постояла у зеркала, глядя на свое отражение. Платье было красивым и стоило,

наверное, безумных денег. Подкрасилась, уложила волосы. Нашла на туалетном столике любимые духи, тронула запястье и за ухом.

Пирог, сидящий в духовке, благоухал сдобой на весь дом, и я решила посмотреть, не пора ли его вытаскивать.

В это время и раздался звонок домофона.

На миг у меня мелькнула безумная надежда, но она тут же угасла.

Это был Павел.

— Впустишь? Я тебе привез подарок и кое-какие бумаги.

Я нажала кнопку и оставила входную дверь открытой.

Вернулась к пирогу, он оказался совершенно готов. Я вынула его, смочила верхнюю корочку молоком и закутала в полотенце.

Из прихожей послышался голос Павла:

— Ау, ты где?

Я выглянула.

Павел был одет в пуховую куртку и грубые теплые ботинки. В руках у него была коробка и пакет с документами.

Он молча смотрел на меня, потом спросил:

— Ты кого-то ждешь? Извини, я только на минуту.

Я поняла, что он заметил и оценил мое нарядное платье, и махнула рукой.

— Не обращай внимания. Я совершенно никого не жду, и очень рада тому, что ты заехал. Как вчера прошла корпоративная вечеринка?

Он засмеялся:

— Парад туалетов, дымовые завесы духов и лака, танцы, потом обжимания по всем углам — все, как обычно. Ничего интересного ты не пропустила, поверь.

— Никому не удалось тебя заарканить? Судя по твоему виду, ты собираешься явно не в клуб и не в ресторан.

— Еще чего! Я еду на дачу.

Я задумчиво сказала:

— Не знала, что у тебя есть дача.

Он грустно вздохнул:

— Ну, ты обо мне многого не знаешь. Есть у меня дача. В лесу, места красивые, рядом озеро. Только сейчас оно замерзло, а весной и летом там здорово. Часа два дороги, но отдых замечательный.

Я встревожилась:

— Ты, наверное, торопишься? Тебя ждут там, на твоей даче?

— Нет. Я и в прошлом году один встречал новый год. Я по натуре одиночка, и лишнее общество мне совсем не нужно. Раньше ко мне часто приезжала сестра. Потом она вышла замуж, и поселилась по соседству.

— А, так у тебя есть сестра?

— Три года назад она разбилась, попала с мужем в аварию и разбилась.

— Извини. — Я схватила его за руку: — Подожди, я тебе пирогов заверну, с собой. Или, если хочешь, давай поужинаем, проводим старый год.

Он с сомнением посмотрел на свои сапоги.

— Да нет, я уж лучше поеду.

В этот момент он увидел стол в гостиной, с единственным прибором, поднял на меня

взгляд. Видно, что-то с моим лицом было не так, потому что он решительно и хмуро сказал:

— Знаешь что, давай-ка собирайся, поедem ко мне, я покажу тебе свою дачу. Только быстро, а то к новому году не успеем. И документы забери, там и поработаем.

Я робко возразила:

— Павел, наверное, не стоит... И ты говорил, что предпочитаешь одиночество.

Он сердито сказал:

— На сборы тебе пятнадцать минут. И пироги не забудь, а то у меня от их запаха голова кружится!

Уж не знаю, что на меня нашло, но в пятнадцать минут я уложилась.

Павел помог мне уложить продукты в большую дорожную сумку, я взяла пакет с вещами, обулась. Сунула нарядные туфли в сумку и выключила свет.

В лендровере Павел устроил меня на переднем сидении, снял теплую куртку, укутал пирог на заднем сидении и включил печку.

— Ты же простужена. Сейчас согреешься.

Он включил приемник, и мы почти всю дорогу молчали.

Начиналась метель. В свете фар на лобовое стекло летели крупные хлопья снега.

Кажется, я даже задремала.

Проснувшись, когда с трассы мы съехали на укатанную грунтовую дорогу, обсаженную с двух сторон деревьями. Я села ровнее, а Павел глянул на меня и миролюбиво сказал:

— Приехали.

Мы притормозили около шлагбаума, и Павел посигналил. Из небольшого дома вышел парень, прихрамывая, он подошел к Павлу, поздоровался и поднял шлагбаум, пропуская нас.

Павел поздравил его, вручив здоровенный сверток, они пожали друг другу руки.

— Замерзла? — заботливо спросил Павел, вернувшись в машину.

Я помотала головой.

— Что за парень?

— Равиль. Сторожем работает. Тут пошаливали раньше, и мы с соседом по даче установили шлагбаум и построили сторожку. Наш начальник охраны этого парня порекомендовал, он раньше с ним в одной части в Узбекистане служил. Теперь тут безопасней, чем в Москве, поверь.

Дача оказалась большой и просторной.

Из огромной прихожей вверх шла лестница с кованым ограждением, пролет украшал высокий витраж.

Я pokrутила головой, а Павел пояснил:

— Порядок тут поддерживает Ася, жена Равиля. — Он махнул рукой: — Располагайся. На втором этаже три спальни, выбирай любую. Я обычно сплю рядом с кабинетом. Там кухня и столовая, здесь гостиная. Сейчас растоплю камин, будет уютнее.

Павел вернулся к машине, принес наши сумки и пакеты. Ненадолго вышел и вернулся с небольшой круглой елочкой.

Пока я разбиралась в кухне, он установил елку и зажег дрова в камине. Пошарив в кладовке, Павел нашел коробку с елочными игрушками. Правда, там были только золотые шары, и я нацепила их на елку, использовав скрепки, снятые с документов. Елка получилась замечательная.

— Жалко, гирлянды нет.

Павел почесал голову:

— Да, это я не додумал.

— Ничего, и так сойдет. — Я с тревогой глянула на часы: — Где у тебя скатерть? Давай уже садиться, осталось полчаса!

Я быстро накрыла стол в гостиной, поставила свечи. Пирог, закутанный в куртку Павла, был еще теплый, и я обрадовалась.

Появился Павел при полном параде и с бутылками в руках.

Мы подсели к столу, Павел налил мне красного вина.

Я положила в его тарелку кусок пирога и буженину. Попробовав, он с недоверием посмотрел на меня:

— Слушай, я такие пироги только у бабушки ел! И думал, что секрет приготовления утерян!

— Ладно тебе, ты меня всегда так хвалишь! Давай уже выпьем, проводим год, как положено.

Простуда давала о себе знать, и аппетита у меня не было вовсе. Я лениво ковырялась вилкой в тарелке с салатом.

Павел удивился:

— Слушай, гостей ты не ждала, сама, я вижу, тоже ничего не ешь, для кого же ты тогда это все наготовила?

Я тихо сказала:

— Привыкла так. Положено, понимаешь, в праздники пироги печь. Не беспокойся, не пропадут: если их разогреть, еще вкуснее получится.

Он хмыкнул:

— Я и не беспокоюсь, с чего ты взяла.

Наевшись, он откинулся на стуле, нашарил сигареты и вопросительно посмотрел на меня.

— Кури, пожалуйста. И вообще, прошу тебя: веди себя, как обычно, хорошо? А то мне неловко, что я тебе почти навязалась.

Он посмотрел на меня и кивнул:

— Хорошо. Я завтра днем с Равилем на подледную рыбалку договорился, а ты можешь почитать. В кабинете целый шкаф детективов. Или кино посмотри. Короче, тоже сама тут хозяйничай. Я постараюсь тебе не мешать и на глаза не лезть.

Я взмолилась:

— Да не мешаешь ты мне! Просто настроение у меня такое, паршивое настроение, понимаешь?

— Чего уж не понимать? — он поднялся, взял два бокала и бутылку. — Выйдем на балкон, а то сейчас часы будут бить.

Мы вышли на балкон.

Президент говорил, торжественно стыли за его спиной кремлевские ели, зазвучали куранты, Павел с негромким хлопком открыл шампанское и наполнил бокалы, которые я держала в руках.

Я хотела произнести что-нибудь, приличествующее случаю, но подумала о том, что Виктор так ужасно далеко от меня, что даже лететь туда больше десяти часов. Я подняла к Павлу глаза, предательски наполнившиеся влагой, и неожиданно услышала от него:

— Ничего, Геля, все образуется. Давай пожелаем друг другу счастья. Я знаю, что ты его заслуживаешь больше всех. Просто жизнь — штука сложная. Ты верь, и все будет хорошо. С новым годом тебя!

Я только благодарно кивнула ему. Терпкая ледяная влага обожгла небо.

Уходить с балкона не хотелось. Метель прекратилась и вокруг была такая красота. Торжественным строем нас окружали заснеженные сосны. Я чувствовала себя такой маленькой и беззащитной.

Павел принес шубку и накинул мне на плечи.

Он достал сигареты и облокотился на перила ограждения, стряхнув с него рукой снег.

Я попросила:

— Дай мне сигарету, пожалуйста.

Павел поднял брови:

— Ты же, вроде, не куришь?

Я пожала плечами.

Щелкнув зажигалкой, он терпеливо смотрел, как я неумело прикуриваю. Сделав две-три затяжки, я закашлялась.

Павел сердито отобрал у меня сигарету и выбросил. И вот тогда я заплакала. Так, как не плакала со дня смерти мамы. Слезы текли по моему лицу, попадали в рот, стыли на щеках и пальцах.

Павел молча стоял рядом, опершись руками на перила, наклонив голову.

Отбросил сигарету, завел меня в дом, усадил на диван у камина, подложил большую подушку, укрыл ноги шубкой и уселся на пол, вытянув длинные ноги к камину.

Мы оба молча смотрели на огонь в камине.

Я тронула его за плечо и тихо спросила:

— Не жалеешь, что я притащилась сюда с тобой?

Он улыбнулся невесело и, чуть повернув голову, потерся лицом о мою руку.

Наверное, я все-таки заснула.

Огонь в камине догорел, но угли еще пламенели. Где-то в доме слышались мужские голоса.

Я тихо поднялась, умылась и привела лицо в порядок.

Голоса доносились из кухни, и я пошла туда.

За столом сидели Павел и мужчина, лицо которого показалось мне смутно знакомым. Между ними стояла большая квадратная бутылка виски и тяжелые стаканы. Пили хозяин и гость, не закусывая. И, кажется, довольно давно, потому что жидкости в бутылке оставалось на дне.

— А вот и наша Спящая красавица! — обрадовано поднялся мне навстречу собеседник Павла. — Представляете, отказывается категорически знакомить нас. Не знал, что ты такой скрытный. Впрочем, обладай я таким сокровищем — не знаю, стал бы рисковать и знакомить с холостыми друзьями?

Павел недовольно пробурчал:

— Я ведь говорил тебе, что это совсем не то, что ты думаешь. — Он кивнул в сторону приятеля: — Илья, мой сосед. Знакомься, это Геля, мы вместе работаем.

— И дружим, — добавила я. — Послушайте, Илья, мы где-то могли раньше видеться?

Он засмеялся:

— Вы всерьез полагаете, что, даже только один раз встретив, я смог бы забыть ваше лицо? Нет, раньше мы не встречались, это точно.

Илья поднялся и шагнул к кухонной стойке за шампанским. Я заметила, что он слегка прихрамывает, и в моей памяти мгновенно всплыла сцена встречи руководства, подсмотренная нами с Аленой у дверей банка.

— Послушайте, а ведь я вспомнила, где мы могли видеться. Это ведь вас привозит роскошный белый лимузин с охраной?

Он покаянно кивнул.

— Если честно, я, как и Павел, предпочитаю обычный джип, но положение обязывает. Впрочем, я нечасто разъезжаю на этом катафалке, только в представительских целях.

Я вздохнула:

— Не думала, что так много людей готовы встретить новый год в одиночестве на даче в лесу.

Он улыбнулся:

— Я и встретил его, как положено, среди людей, а потом мне вдруг так надоели ритуальные танцы, что я просто незаметно смылся. А охрану отпустил, чего ребятам со мной париться. Уже почти доехал до дома, но увидел свет в окнах Павла, и решил зайти, поболтать с другом.

Он наполнил мой бокал шампанским:

— Вот выпьем за знакомство, и я отбуду. Человек я с понятием, мешать не буду.

Я покосилась на Павла, но промолчала.

Илья и в самом деле надолго не задержался.

Мы вышли проводить его, дождались, когда он усядется в джип.

Ледяной ветер подхватил подол моего платья, я поскользнулась на ступенях крыльца, и Павел едва успел подхватить меня.

В доме было тихо и тепло. Не выпуская меня из рук, Павел стянул мою шубку и начал целовать меня, прямо в полутемной прихожей. Шампанское шумело в голове, шелк платья оказался такой незначительной преградой, и мне не хотелось ни о чем думать и оказалось, что это так трудно, даже почти невозможно — оттолкнуть его руки.

Под утро мне приснилось, что это с Виктором я стою на балконе, и высокие сосны окружают нас, угрожающе покачивая головами, как будто говорят: «Что же ты наделала?». А шампанское в бокалах становится алого цвета, превращается во что-то густое, тягучее, и пить ужасно хочется...

На широкой кровати я лежала одна. В комнате никого не было.

Мое нарядное платье висело на спинке стула, аккуратно расправленное. Здесь же, в комнате, стояла так и не разобранный мной вечером сумка с вещами.

Я поднялась, босиком подошла к окну. От вчерашней метели не осталось и следа.

Посмотрев на часы, я вяло удивилась: я думала, что уже полдень или что-то около того. Тем не менее было довольно рано, около девяти часов.

Я порылась в сумке и нашла джинсы и плотную майку.

Постояла в душе под горячими струями, потом закрутила краны, завернулась в полотенце и подошла к зеркалу.

Не знаю, что я там ожидала увидеть, но только ничего нового не обнаружила.

Самым лучшим выходом для меня было бы просто скончаться сию минуту, но, кажется, делать этого я не собиралась. Наверное, следовало придумать какой-нибудь благовидный предлог, и уехать домой.

Я представила, что опять окажусь в своей квартире, наедине с молчащим телефоном, и передернулась.

Одевшись, я посидела на кровати, еще хранившей следы бурно проведенной ночи, зажав руки между колен и медленно раскачиваясь.

Впрочем, что-что, а трусихой я никогда не была.

Я спустилась в кухню. Обнаружив, что Павла нет и там, я вяло подумала, что он еще спит. Сварила себе кофе.

Потом подумала, что хочу увидеть озеро.

Я нашла в шкафу теплую куртку Павла, сунула ноги в его же теплые меховые сапоги, почему-то напомнившие мне Север и оленей.

Плотнее запахнув куртку, теряя на ходу сапоги-сороходы, или как назывался этот обувной эксклюзив, я поплелась к озеру.

Грунтовая дорога вела к мосткам. Около берега были расположены какие-то странные сооружения, доходящие до самого льда. Я догадалась, что это лодочные сараи.

Неожиданно я увидела Павла. Он сидел на мостках, опершись на стойку ограждения и спустив ноги вниз, и курил.

Я хотела было повернуть назад, но снег скрипнул под ногами, и Павел оглянулся. Уйти теперь было просто невозможно. Я подошла ближе. Павел со спокойным любопытством смотрел на меня.

Я схватилась за его плечо и уселась рядом с ним. Он не сделал мне навстречу ни одного движения.

Мы сидели молча.

Я попросила:

— Дай, пожалуйста, сигарету и мне.

Сегодня мне все удалось лучше, чем вчера: Я не закашлялась, а горький сухой дым оказался таким приятным. Я с удивлением обнаружила, что в голове стало яснее.

Павел поднялся первым, подхватил меня и поставил на ноги:

— Замерзнешь, а сама еще толком не выздоровела. Пойдем в дом.

Он не сделал даже никаких попыток удержать меня, и это неожиданно оказалось обидным. Я поплелась за ним.

У крыльца он оглянулся на меня, неожиданно засмеялся:

— Хорошо выглядишь!

Я вспыхнула.

— Понимаешь, у меня дачи нет, и одежды соответствующей нет. Думаешь, я лучше выглядела бы на шпильках и в шубке? Извини, что без разрешения взяла твои вещи.

Он внимательно посмотрел на меня:

— Не злись, я же пошутил. Впрочем, можешь мне не верить, но ты и в моей куртке и унтах превосходно выглядишь. Поражаюсь умению некоторых людей выглядеть достойно наутро после праздников.

Я сняла куртку, сунула ему в руки и хмуро сказала:

— Не подлизывайся. Завтракать будешь?

Я разогрела пироги, нарезала холодное мясо, поставила перед ним тарелку, выложила

прибор и спросила:

— Выпьешь что-нибудь?

Он помотал головой:

— Я и так вчера малость перебрал. Не знаю, что на меня нашло. А вот если бы кофейку, так не откажусь.

После завтрака он объявил:

— В общем, как договаривались: я с Равилем пойду на рыбалку, а ты уж тут сама хозяйничай. Заскучаешь — сходи погулять, или к Асе зайди. Она хорошая девчонка.

Я кивнула.

О произошедшем между нами Павел не поминал, а я тем более помалкивала.

Может, мне все это почудилось?

Пока Павел одевался, я приготовила ему свертки с продуктами, налила чай в термос. Он засмеялся:

— О, Господи, никогда мне такие проводы не устраивали! Но так, конечно, гораздо лучше.

У крыльца его уже ждал Равиль. При свете дня я его рассмотрела повнимательней: лет тридцати, высокие скулы, характерный разрез глаз. А вот улыбка у него оказалась замечательная.

— Не обижаетесь, что одну вас оставляем? — спросил он.

— Нет. Вы ведь ненадолго, надеюсь?

Павел переглянулся с Равилем и обстоятельно ответил:

— А это как пойдет. Думаю, ближе к вечеру и вернемся.

Оба загрузились в джип, и я осталась одна.

Привела в порядок дом, разобрала вещи. Уезжать я раздумала.

В холодильнике нашелся целый склад продуктов. Я подумала и решила приготовить грибной суп и вареники с картошкой.

С готовкой я уже почти разобралась, когда от двери раздался веселый молодой голос.

Все-таки Павел предупредил Асю, что я здесь одна, и она пришла спросить, не нужна ли мне помощь.

Мы с ней выпили целый чайник чаю и съели ужасно вкусное татарское печенье, со смешным названием «чак-чак». Ася рассказала, как его готовят, я все записала и решила, что обязательно попробую приготовить.

Позже она ушла, а я уселась к телевизору.

Стемнело рано, и вскоре я вышла, чтобы включить свет на крыльце. По дорожке к дому шел человек. Заметив меня, он приветственно помахал мне. Это был Илья.

Я пригласила его:

— Заходите. Скоро Павел вернется, будем обедать.

— Так вы тут одна? Не заскучали?

— Что вы, да тут после города, как в раю.

Отряхнувшись от снега, он снял теплую куртку. Вынул из кармана огромное красивое яблоко и протянул его мне:

— А вот и райское яблоко.

Я засмеялась. Яблоко было таким красивым, что я впиалась ему в бок с наслаждением.

Илья с удовольствием смотрел на меня.

Мы устроились перед камином. Илья принес дрова, и вскоре огонь пылал.

— Вы хорошо знаете, где тут что. Часто ходите друг другу в гости?

Он кивнул. Потом, спросив разрешения, достал сигарету и подсел поближе к камину.

— Павел — очень близкий мне человек. Я был женат на его сестре, три года назад недалеко отсюда мы попали в аварию, ее спасти не удалось.

Я виновато кивнула:

— Павел мне рассказывал о сестре. Извините, если...

— Да нет, сейчас я уже могу спокойно об этом рассказывать. Время, действительно, лучший лекарь. А Павел, в самом деле, замечательный парень, и я рад за него.

Я дипломатично промолчала.

Мы поболтали о работе, о соседстве наших офисов и невольно разговор коснулся Виктора. Илья сказал, что хорошо знает нашего руководителя, и что, в некотором роде, они родственники. Спросил, уехал ли он в Таиланд, как собирался. Я довольно сухо подтвердила этот факт. Впрочем, ничего удивительного в их знакомстве не было: часть наших активов, замечу, большая часть, была размещена в банке, которым руководил Илья. Конечно, в России это не делается без тесного личного контакта руководителей.

Вскоре в прихожую ввалился Павел с обветренным, красным от мороза лицом. Мы вышли посмотреть на добычу, и я с удивлением увидела двух довольно крупных щук.

Илья с завистью спросил:

— И как вы их через лунку тащили?

Павел засмеялся:

— Я, как увидел ее морду, заорал так, что Равиль прибежал мне на помощь. Еле справились.

Илья нахмурился:

— А меня чего не позвали с собой?

— Здрасьте, я ж тебе ночью говорил, что утром едем на рыбалку.

Илья почесал переносицу:

— Да я, если честно, думал, обычный треп. Опять же, гостя у тебя...

— То-то ты и явился, развлекать ее. — Павел покосился в его сторону. — Чем занималась? — спросил он меня.

Я добросовестно перечислила:

— Убралась, готовила обед, потом с Асей чай пила, телек смотрела. Вот Илья недавно пришел.

Павел обрадовался:

— Обед? Это здорово. Чем будешь кормить?

— Суп с грибами и вареники с луком и картошкой.

Павел милостиво разрешил:

— Подавай.

Илья глянул ему вслед и с завистью сказал:

— Я смотрю, нравы у вас патриархальные.

Павел, оглянувшись на ходу, засмеялся:

— У меня не забалуешь. Чуть что — на конюшню. А то завели моду скучать. Нам, деревенским, скучать некогда.

К столу Павел спустился в домашних джинсах и тонком джемпере, с мокрой после душа головой.

Он принялся и сказал:

— Пахнет здорово!

Полез в морозилку за водкой. Они с Ильей накатили по паре рюмок.

От горячей еды и водки Павла разморило, разговор он поддерживал вяло.

Я не выдержала:

— Шел бы ты в постель, сегодня ночью ведь почти не спал!

Илья прищурился, но промолчал.

Мы перешли к камину, там Павел уселся на диван, и через некоторое время я заметила, что в нашем разговоре он не участвует: откинувшись на подушки, он крепко спал.

Я принесла тонкий плед, укрыла его. Он только устроился поудобнее, но не проснулся.

Я принесла кофе, и мы с Ильей тихо разговаривали.

Камин догорал, в комнате темнело.

Илья поднялся:

— Пойду. Ты ведь, наверное, тоже сегодня не выспалась.

Я проводила его до двери, постояла на крыльце, вдыхая свежий, морозный воздух, пока была видна его темная удаляющаяся фигура. На повороте аллеи он повернулся и махнул мне рукой.

Разбудили меня мерно повторяющиеся звуки. Я прислушивалась к ним несколько секунд, потом поднялась и подошла к окну.

Раздетые до пояса, Равиль и Павел равномерно махали широкими деревянными лопатами, расчищая дорожки от снега. Около них с санками возились два смешных человечка и Ася.

Я быстро оделась, умылась и спустилась вниз.

Положила в карманы куртки Павла конфеты и мандарины, вышла на крыльцо.

Завидев меня, Ася махнула рукой и направилась в мою сторону, дети увязались за ней.

Я протянула им конфеты и фрукты, но оба мальчишки, прежде, чем взять угощение, посмотрели на мать, и только после ее разрешения оба умчались к отцу, хвастаться подарками.

Мы с Асей подошли ближе, и Павел спросил меня:

— Чего поднялась так рано?

Я пригласила всех на завтрак, но Равиль отказался, не сдавшись на мои уговоры.

Дорожки были расчищены, и дети помчались к домику у шлагбаума.

Ася виновато пояснила мне:

— Мы мусульмане, Равиль ест только то, что приготовила я, не сердись.

После их ухода Павел подтвердил:

— Я и в подарок ему привожу отовсюду чай и конфеты, другого он не примет.

Я шла рядом с ним. Подняла лицо к яркому зимнему солнцу, сощурилась:

— Знаешь, это здорово, когда твой муж ест только то, что приготовила ты.

Павел покосился на меня, но ничего не сказал.

После завтрака мы разошлись по комнатам: Павел уселся перед телевизором смотреть репортаж о каких-то соревнованиях, а я в кабинете устроилась с книгой.

Детектив мне попался неинтересный, примерно на половине книги стало ясно, что все затеял сам пострадавший, к этому приплели еще и наши спецслужбы (ну, куда же без них!), а политику и политические детективы я не люблю вовсе, и книгу я отложила.

Павел с интересом наблюдал за тем, как два здоровенных мужика колотят друг друга. Понаблюдав за ними некоторое время, я заметила, что они дерутся и ногами, и удивилась:

— Разве можно так, ногами?

Начали показывать рекламу, и Павел пояснил мне, что это такая борьба, называется панкратион. Как я поняла, борьба без особых правил.

Я сурово сказала:

— Не честно это. Во-первых, у негра рассечена бровь, а его соперник лупит его по лицу, норовя попасть именно с этой стороны.

Павел сказал:

— Понимаешь, бой идет за чемпионское звание, то есть за деньги и славу, и тут все разрешенные методы хороши. Кроме того, есть такое понятие, как азарт, это когда просто не можешь остановиться.

После рекламы рефери остановил бой, объявив технический нокаут. Крупным планом показали расстроенное лицо молодого негра, около которого суетились врачи. Павел вздохнул:

— Он сильнее, и дерется лучше, просто ему сегодня не повезло. Так в спорте бывает. В жизни, впрочем, тоже.

Я позвала его обедать.

За столом он уселся напротив меня, спросил:

— Ну, как там твой детектив?

Я вздохнула и поморщилась:

— А, так себе. Все и так ясно, нет смысла читать до конца. Трупы появляются с такой скоростью, что не успеваешь переворачивать страницы.

Павел задумчиво посмотрел на меня и сказал:

— А ты сама не пробовала ничего написать? Например, роман или детектив? Кажется, именно этот жанр вы с Аленой предпочитаете всем другим?

Я с подозрением посмотрела на него. Нет, он не издевался, а говорил вполне серьезно.

Я задумалась:

— Когда-то в детстве, еще до школы, я прочитала стихи Пушкина и влюбилась в них раз и навсегда. Обманутая той легкостью, с которой автор нанизывает на нить стихотворения бусины слов, я подумала, что стоит попробовать сочинить что-нибудь самой. — Я сморщила нос: — Гадость получилась несусветная! Так что сочинять я бросила, а вот поэзию до сих пор люблю.

Павел сказал:

— Знаешь, я тебе советую попробовать. Я уверен, что у тебя все получится.

Слова Павла не давали мне покоя весь вечер.

Я принесла из своей комнаты начатое еще дома вязание, и устроилась в кресле, рядом с камином.

Павел смотрел какую-то передачу об автомобилях. Поскольку мне в наследство от репортерско-журналистского прошлого сестры осталась старенькая Рено, которая больше стояла в гараже, чем ездила, передача меня заинтересовала мало, и я погрузилась в свои

мысли.

В принципе, через час основная интрига будущего детектива была мной придумана, как и главные действующие лица. Оставалось попробовать воплотить свои мысли (чуть не сказала: на бумаге!) на экране монитора.

Я решительно воткнула спицы в клубок, отложила рукоделие в сторону и поднялась.

Павел проводил меня взглядом, но ничего не спросил.

Устроившись перед экраном, я задумалась. Какой должна быть первая фраза? Совершенно случайно я как-то наткнулась в сети на статью редактора крупного издательства. Он писал о том, что половина романов, попадающих в его редакцию, начинаются с того, что главный герой просыпается от звона будильника.

Я твердо решила: никаких будильников!

«За окном сгущались синие сумерки.

Александра отложила книгу. Главная героиня то и дело пила кофе, то одна, то с приятелем, и ей, Александре, нестерпимо захотелось вдохнуть запах свежесваренного напитка и отхлебнуть его из крошечной, с наперсток, чашечки. И уже вовсе с неудовольствием она вспомнила о том, что вчера забыла купить кофе, да и хлеба оставалась самая краюшка, то есть на завтрак решительно ничего нет, и надо идти в магазин.

Идти было лень, а еще больше неохота было одеваться и приводить себя в порядок.

Кое-как справившись с этой задачей, она вышла на плохо освещенную лестничную площадку. Повернувшись, чтобы запереть за собой дверь. Каким-то шестым чувством не увидела, а почувствовала движение за спиной, и, обернувшись...

Писать от третьего лица не получалось. Почему-то текст походил на нечто, написанное любимой мной Татьяной Устиновой. Выяснилось, что гораздо легче мне пишется от первого лица, и при этом герои, от лица которых ведется повествование, почему-то все время меняются, от главы к главе. Поскольку часть из них, в смысле героев, были мужчинами, а мне не хотелось, чтобы они получились «из жизни голубей», у меня возникли определенные трудности. Все-таки неизвестно, что они, мужики, там, внутри себя, о нас думают. Единственное, что меня утешило, это то, что мужчины подобные книги не читают, а значит, их одобрение или неодобрение мне не грозит.

Через некоторое время возникла еще одна трудность. Несмотря на то, что сюжетную линию я продумала, в ткань повествования все время вклинивались новые герои. Они появлялись сами, и начинали, независимо от моего желания, жить своей жизнью. Например, неожиданно возникала новая любовная линия (совершенно мне по замыслу ненужная!), но наполняющаяся диалогами и отношениями. Потом получалось так, что новых героев я бросить не могла, и они, уже на правах хозяев, требовали моего внимания.

Павел, появившись в дверях, позвал меня пить чай.

Я посмотрела на часы и удивилась: похоже, что я ровно три часа просидела за столом. А мне показалось, что прошло полчаса, не больше.

Устыдившись, я приготовила бутерброды с красной рыбой, нарезала холодное мясо, сыр, достала зелень.

Павел спросил меня:

— Ну, как?

Я пожала плечами. Не заметила, как съела здоровенный бутерброд, запила все чаем с лимоном.

Павел с одобрением наблюдал за мной.

— Слушай, потом покажешь, что у тебя получается? — с интересом сказал он.

Я энергично помотала головой, и он засмеялся:

— Так нечестно, это я натолкнул тебя на мысль о детективе, стало быть, я и должен быть первым читателем.

— Ладно. Только, чур, не подглядывать, а только когда я разрешу, договорились?

Я быстро вымыла посуду, уложила продукты в холодильник. Выходя из кухни, виновато сказала:

— Я пойду, а? — приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку с отросшей за день щетиной.

Павел тихо сказал:

— Сто лет уже не видел тебя такой.

Я оглянулась:

— Какой?

— Ну, сегодня ты похожа на себя, а не на вареную морковку.

Наша дачная жизнь окончательно наладилась.

Несколько раз вечерами заходил Илья, удивлялся нашему соседству. Они с Павлом устраивались в гостиной, то с нардами, то с пивом. С молчаливого согласия Павла, я при их разговорах не присутствовала. Пару раз ловила на себе внимательный, изучающий взгляд Ильи. Кажется, он начал подозревать, что наши с Павлом отношения отнюдь не так однозначны, как ему показалось.

Я просиживала за компьютером большую часть дня и даже ночью, а Павел совершенно не мешал моим занятиям. Когда от экрана начинали болеть глаза, или сюжет начинал пробуксовывать, я гуляла, причем пару раз Павел сопровождал меня. Или принималась готовить, он при этом устраивался в кухне, уверяя, что на меня очень приятно смотреть, когда я вожусь у плиты.

— Совместный труд, для моей пользы, объединяет! — уверял он меня, и я смеялась.

Иногда он устраивался с книгой в кабинете на диване, но на меня не смотрел (я специально проверяла!) и никак не мешал.

Кроме того, выяснилось, что у него можно узнать массу полезных вещей.

Например, мне понадобилось по-быстрому испортить машину, в которой герои возвращаются домой. Павел внимательно расспросил меня, выяснил, что дело происходит в горах, и посоветовал подрезать тормозные шланги:

— Понимаешь, ночью, да еще в горах, это именно то, что нужно.

А однажды мне понадобилось узнать его мнение по поводу марки автомобиля, который моя героиня должна получить в виде премии. Павел дотошно выяснил у меня, что действие происходит в довольно большом городе, что героиня не приходится любовницей своему начальнику, что ей двадцать пять лет, — и уверенно назвал Шкоду Фабию и Ниссан Микра, на мой выбор. Я собиралась премировать героиню 525-й БМВ, на что Павел категорически ответил:

— Только если она — любовница своего шефа, или он имеет на нее виды.

Я, хоть и слегка обиделась за свою героиню, но в виде премии послушно вручила ей Шкоду.

Сложности возникли у меня и при изображении любовных сцен. Я мрачно подумала про себя, что нечего обижаться, вареная морковка и есть вареная морковка. Пара попыток

описать страстную сцену закончилась тем, что я твердо решила: обойдемся без них. Тут я советов у Павла, по понятной причине, не спрашивала.

Все когда-нибудь кончается.

Павел помог мне донести сумку до лифта, я нажала кнопку и махнула рукой, хотела напоследок поблагодарить его, но дверь лифта закрылась.

Он смотрел мне вслед со странным выражением лица.

Квартира хранила следы моих поспешных сборов. В углу гостиной сверкала елочка, я пожала ее лапу и обнаружила на ладони несколько хвоинок.

Я торопливо рассовала вещи по местам, на ходу включила компьютер.

Прошла в кухню, сделала себе огромную чашку чаю с лимоном (отрезала неприлично толстым ломтем, ну, да ведь никто не видит!) и вернулась к компьютеру.

В тишине квартиры мне хорошо думалось.

Часов в двенадцать я отключила компьютер, пошла в душ. Мне на глаза попался телефон, и я с удивлением поняла, что за весь вечер даже не вспомнила о нем.

Утро первого рабочего дня, как всегда после праздников, прошло сумбурно.

Осмоловский еще не вернулся из поездки, и все ходили из кабинета в кабинет, обмениваясь каникулярными впечатлениями и продолжая праздничное ничегонеделание.

Павел появился на несколько минут, забрал какие-то документы и отбыл в банк.

Зато ближе к обеду появились Алена с Ленкой. Мы пошли перекусить в любимую кафешку.

Хорошо, что у них было столько новостей! В общем, я получила передышку.

Мы набросились на Алену с расспросами, и она рассказала, что родители Антона ей очень понравились, приняли их замечательно, и, самое главное, она торжествующе показала руку: на тоненьком пальчике сверкал бриллиант.

— Решили, что свадьбу назначим на конец апреля.

Мы так завопили, что посетители кафе с тревогой оглянулись, но, увидев, как мы бросились на Алену с поцелуями и объятиями, успокоились и заулыбались.

Помешивая кофе, я спросила:

— Ленка, а как там твой Таиланд? Готовиться нам к еще одной свадьбе, или нет?

Обычно не лезущая за словом в карман Ленка неожиданно притихла. Она подняла на меня глаза:

— Знаешь, мне с тобой надо поговорить. Кажется, серьезно. Я там встретила Осмоловского с Владой. Представь, они поселились в бунгало для новобрачных!

Я опустила голову:

— Я прошу тебя, ничего мне не рассказывай.

Обе подруги переглянулись, и Лена спросила:

— Ты так и просидела все праздники одна?

Я вздохнула. Врать не хотелось, а правду рассказать было затруднительно.

— Павел забрал меня с собой на дачу.

Ленка недоверчиво спросила меня:

— Так у тебя роман с Павлом, что ли?

Алена внимательно на меня посмотрела и хмуро ей пояснила:

— Ты ее не знаешь, что ли? Она — стойкий оловянный солдатик...

Ленка перебила:

— Я знаю Павла. Неужто не уговорил? Гелька, ты — святая!

Алена все так же хмуро прокомментировала:

— Не святая, а просто дура.

Перерыв подходил к концу, так что им не удалось вытянуть из меня никаких подробностей.

Мы вернулись в контору, и я поднялась к себе.

Несмотря на то, что день уже начал прибавляться, темнело рано, и я вскоре включила освещение.

Устроилась за компьютером, увлеклась работой. Услышав звук открывающейся двери, я решила, что это Павел.

Знакомый смешок застал меня врасплох. В дверях стоял Виктор, и, невзирая на все наши договоренности и намерения, я бросилась к нему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кажется, он тоже соскучился, потому что гладил мои волосы, жадно целовал меня, прижимаясь сухими нетерпеливыми губами, и неизвестно, до чего мы дошли бы, но в этот момент на мой компьютер пришло сообщение, и он мелодично звякнул. Я пришла в себя и отстранила его руки, прижалась лицом к груди. Дрожащей рукой он взял мою ладонь и молча поцеловал пальцы.

Я отстранилась. Успокаивая дыхание, отошла к компьютеру и засмеялась. Это было сообщение от Ленки: «Пляши!»

Виктор тоже прочитал его, хмыкнул.

Он подошел ко мне сзади, наклонился и поцеловал в шею. Я закинула голову и хрипло попросила:

— Виктор, подожди, не надо!

Он отпустил меня, но не отошел. Глухо попросил:

— Поедем?

Я кивнула.

— Только предупрежу Павла.

— Не надо никого предупреждать, поедем и все. Если будет надо, я сам с ним объяснюсь.

Когда через полчаса я влетела, запыхавшись, в нашу квартиру, Виктор уже ждал меня.

— Тебя не было так долго, я даже решил, что ты передумала ехать!

Я счастливо засмеялась, и, кокетливо увертываясь от его поцелуев, сказала:

— Как назло, не могла поймать такси!

Виктор вышел из душа, лег на покрывало рядом.

Нашел сигареты, закурил, щелкнув зажигалкой.

Я попросила:

— Дай сигарету и мне.

Я затанулась, и, наконец, меня отпустило.

Виктор, наблюдавший за мной, тихо спросил:

— Что, так скучала? Раньше ты не курила.

Я прилегла с ним рядом, закрыла глаза.

Он гладил мои волосы, потом зарылся в них лицом:

— Прости.

Видимо, чувствуя свою вину, он не расспрашивал меня о том, как я провела праздники.

На следующий день, вернувшись с обеда, я нашла на своем столе запечатанный конверт с чем-то выпуклым. Вскрыв его, обнаружила ключи от машины и документы, выписанные на мое имя. Короткая записка, написанная рукой Виктора, гласила: «Не сердись. Машина на стоянке у дома.»

Я внимательнее посмотрела документы и хмыкнула: 525-я БМВ. Я вспомнила слова Павла и про себя подивилась его правоте.

Впрочем, радость от подарка была омрачена почти сразу. Позвонила Ленка и свистящим шепотом сообщила, что ее шеф подарил жене на новый год новенькую, круто укомплектованную Ауди под сто штук зеленыю. Бухгалтерия (вот подлизы, прости господи!) уже сочинила ей стихи по этому случаю, а она им выставила торт и шампанское.

Я вяло спросила:

— Ты-то чем недовольна?

— А почему она только бухгалтерию угощает?

— Что ж, ей теперь поляну по этому случаю накрывать?

— А могла бы и накрыть!

Я только пожала плечами. Впрочем, Ленка этого по телефону видеть не могла.

Теперь я спешила домой с работы, как безумная.

Я наскоро перекусывала, садилась за клавиатуру, и мир вокруг меня переставал существовать. С Павлом долгих разговоров я не вела. Иногда он спрашивал:

— Как продвигается роман?

Но я только отмахивалась.

Я стала рассеянной, то забывала, где оставила телефон, то искала свою сумку, которую зачем-то засунула в отделение с летними вещами. А на днях мне вдруг показалось, что я дважды встретила одного и того же мужчину: утром я столкнулась с ним около дома, а в обед заметила его сидящим за соседним столиком в нашей кафешке.

Я встревожилась, но делиться ни с кем не стала, и правильно сделала: вчера я заметила, что он вышел из соседнего подъезда. Наш дом имеет сложную архитектуру, в нем две башни, вынесенные чуть вперед, и в каждую из башен ведет свой подъезд. Впрочем, подземный паркинг у нас общий, немудрено, что он показался мне знакомым, видимо, парень живет по соседству.

Я похудела, спала мало, зато скучать по вечерам перестала совершенно. Алена только неодобрительно косилась на меня, но молчала и не тревожила расспросами.

Впрочем, на моей внешности все это не отразилось, кажется, я даже похорошела.

При общем похудении мне неожиданно стал тесен любимый бюстгальтер, и выглядела я неплохо.

Вчера я с клиентом работала над текстом очередного договора, и неожиданно заметила, что он краснеет, бледнеет и отвечает невпопад, на что Павел из соседней комнаты ему отечески посоветовал хотя бы изредка отрываться от созерцания моего декольте и смотреть на экран, а то без штанов оставим. Чем окончательно смутил и парня, и меня.

Я набросилась на Павла с упреками, как только удалось избавиться от посетителя.

— Что ты себе позволяешь? Завтра подписываем договор, как я буду с ним разговаривать?

Насмешливо посмотрев на мою пылающую от праведного гнева физиономию, Павел хладнокровно заявил:

— А кто-то говорил, что не любит, когда обманывают. А сама вон как на правду-матку реагируешь. Что же, прикажешь мне сидеть и молча наблюдать, как он разглядывает тебя?

Я невольно прижала вырез рукой, и он пожал плечами:

— Поздно. Все, что можно, и я, и он рассмотрели. Причем в подробностях!

Я поняла, что он дразнится, и, дрожа от гнева, ушла к себе.

Впрочем, такие перепалки были у нас редкостью. Чаще мы оба молчали, лениво переговариваясь только по необходимости.

Все это время с Виктором мы встречались редко. Он часто уезжал в командировки, возвращался всегда неожиданно, правда, сразу приезжал ко мне. Был он рассеян, иногда даже мрачен. Я пыталась вывести у Ленки, что с ним происходит, но она тоже ничего не знала.

Как-то я застала его после обеда в кабинете Павла. Разговор, видно, был трудный, потому что лица у Павла и Виктора были озабоченными. Впрочем, когда я пришла, настроение Виктора улучшилось, он выпил предложенный кофе, улыбался почти по-человечески. Уходя, он наклонился и украдкой поцеловал меня в губы, вызвав у меня что-то вроде временного коллапса. Павел этого не видел, и решил, наверное, что я помешалась, потому что настроение в этот день у меня было приподнятое, и я беспричинно улыбалась.

На восьмое марта снова выпали выходные, Виктор уехал с женой в Рим, а я опять осталась одна. Посмотрев в Интернете, я обнаружила, что в Риме всю неделю будут идти дожди, и мстительно улыбнулась.

Перед отъездом Виктор вручил мне подарок, очаровательную легкую светлую шубку. Я поцеловала его с искренней благодарностью, при этом, правда, подумав, что жене он, наверно, тоже купил нечто в этом роде, что несколько уменьшило мой энтузиазм. Честно сказать, к шубкам я всегда была довольно равнодушна.

Вся контора готовилась к корпоративному празднованию. Я идти в ресторан не собиралась, и Ленке объявила, что останусь дома. Алена с Антоном на выходные махнули к его родителям. Ленка рассердилась и побежала обзванивать своих знакомых, на предмет поиска спутника для похода в ресторан.

После обеда все разбежались по парикмахерским и салонам, наряжаться и причесываться. В конторе стало тихо.

Павел, уже в куртке, появился в дверях:

— Я на дачу. Поедешь со мной?

Я виновато сказала:

— Павел, зачем я тебе там нужна? У меня такие проблемы, что я ни о чем все равно больше думать не смогу.

Он удивился:

— Какие проблемы?

— Понимаешь, тот человек, про которого я думала, что именно он убийца, оказывается,

имеет твердое алиби. А муж главной героини оказался вполне ничего, хотя и зануда, и мне жалко все сваливать на него.

Павел внимательно посмотрел на меня и расхохотался:

— Бери их всех с собой, и едем. А то ты уже зеленая стала без свежего воздуха. Меня мучает совесть, что это именно я подал тебе идею попробовать писать.

Я еще колебалась, и Павел сказал:

— Короче, через два часа я за тобой заеду.

В этот раз я подготовилась к поездке основательней: уложила удобную обувь, два свитера, теплый и тоненький (вдруг начнется оттепель!), прихватила домашние джинсы, белье и пару маечек. По дороге домой я заехала на Тверскую и купила игрушки для Асиных мальчиков и красивую коробку дорогого чая, помня предупреждение Павла.

Вынула из холодильника замаринованное еще вчера мясо, покидала в пакет приготовленные для праздничного стола продукты.

Вспомнила и вернулась к компьютеру: сгрузила на флэшку свой роман.

Поднявшийся в квартиру Павел одобрительно посмотрел на меня:

— Вижу, ты научилась получать удовольствие от дачной жизни. Экипировалась, во всяком случае, основательно.

Я вручила ему сумки и пакеты, позвонила на пульт, и мы отбыли.

Спускаясь в лифте, Павел спросил:

— Кажется, раньше ты не сдавала квартиру на охрану?

Я вздохнула:

— Знаешь, мне в последнее время мерещится всякое. То вдруг кажется, что за мной кто-то следит, то вещи оказываются не там, где я их оставила. Я даже стала закрывать плотные шторы, чего раньше никогда не делала. Мне вдруг показалось, что оттуда за мной наблюдают. А в последнее время у меня странно обострился нюх, и на днях я придумала, что банный халат пахнет чужой мужской туалетной водой. Знаешь, такой навязчивый, сильный запах. Никто из моих знакомых таким парфюмом не пользуется, а посторонних у меня дома не бывает. В общем, я посоветовалась с нашим начальником охраны, и он прислал мне знакомых ребят, которые установили охранную систему. Понимаешь, мне так спокойнее.

Павел кивнул:

— Конечно, так лучше. Хотя я думаю, что это — твои нервы. Правильно сделал, что уговорил тебя поехать на дачу — для расстроенных нервов нет ничего лучше лечения прогулками на свежем воздухе.

Мы свернули на грунтовку, и я радостно завозила на сидении.

Павел внес наши вещи в дом.

По сложившейся традиции, я устроилась в спальне на втором этаже, переделась и спустилась вниз.

Пока я готовила ужин, Павел поставил машину в гараж. Вернулся он не один, я узнала голос Ильи.

Он поздоровался со мной, вручил мне огромный букет, явно приобретенный в дорогом цветочном магазине и коробочку, в которой оказалась великолепная шаль с длинной шелковой бахромой.

Я удивилась:

— Откуда вы узнали, что я буду здесь? Или это дежурный букет?

Он улыбнулся:

— Нет, нет, букет и подарок предназначались именно вам, Геля. Я с утра знал, что вечером мы увидимся.

— Странно, но я сама решила ехать только во второй половине дня.

— Значит, считайте это внезапно открывшимся даром предвидения.

Особо не чинясь, Илья остался на ужин. Он принес из машины какое-то австралийское вино, и очень рекомендовал мне его. Вино, и в самом деле, оказалось замечательным, впрочем, пила его я одна: мужчины предпочли национальный отечественный напиток.

Мы очень мило поболтали, причем пару раз мне показалось, что он как-то странно и слишком внимательно приглядывается то ко мне, то к Павлу. А про себя вздохнула: если уж мне наши отношения кажутся довольно странными, то что говорить о других.

Через некоторое время мужчины перешли в гостиную, к камину, а я, убрав и сложив посуду в машинку, ушла в кабинет. Дверь оставалась открытой, и я невольно прислушивалась к тому, что говорят Павел и Илья.

Они обсуждали неприятности, которые преследуют Виктора, начиная с нового года.

— ...Понимаешь, мы с ними сотрудничаем уже почти десять лет, и ни разу они не дали нам повод сомневаться! — горячился Павел.

Илья лениво протянул:

— Но и суммы страхового возмещения они никогда не старались сделать особо большими. А тут, только перезаключили договор, и на тебе. Немудрено, что тебе это показалось подозрительным. А то, что это давние наши партнеры, и еще отец привлек их в нашу компанию, это для тебя что-нибудь да значит?

— Я не подозреваю их в прямой нечестности, но разобраться надо. — Павел вздохнул: — Насколько я знаю, сейчас там всем заворачивает не Одинцов, а его сын. Он мужик мутный. У всех еще свежо в памяти то, как он обанкротил свою кампанию, к полной выгоде. И плевать, что пятьсот человек остались без работы. Знаешь, как писал Маркс, «нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист», а ведь здесь речь идет об очень больших суммах.

Они помолчали.

Илья после паузы спросил:

— Тебе не кажется, что Виктор в последнее время странно ведет себя? Он нервничает, эти его бесконечные поездки. Вчера я напрямую спросил его, за каким чертом он едет в Италию. Он так и не смог мне внятно ничего объяснить. Что-то о том, что у Влады расшатались нервы, он собирается ей сделать подарок, показать Рим весной. Скажи, он в своем уме? Какой, к чертям, Рим, если такие дела вокруг творятся. И эта истеричка, уже сорок, а все изображает из себя романтическую героиню. И когда надоест, скажи?

Павел устало сказал:

— А вот это не твое дело. Тебе бы радоваться, что он так заботится о твоей сестре.

— Как это не мое дело? Эти ребята оттяпали у нас два миллиона долларов, а Виктор ничего не сделал для того, чтобы хотя бы проверить, все ли там чисто. И я должен умиляться? Иногда я мечтаю бросить всю эту бодягу, забрать свои деньги и больше никогда не видеть ни его, ни свою сестрицу.

Павел насмешливо спросил:

— И что мешает?

— Ты прекрасно знаешь, что. Это мой и твой отец начали все это дело, но досталось почти все Виктору. Формально, конечно, Влада держит пятьдесят процентов акций, но и ты, и я знаем, что на самом деле всем заправляет Виктор. И в собственном банке я не могу избавиться от его давления, потому что его папаша умер, не оставив завещания, и половина акций банка тоже принадлежит ему! Тебя не злит это?

Кажется, Павел пожал плечами.

Илья со странными интонациями в голосе медленно протянул:

— Знаешь, Паша, а ведь ты тоже здорово изменился. Я помню, в каком ты был бешенстве, когда в той газете опубликовали фото Марины с той вечеринки. Странно, что сейчас ты так спокоен. Или я чего-то не знаю?

Павел усмехнулся:

— Если ты хочешь вызвать меня на откровенность, то ты выбрал не тот момент. И давай сменим тему.

Они заговорили о каком-то ружье, предполагая сделать подарок общему знакомому, и я перестала прислушиваться.

Тупо глядя на мерцающий экран, я мысленно перебирала те неприятные открытия, которые сделала из подслушанного разговора.

В-первых, ясно, что Влада Николаевна — сестра Ильи, впрочем, большой любви к сестре я в нем не заметила. Во-вторых, я с горечью подумала о том, что Виктор обманул меня в самом начале нашего романа, и истинной причиной того, что он так тщательно скрывал связь со мной, скорее всего, было его нежелание упустить акции Влады. Если бы это было не так, он хотя бы раз упомянул об этом, но нет, он ни разу не заговорил о проблемах, которые встали бы перед ним, вздумай он решиться на развод и раздел имущества.

Ну, то, что нашу компанию преследуют неприятности, я, конечно, знала. Виктор в последнее время был озабочен, часто нервничал. Виделись мы реже, чем обычно. Кое-что я узнавала из телефонных разговоров Павла.

Для меня не было новостью то, что денежные дела банка, который возглавлял Илья, и нашей компании так тесно переплетены. Как раз Павел занимался размещением привлеченных средств, и действовали всегда именно через этот банк. Но вот о том, что Виктор является его главным акционером, я не знала. Впрочем, не думаю, что реестр акционеров является такой тайной, я просто и не стремилась это узнать.

И даже себе я не решилась признаться, что меня странным образом задели слова Ильи о какой-то Марине. Значит, она была Павлу дорога, если ее поведение могло разозлить его. Илья даже упомянул, что он тогда был в бешенстве. Обычно Павел со всеми насмешливо вежлив, интересно было бы узнать, что его могло настолько вывести из равновесия.

Растревоженная этими мыслями, работать я не стала, рано ушла к себе, решив, что непременно попробую выведать что-нибудь у Павла.

Такой возможности мне на другой день не представилось: Павел и Равиль весь день возились с лодкой на причале.

За обедом он был молчалив, спросил только, как идут мои дела. Ушел на причал, даже не дождавшись, пока я уберу со стола.

Услышав под окном его шаги, мысленно пожала плечами: будь я немного самоуверенней, решила бы, что он меня избегает.

Оставив на столе ужин под салфеткой, я уселась за работу.

Вернувшись, Павел меня не беспокоил. Я слышала его шаги в доме, но в кабинет он ни разу не зашел. А мне, из чувства противоречия, вдруг ужасно захотелось, чтобы он улегся с книгой на диван, как раньше. К чему бы это?

Я покачала головой. Окончательно рассердившись на себя, сварила чашку крепкого кофе, и просидела над романом часов до трех ночи.

Поднялась поздно, почти в одиннадцать часов, с чугунной головой, и решила, что сегодня обязательно погуляю.

Представила, как хорошо на озере, и усмехнулась: не ищу ли я повода посетить лодочный причал? Следовало признать, что мне не хотелось, чтобы Павел находился в непосредственной близости от меня, но, когда он не обращал на меня внимания и избегал — это ужасно раздражало, не давая работать. Кажется, в мировой литературе есть поучительные произведения на эту тему. Но, может быть, он их не читал?

Выяснилось, что предмет моих размышлений еще утром отбыл с Равилем и Ильей на рыбалку, о чем меня известила небрежная записка на столе в кухне.

Я нехотя выпила кофе, уселась за компьютер.

В доме было тихо, отвлекающий фактор в лице Павла отсутствовал, и мне работалось спокойно.

Выглянув в окно, я вдруг заметила Асю. Простоволосая (она всегда ходит с тонким шелковым платком на волосах!), с растерянным выражением лица, она торопливо бежала куда-то.

Я выскочила на крыльцо.

— Ася, что случилось?

Задышавшись, она на бегу крикнула:

— Тимка пропал! Везде уже обегала, нигде нет!

— Подожди, я с тобой!

Едва натянув сапоги и куртку, я выскочила на крыльцо.

— Когда он пропал?

Ася закрыла лицо руками.

— Не знаю. Я младшего укладывала, а он играл около дома со щенком, Павел ему недавно подарил, а потом я вышла — а их обоих нет. Я уж и на огород сбегала, и к дороге, думала, может, отца пошел встречать, только его нигде нет. Я уж и Равилю позвонила, не знаю, где и искать.

Я оглянулась на дорогу, ведущую к озеру. Ася с тревогой посмотрела на меня:

— Ты думаешь... — Мы, не сговариваясь, бегом бросились к озеру.

Я далеко опередила Асю. Когда я вылетела к причалу, заметила барахтающегося Тимку в полынье с рваными краями, у самого края мостков. Я пробежала по шатающимся мосткам и прыгнула в ледяную воду.

Здесь оказалось неглубоко, черная вода, злым холодом обжегшая меня, едва доходила мне до груди. Я подхватила мальчишку, подняла его на мостки. Щенок в его руках жалобно повизгивал, и я пыталась отодвинуть их подальше от края.

Мне на помощь подоспела Ася. От волнения она схватила на руки Тимку и пыталась помочь мне выбраться. Потом догадалась, усадила Тимку на берегу, вернулась ко мне, легла

на мостки и я смогла с ее помощью подтянуться. Тяжелая одежда сковывала движения. Странно, но холоднее мне не становилось.

Мы выбрались на берег, схватили Тимку и щенка и заторопились к дому. Так как к ним нужно было бежать еще какое-то расстояние, метров сто, наверное, мы влетели в дом Павла.

Раздеваясь на ходу, я включила воду в ванной, и мы посадили в нее пришедшего в себя и начавшего отчаянно орать Тимку.

Ася, не слушая моих возражений, стянула с меня мокрые джинсы и свитер, и затолкала в ванну и меня.

Ошеломленный происходящим щенок заливисто лаял. Ася поймала его и пыталась растереть сухим полотенцем, он скулил и вырывался.

Кажется, Тимке все это потихоньку начало нравится, потому что он развеселился.

Влетевшие с перекошенными лицами в дом мужики застали дивную картину, которую, я думаю, они не скоро забудут: грязные лужи от растаявшего снега, мокрая одежда на полу в прихожей, мы с Тимкой, голышом сидящие в ванне, взлохмаченный щенок, с визгом бросившийся к ним за спасением, растерянная, с растрепанными волосами, Ася.

Первым пришел в себя Равиль. Он выпроводил всех из ванной, закрыл дверь.

Через полчаса лужи были вытерты, я, в теплом банном халате, и Тимка, сияющий глазками-маслинами, как главные герои происшествия, пили чай в кухне. По случаю счастливого спасения, четырехлетнего Тимура даже не стали ругать. Как выяснилось, щенок побежал к озеру, а Тимур за ним. Сначала они искали папу, потом поиграли в лодке, а потом щенок свалился в воду, а Тимур его спасал. Щенку налили в миску молока и выдали котлету, так что он себя пострадавшим уже не считал.

Ася вздохнула, пощупав лоб Тимура:

— Надеюсь, обойдется. Все-таки ты его быстро вытащила.

Илья нахмурился:

— Вам сильно повезло. В озере бьют ключи, лед там всегда ненадежный, а мелководье только в одном месте и есть, как раз, где вы надумали купаться.

Павел и Равиль переглянулись и кивнули.

Павел принес какой-то бальзам, и мне налили в чай две полные столовые ложки. От горячего чая я покраснелась, глаза у меня стали слипаться.

Равиль принес сухую одежду, и Тимку переодели. Ася собрала мою куртку, свитер и джинсы и, несмотря на мои возражения, забрала, чтобы постирать. Равиль выпустил щенка, и он с веселым лаем выскочил из дома. Чувствовалось, что ему наша беспокойная компания поднадоела.

Я открыла глаза. В комнате было тихо, догорал огонь в камине.

На ковре, привалившись спиной к дивану, сидел Павел, вытянув к огню длинные ноги. Почувствовав мой взгляд, он повернулся.

— Ты так и просидел на полу все время, что я спала? — спросила я.

Он не ответил. Повернувшись, провел пальцем по моей щеке.

Я невольно замерла, закрыла глаза. Понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя, но так захотелось оказаться с ним рядом, так близко, чтобы слышать стук его сердца, его дыхание...

Внезапно он убрал руку, посмотрел на меня и задумчиво не то спросил, не то сказал:

— И ведь странно: человек ты вроде хороший. Послушай, тебе нравится держать меня

на поводке?

Я от неожиданности села на диване, и махровый халат распахнулся от неловкого движения. Я торопливо поправила полы.

Павел уперся взглядом в мою грудь и холодно спросил:

— Наверное, тебе нравится, когда я, как собака Павлова, демонстрирую ожидаемую реакцию?

Кто-то хотел узнать, можно ли его вывести из равновесия? Вот тебе и ответ.

Он поднялся и пересел в кресло, потер лицо руками. С холодным бешенством в голосе сказал:

— Я — взрослый мужик, мне эти игры неинтересны, понимаешь? Ну, не умею я дружить с женщиной, которая мне безумно нравится, и одноразовый секс с тобой мне тоже не нужен. Когда ты видишь, что я уже дышать не могу в твоём присутствии, как будто отпускаешь меня. Но, стоит мне научиться жить и дышать без тебя, все снова. Да я после той новогодней ночи два месяца приходил в себя, ты хоть знаешь, чего мне это стоило? А теперь все мои старания прахом. Не знаю, что там у вас с Виктором, но скажу тебе одно: я взял два билета, во вторник вылетаю в Австрию. Если хочешь, летим со мной, и тогда будет все. Если нет, я не в претензии, только делать из себя подопытного кролика не позволю. Ясно?

Он поднялся, обошел меня и так хлопнул дверью спальни, что в шкафу зазвенела посуда.

Что он себе вообразил?! Что он себе позволяет?!

Конечно, я — полная идиотка, что поперлась к нему в гости, на дачу, но он-то, хорош!

И чем, скажите, плоха дружба? Да я без его дружбы давно бы умерла от тоски. Ну, если не всем дан дар любви, что ж тогда, повеситься?

Я мстительно подумала, что сделаю его героем следующего романа, и убью при первой же возможности. Потом вспомнила, что именно он и подал мне идею писать детективы, и решила, что лучше отомщу ему как-нибудь по-другому.

Я металась по комнате, забрасывая в сумку свои вещи. Потом вспомнила, что куртку и джинсы забрала Ася, уселась на постель.

А с чего он-то решил, что мне нужен одноразовый секс?! Хорошего же он мнения обо мне!

Стало ужасно обидно, и я тихо поплакала, свернувшись на покрывале.

За завтраком мы оба молчали.

Ближе к обеду Ася принесла высушенные вещи.

— Тимка совершенно здоров, щенок тоже. Спасибо тебе, — она обняла меня за шею, — сама-то как?

Я махнула рукой.

— Все в порядке.

Со вчерашнего вечера у меня сильно болел низ живота, кажется, все-таки купание в ледяной воде не прошло бесследно, но рассказывать об этом в присутствии Павла не хотелось.

— Мы сегодня уезжаем, — дипломатично объявила я. — Решили ехать пораньше: завтра на работу, а на въезде в город пробки сумасшедшие.

Ася попрощалась со мной:

— Ну, тогда до скорого!

Я вздохнула, про себя подумав, что при сложившихся между мной и Павлом отношениях, скорая встреча представляется весьма проблематичной, но промолчала.

Павел высадил меня у подъезда, вынул сумку с вещами и вместе со мной подошел к лифту. Он нажал кнопку, и, ожидая, пока кабинка спустится, спокойно напомнил:

— Завтра к вечеру я хотел бы знать, какое решение ты приняла.

Я хотела, было, спросить, почему именно завтра к вечеру, но он так глянул на меня, что у меня отпала охота задавать вопросы.

Павел подтолкнул меня в лифт, поставил сумку и строго сказал:

— И без бабских штучек, пожалуйста!

Не дожидаясь, пока створки лифта сойдутся, он развернулся и сбежал вниз по ступеням.

В квартире было тихо. Я позвонила на пульт, сняла квартиру с охраны.

Розы, подаренные мне Виктором перед отъездом, осыпали лепестки на стол.

Я сунула их в пакет и решила выбросить в мусоропровод, чтобы не оставлять на ночь. Тихо отперла дверь, вышла на площадку. Уже почти завернула за угол, но что-то меня внезапно остановило.

Я услышала шорох, а потом чей-то мужской голос отчетливо произнес:

— Она уже дома. Да, одна. Сменишь меня через час.

Я вернулась в квартиру, прикрыла за собой дверь, осторожно закрыла замок. В ушах шумело, и сердце билось где-то в горле. Конечно, этот разговор мог не иметь ко мне никакого отношения, но я почему-то сразу поняла, что речь шла обо мне. Значит, мне не показалось, и раньше за мной тоже следили. Кому это могло понадобиться? А вдруг это жена Виктора? Да нет, она с мужем в Риме, зачем ей следить за мной в его отсутствие?

Я хотела позвонить Павлу, и уже протянула руку к телефону, но опомнилась. Не такие у нас сейчас отношения, чтобы я звонила ему с просьбой приехать, на ночь глядя.

Тишину комнаты взорвал телефонный звонок.

Я судорожно схватила трубку.

Звонили с пульта охраны. Черт, как же я забыла, что нужно было набрать код! Я извинилась, а потом, подумав, сказала, что на лестничной площадке слышала шум и шаги. Охранник удивился:

— Кроме вас, никто за последний час не входил и не выходил.

Я проямлила, что, наверное, мне послышалось.

На всякий случай я придвинула к входной двери кресло. Конечно, это никого не остановило бы, но я просто хотела услышать, если кто-то попытается войти в дверь.

В темноте спальни я лежала без сна и думала, что влюбись я тогда в Павла, насколько моя жизнь была бы чище, проще и яснее. Умом я понимала, что связь с Виктором мне не принесет ничего, кроме боли и разочарований, что наши встречи со временем станут еще более редкими. Я подумала и о том, что, возможно, он все это время обманывал меня, может быть, даже и бессознательно, скрывая то, что не хочет расстаться с женой из денежных соображений. Последняя мысль была особенно горькой и обидной.

Я вспомнила, что завтра мне предстоит объясниться с Павлом. Конечно, будь у меня в голове хоть капля мозгов, я улетела бы с ним в Австрию, и дело с концом. Он хороший парень, замечательный друг, и одноразовый секс у нас с ним получился просто великолепный, но в его присутствии голова у меня не кружилась, вот в чем беда. Вообще с

моей головой в последнее время творилось что-то неладное.

Спала я плохо, просыпалась и таращилась в темноту. В результате утром проспала, еще и пришлось оттащить тяжеленное кресло, отчего опять появилась противная тянущая боль в низу живота. Скрючившись, я посидела в кресле, ожидая, когда боль пройдет.

Конечно, на работу я опоздала.

Павла в кабинете не было, и я смогла перевести дух.

Забегала Алена, хорошенькая от счастья и полная весеннего ликования. Я налила ей кофе, предложила сигарету.

Алена жалостливо посмотрела на меня:

— Слушай, ты совсем зеленая.

Я с неохотой рассказала ей о дачном происшествии. Она всплеснула руками:

— Конечно, ты застудилась. Попей чего-нибудь, отлежись дома. Неужели Павел тебя не отпустит?

— Не суетись. Я в обед загляну в нашу поликлинику, покажусь врачу. А то мне и так показалось, что у меня все протекает не так, как обычно. Последние два раза вместо месячных так, какая-то мазня.

Алена встревожилась:

— Слушай, подруга, а ты не залетела?

Я пожала плечами:

— Я пью таблетки.

Фирма регулярно оплачивает наше медобслуживание, и, судя по всему, деньги платятся хорошие. Встретили меня по высшему разряду.

Немолодая женщина-врач внимательно выслушала меня, осмотрела и продиктовала сестре:

— Беременность, 10–11 недель. — Она наклонилась ко мне и буднично спросила: — Будем оставлять?

Я резко поднялась, села и прикусила губу, пытаюсь унять головокружение.

Врач под села к столу, прочитала мою карту, сочувственно посмотрела на меня и сказала:

— Должна вас предупредить: у вас отрицательный резус, поэтому первый аборт крайне нежелателен. Срок уже большой, и времени на принятие решения у вас мало. Посоветуйтесь в семье, и завтра приходите. Если решите оставить ребенка, мы возьмем у вас все необходимые анализы, и вы уйдете домой. Поставим вас на учет, обязательно будем наблюдать, в вашем случае это просто необходимо. Если же решите по-другому, я помогу все оформить за один день, и вам придется остаться у нас. Договорились?

Поликлиника находилась всего в паре кварталов от нашего офиса, поэтому машину я не брала.

Выйдя на улицу, я вдохнула свежий весенний воздух. Шубку не застегнула, и так и шла по улице, шурясь от яркого весеннего солнца.

Весна в этом году просто сумасшедшая. Еще только середина марта, а все сияет, тротуары уже совсем сухие, и почки на деревьях набухли. Жалко, что у меня нет дачи: очень хочется услышать запах нагретой солнцем садовой земли, увидеть пробивающуюся травку, и тогда можно поверить, что зима, в самом деле, закончилась.

Про дачу — это так, к слову. Какая уж из меня садовница? Я — типичная горожанка, да еще в четвертом поколении. Впрочем, может быть, скоро дача будет мне весьма кстати...

Попрошу Виктора, может, он выберет время, и мы поедем вместе куда-нибудь на природу. Я мечтательно прищурилась: ужасно люблю с ним ездить за город. Там нас никто не знает, и можно не притворяться и не делать вид, что мы — посторонние.

Завтра исполняется ровно год, как мы с ним познакомились.

Днем он прилетит из Рима, и можно будет удрать с работы пораньше. Я накрою стол, приготовлю что-нибудь вкусное. А потом скажу ему мою новость, мою невероятную новость!

Уже подходя к офису, я вспомнила о том, что собиралась сказать Павлу что-то важное, но что именно, так и не вспомнила. Впрочем, теперь этого говорить вовсе не стоило.

Вихрем влетела к себе, столкнувшись в дверях с Аленой. Едва войдя в комнату, сбросила шубку на спинку стула, закружила ее по комнате:

— У меня будет ребенок, понимаешь?

Алена уселась на стул и молча смотрела, как я порхаю.

— Послушай, ты всерьез считаешь, что Осмоловский обрадуется?

Я присела и, улыбаясь, сказала ей:

— А чего ему не обрадоваться? Я ведь не прошу, чтобы он на мне женился. Все будет, как раньше, только я уже никогда, никогда не буду одна. Ты просто не представляешь, как я провела эту ночь, б-р-р! В моей жизни теперь наступит полная ясность. А если Виктор не захочет этого ребенка, что же, я и сама его воспитаю, мне для этого никто не нужен.

Алена обняла меня, погладила волосы.

Вошедший в комнату Павел внимательно посмотрел на нас, покачал головой, но ничего не сказал.

Понятливая Алена смылась, а я уселась за стол, сложила папки в две аккуратные стопки, подняла глаза на Павла.

— Павел... — нерешительно начала я.

Он криво улыбнулся:

— Просил же, без бабских штучек! Мне неинтересно слушать, что я — хороший парень. Я и так это знаю, просто мне не повезло. Ладно, проехали! Научимся жить и с этим.

Я тихо спросила:

— Ты сердишься?

Он сказал:

— Пожалуй, нет. Спасибо тебе, что не стала обманывать. Раз уж сразу не сложилось, не стоит и начинать.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Я обрадовалась, что получила передышку.

Звонила женщина по имени Ирина, Павел ей явно обрадовался.

Я слышала только куски разговора, но поняла, что это хозяйка какого-то агентства по оказанию услуг. Павел попросил ее прислать завтра к самолету девушку. Видимо, Ирина спросила, которую, потому что Павел сказал:

— Мне все равно, полагаюсь на твой вкус. Да, на три недели. Наша секретарь свяжется с тобой через час, продиктуешь ей фамилию и паспортные данные, нужно оформить визу и билеты. Все, ты меня очень выручила, буду обязан.

Я мрачно подумала, что все мужики — свиньи. Впрочем, даже это не смогло испортить

моего настроения.

Вечером я заехала в гастроном на Тверской, накупила корзину деликатесов, готовясь к завтрашней встрече.

На углу, у гастронома, бабушка торговала букетиками фиалок, и я купила все оставшиеся у нее цветы.

Тщательно убрала квартиру, накрыла стол белой скатертью и поставила приборы и подсвечник. Нашла широкую вазу, наполнила ее водой, устроила фиалки. Комната сразу наполнилась их тревожным запахом.

Мне хотелось, чтобы завтрашний день стал праздником не только для меня.

Я заранее присмотрела Виктору подарок, изящную золотую зажигалку, и попросила выгравировать его монограмму, переплетенные буквы «В» и «О». Я полюбовалась на тонкую вязь, и положила замшевый футляр рядом с цветами.

Я все утро промаялась, ожидая звонка Виктора. Конечно, я волновалась от мысли, как он отреагирует на новость о том, что я жду ребенка.

В сотый раз я репетировала свою речь, прокручивая в уме то, что я должна ему сказать. Мне не хотелось сообщать ему это по телефону или на бегу. Пусть все произойдет в нашей квартире.

После обеда пришло сообщение от Ленки: «Юстас — Алексу. Прибыл шеф. Привез очень миленький сувенир. Душка!»

Прошло полчаса, но телефон молчал. Вернее, он непрерывно звонил, но это были рабочие звонки. Я переживала, что Виктор не может мне дозвониться.

Стало тревожно на душе, но я подумала, что, возможно, он просто занят важным разговором.

Я подошла к окну, наблюдая за резко похорошевшими и приодевшимися с началом весны прохожими, за воробьями, оккупировавшими ветки дерева. Неожиданно мое внимание привлекла машина Виктора, она резко отъехала от нашей стоянки.

Окончательно встревожившись, я позвонила Ленке.

— Приехал! — лаконично доложила она. — С час пробыл в кабинете, никого не вызывал, по городскому не звонил. Потом выскочил с перекошенным лицом, куда-то отъехал. И что могло его так всполошить, не знаешь?

— Откуда? — удивилась я. — Я и не виделась с ним еще.

— Что, и не позвонил тебе? — искренне изумилась Ленка.

Я подняла голову и сощурилась: яркий солнечный зайчик мазнул световой вспышкой по глазам. В здании напротив кто-то открыл зеркальное фасадное окно.

Рабочий день закончился, а Виктор все не звонил.

Заглянула Аленка:

— Домой собираешься?

Я кивнула:

— Раскидаю документы по папкам, и пойду. Вы меня не ждите.

— Ну, тогда мы едем. Чао!

Я разложила документы по местам, выключила компьютер. В кабинете Павла было непривычно чисто и тихо. Я заметила открытую фрамугу окна, и подошла к нему.

В этот момент в коридоре раздались шаги. Я узнала бы их из тысячи. С сильно бьющимся сердцем я повернулась к вошедшему Виктору. Улыбка сползла с моего лица.

Он был бледен, только на скулах горели яркие пятна.

— Что-то случилось? — помертвевшими губами спросила я.

— Тебе лучше знать, — отрывисто сказал он, вынул из внутреннего кармана пакет, бросил его на мой стол.

По полированной поверхности стола разлетелись глянцевые фотографии.

Я машинально взяла их в руки, просмотрела.

Часть фотографий была, без всякого сомнения, сделана в нашей квартире. В первую минуту я не поняла, а, приглядевшись, внутренне ахнула: почти на всех снимках была изображена я, да еще с каким-то парнем. На одной из фотографий он полулежал на моей постели в шелковом халате Виктора, и я подумала, что тогда мне не померещилось, и я действительно слышала запах чужой туалетной воды.

Я присмотрелась внимательней: гладкая кожа, накачанная фигура, белозубая улыбка, — парень был красив завораживающей мужской красотой.

На всех фото он был снят рядом со мной, и, несмотря на это, видела я его в первый раз.

Я подняла глаза:

— О, Господи, Виктор, но это же совершенная неправда! Я не знаю этого человека! Я его первый раз вижу!

Виктор в бешенстве глянул на меня:

— Дрянь, какая же ты дрянь! Ты даже сейчас не хочешь ни в чем признаться. Неужели ты рассчитываешь на какое-то продолжение наших отношений? Как подумаю, что даже в такой день ты не смогла удержаться от встречи с любовником!

Я попыталась прервать его:

— Почему ты мне не веришь? Повторяю: я не знаю этого человека, и никогда не видела его раньше! Если ты не хочешь выслушать меня, давай поедem, расспросим охранников, они-то ведь должны были видеть его?

Он заорал:

— А чем я, по-твоему, занимался последние два часа?! Один из ребят подтвердил, что парень посещал тебя. Нечасто, но за последний месяц он видел его раза четыре, не меньше. У него есть свои ключи, пару раз он приходил в твоё отсутствие. Он показал мне видеосъемку, на которой хорошо видно, как вы утром вместе спускаетесь в паркинг. Конечно, ты осторожничала, и делала вид, что незнакома с ним, но его выражение лица выдает вас с головой!

Я насторожилась:

— Может быть, он в сговоре с этим парнем? Нужно еще раз расспросить его, возможно, он поймается на подробностях.

Он посмотрел на меня, презрительно сощурившись:

— Я сам поднялся в квартиру. Там полный бардак, остатки вашего романтического ужина, неубранная постель. Я так понимаю, ты рассчитывала, что успеешь привести все в порядок. У тебя это вполне получилось бы, если бы я не обнаружил эти снимки на столе. Так что больше никаких подробностей мне узнавать не хочется.

Я твердо сказала:

— Виктор, я не собираюсь с тобой разговаривать подобным образом. Я ни в чем не виновата!

Он рванул оконную створку. В комнату ворвался весенний ветер.

Виктор повернулся ко мне и с горечью сказал:

— Я понимаю, что не мог уделять тебе много времени, но я просил тебя, просил с самого начала, никогда меня не обманывать. Или тебе уже тогда были нужны только мои деньги? При всем своем внешнем благополучии, я не очень счастлив в личной жизни, и, когда я встретил тебя, мне показалось... В общем, жаль, что ты оказалась просто пустой и расчетливой стервой.

Он собрал фотографии, сунул их в карман, и вышел за дверь.

Его шаги стихли в коридоре, а мне все еще казалось, что ничего этого не было.

Я немного посидела за своим столом, потом достала из принтера чистый листок бумаги и аккуратно написала заявление об отпуске с последующим увольнением по собственному желанию.

Хмыкнула про себя. Это была неправда, никаких собственных желаний у меня не осталось.

Заявление я положила на стол Павла, с тем расчетом, чтобы он нашел его сразу по возвращении.

Вернувшись, подняла с пола одну из фотографий. Видимо, в пылу спора, Виктор не заметил, что она упала на пол. Я сунула ее в сумку.

Нашла коробку от бумаги для факса, сложила туда мелочи из ящиков стола: расческу, запасные колготки, начатую упаковку «Олвэйз», диски и симпатичную подставку для ручек, память о моей поездке в Испанию. Набралась почти полная коробка, я повесила на плечо сумочку, взяла в одну руку коробку, в другую — горшок с пальмой. Выходя, положила ключи от кабинета на стол, спустила язычок замка, и захлопнула за собой дверь.

На стоянке у конторы оставалась только моя машина. Я поставила на капот пальму и коробку, сняла шубку, сложила ее на заднее сидение, бросила на переднее сидение связку ключей от квартиры и машины, опустила флажки и захлопнула дверь.

Подхватив коробку и пальму, шагнула на проезжую часть, чтобы остановить такси. К вечеру подмораживало, и не стоило торчать на улице в тонком джемпере.

Вместо такси рядом со мной остановился джип. Я с неудовольствием посторонилась, пропуская его, но джип не уезжал.

Я злобно глянула на водителя, и обогнула джип сзади. Немедленно водительская дверь приоткрылась, и оттуда вышел Илья.

— Да садись же, в конце концов! Вот же достанется кому-нибудь такое сокровище!

Я попыталась сопротивляться, но он отнял у меня коробку и пальму, сунул их на заднее сидение и буквально затолкал меня в машину.

Усевшись, он неодобрительно посмотрел на меня:

— Мало тебе купания в ледяной воде, так теперь разгуливаешь раздетая по улицам. Что у тебя произошло?

Я перевела дух. В самом деле, он-то тут при чем?

Уже спокойно попросила:

— Отвези меня домой, пожалуйста.

Илья кивнул:

— Это само собой. Куда едем?

Я назвала адрес моей старой квартиры.

Несмотря на пробки, доехали мы довольно быстро.

Илья вручил мне коробку, с сомнением посмотрел на пальму и сказал:

— Подожди, я помогу.

Мы загрузились в старенький лифт и поднялись к квартире. Уже на лестничной площадке мне кое-что показалось странным. Где-то очень громко звучала музыка, причем из репертуара «Радио шансон».

Я сказала:

— Поставь пальму, теперь я сама.

Илья нахмурился:

— Ищи ключи.

Я нашарила ключи, вставила их в замочную скважину, но дверь и не думала открываться.

Илья нажал на кнопку звонка, потом еще раз. За дверью послышались незнакомые шаги.

На пороге стоял здоровенный парень лет тридцати, одетый в старые джинсы и довольно грязную майку. На его предплечье была довольно затейливая татуировка. Он с веселым одобрением смотрел на меня. Перевел взгляд на Илью и, дыша перегаром, спросил:

— Мы кто?

Илья посмотрел на меня и тоже спросил:

— Мы кто?

В этот момент в прихожую вышел еще один парень. Он тоже был нетрезв, но соображал, видно, все-таки чуть лучше.

— Вы — Геля? — спросил он.

Я кивнула:

— А вы — племянник Клары Ильиничны?

— Ага. Тетка переехала к моей матери, а мы пока тут живем. Вы проходите, — доброжелательно предложил он. — Тетка сто раз предупреждала, что вы непременно появитесь.

Я спросила:

— А ключи от двери зачем сменили?

Племянник пьяно нахмурился.

— Понимаешь, сестренка, тебя не было, а тетка нам дала только одни ключи. А нас тут четверо. — Он сделал неопределенный жест в сторону кухни. — Игорь и Иван пошли в магазин, скоро будут, так что вы как раз вовремя.

И действительно, дверь лифта распахнулась, оттуда вывалились два бугая со здоровыми пакетами в руках. Судя по звукам, там были бутылки.

Они обрадовались:

— А ты не говорил, что у тебя такая симпатичная соседка. Это очень хорошо, а то мы без женского общества тут немного одичали.

Мы с Ильей прошли в прихожую. Везде было натоптано, из кухни тянуло чем-то горелым, запах перегара мешался с вонью от переполненных пепельниц. Меня замутило.

Я шагнула в свою комнату. Здесь было тихо и пахло просто нежилым помещением.

Я попросила Илью, все еще державшего пальму в руках:

— Ставь ее на стол. Спасибо тебе.

Он кивнул, но, вместо того, чтобы уйти, уселся на диван.

— Ты всерьез собираешься здесь остаться?

Он пошарил по карманам, вынул сигарету и сунул ее в рот, но закуривать не стал.

Я пожала плечами:

— Это мой дом.

Илья оглянулся на дверь, мрачно сказал:

— Оставить тебя в такой веселой компании я не могу. У тебя даже нет замка в двери! Я тебе предоставляю на выбор: либо я привезу слесаря, и он врежет замок, либо я останусь с тобой. Второе предпочтительней, потому что родственники твоей соседки, на мой взгляд, собираются в ближайшее время пропить последние мозги, и что им после этого придет в голову, не ясно.

Я постояла около стола, погладила гофрированный лист пальмы. Конечно, Илья был прав, оставаться здесь не стоило, по крайней мере, сегодня.

Я повернулась к нему:

— Я позвоню подруге, поживу временно у нее. Ты подождешь, пока я соберу кое-какие вещи и созвонюсь с ней?

Илья кивнул.

Очень не хотелось мешать личной жизни Алены и Антона, но выхода у меня не было. Я подумала, что завтра с утра займусь этим вопросом основательно.

Звонила дважды, но телефоны у обоих были отключены, и я вспомнила, что Алена говорила мне, что они собираются на какой-то модный спектакль.

Неожиданно Илья предложил:

— Если тебя это устроит, можешь пожить в квартире моих приятелей. Они давно живут в Женеве, а квартира пустует. Кажется, они даже собираются продавать ее. Мебель они не забирали, Любовь Андреевна, у меня она тоже работает, раз в неделю убирает там. И, поверь, ты никому не мешаешь.

Я виновато посмотрела на него:

— Вот видишь, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Не взялся бы меня провожать, сидел бы дома, пил чай. А теперь тебе приходится возиться со мной.

Илья поднялся:

— Я так понял, ты принимаешь мое предложение. Думаю, задерживаться долее не имеет смысла. Если ты все забрала, можно ехать.

Он подхватил пальму и сумку с вещами.

Веселье у соседей шло по нарастающей, поэтому прощаться мы не стали, я просто захлопнула за собой дверь.

Илья завез меня в тихий московский переулок, мы спустились в подземный гараж. Кабина лифта остановилась, Илья выпустил меня.

На лестничную площадку, больше напоминавшую зимний сад обилием зелени и плетеной мебелью, выходили две двери. Илья уверенно открыл одну из них, пошарил в каких-то ящиках, и вышел ко мне с ключами.

Он повозился с замком, щелкнул выключателем, при этом свет загорелся во всех комнатах, видных из холла и сделал приглашающий жест:

— Прошу.

Квартира оказалась просто замечательная: уютная, теплая. Солидная мебель, удобные кресла, большой экран плазменного телевизора. В гостиной стоял рояль, настоящий

концертный рояль.

На мой вопросительный взгляд Илья пояснил:

— Инесса периодически любила побренчать на нем.

Имелся и кабинет. Я с радостью убедилась, что на столе стоит компьютер, и спросила Илью:

— Как ты думаешь, это будет удобно, если я воспользуюсь хозяйским компьютером?

— Конечно. Если тебя это так волнует, я особо оговорю этот вопрос с ними. В общем, устраивайся, располагайся.

Я робко спросила:

— А та квартира, куда ты заходил за ключами, она чья?

Илья удивленно сказал:

— Конечно, моя. Разве я тебе не сказал, что это мои соседи?

Я подумала, что он об этом точно не говорил. Не знаю, решила бы я воспользоваться гостеприимством Ильи, знай я, что он будет жить по соседству?

Похоже, что все мои мысли были написаны на лице, потому что Илья довольно сердито сказал:

— Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь и, тем более, не собираюсь надоедать тебе.

Почувствовав себя виноватой, я схватила его за руку:

— Не обижайся! У меня просто сейчас сложный период в жизни. Спасибо тебе, и просто не знаю, что бы я без тебя делала!

Илья оставил меня.

Я прошлась по квартире, осмотрелась и решила, что лучшего просто и не могла бы найти.

В ящиках кухонного стола нашелся сахар и кофе. Я сварила себе чашечку и удивилась: хозяева, по словам Ильи, здесь давно не жили, а кофе был ароматным, не хуже того, что я всегда беру в гастрономе на Тверской.

Я выбрала себе спальню, разложила немногочисленные вещи, переоделась в старенькие джинсы, которые забрала в своей квартире, и уселась в кресло.

Теперь можно было подумать, как я буду жить дальше.

На первое время деньги у меня есть. Тратила я немного, а платили у нас прилично, так что у меня на карточке собралась кругленькая сумма. Коли так получилось, что с квартирой мне неожиданно повезло, на первое время воспользуюсь любезным разрешением Ильи и поживу здесь. Впрочем, в ближайшее время нужно будет разыскать адрес сестры Клары Ильиничны и решить вопрос с собственной квартирой.

Нам много раз предлагали разъехаться, но раньше такой необходимости не возникало. Я твердо решила, что компания племянника и его друзей мне не подходит. Нужно найти риэлтера и заняться обменом или продажей квартиры. Тянуть с этим нельзя, потому что через полгода у меня будет ребенок.

Прежде всего, следовало решить вопрос с работой. Завтра же займусь поисками.

И надо поговорить с сестрой, но это я решила отложить на потом, когда у меня самой наступит какая-нибудь ясность.

Для начала я решила позвонить Кларе Ильиничне, узнать, как надолго ее племянник приехал в Москву.

Я вышла в прихожую, и обнаружила, что моя сумочка лежит на банкетке, замок ее расстегнут, и содержимое выпало на пол. Я подняла откатившуюся в сторону губную помаду, раскрыла сумочку и с удивлением убедилась, что телефона в ней нет.

Я точно помнила, что, позвонив Алене, я убрала трубку на место, однако сейчас его тут не оказалось. Я лихорадочно порылась: слава богу, флэшка с почти законченным романом была на месте! Наверно, сумка расстегнулась еще в машине, и телефон вылетел из нее. В лучшем случае, завтра его найдет Илья, а в худшем случае я уронила его на улице.

Почти без всякой надежды, я сняла трубку квартирного телефона и набрала свой номер. Чуда не случилось. Механический женский голос известил меня о том, что телефон вызываемого абонента отключен.

Конечно, жалко было и аппарат, он у меня новенький и симпатичный, но еще жалче было телефонную книжку: к своему стыду, ни одного номера из нее я на память не помнила.

Решив, что завтра дозвонюсь в приемную к Ленке, я пошла в кабинет, включила компьютер, и на некоторое время потеряла всякую связь с внешним миром, уйдя в дебри своего любовно-детективного романа.

Услышав мелодичный звонок, сначала даже не поняла, что это может значить. Потом спохватилась, пошла в прихожую.

Конечно, это был Илья.

Он виновато спросил:

— Слушай, я не хотел тебе мешать, но потом вспомнил, что мы совсем не подумали о продуктах. Можно пригласить тебя на ужин?

— А ты умеешь готовить? Со стороны ты производишь впечатление человека, питающегося исключительно в изысканных ресторанах.

Он почесал переносицу и засмеялся:

— Если честно, я позвонил в ресторан, и мне все доставили на дом. Я заказал на свой вкус, свиные ребрышки в кисло-сладком соусе, бамбук, креветки, ну и по мелочи.

У него было забавное выражение лица, и я улыбнулась:

— Обожаю китайскую кухню, и принимаю твое приглашение с радостью.

Мы очень мило поужинали. Илья предложил мне вина, но я отказалась. Он несколько удивленно посмотрел на меня, но ничего не спросил.

На другой день с утра я съездила в клинику, сдала все необходимые анализы, выслушала кучу советов и наставлений, и дала обещание регулярно являться на осмотр.

Я спустилась с крыльца и машинально направилась в сторону конторы. Шла, задумавшись, и не сразу услышала сигнал автомобиля. Рядом со мной притормозил джип Илья.

— Как ты тут оказался? — удивилась я.

Он засмеялся:

— Если ты еще помнишь, банк расположен в паре кварталов отсюда. Я как раз собирался где-нибудь пообедать. Не составишь мне компанию?

Я кивнула. Заняться мне было решительно нечем, а роман мог и подождать.

В ресторане было сумрачно и тихо. Я с испугом посмотрела на нарядно одетую даму за соседним столиком, которая в два часа дня сияла бриллиантами и хорошо сделанными зубами.

Я укоризненно сказала Илье:

— Ты бы хоть предупредил, что идем в приличное место, а то я в куртке и джинсах. Чувствую себя, как Джулия Робертс.

Илья прижал мою руку к столу и тихо сказал:

— Ты замечательно выглядишь. — Он скосил смеющиеся глаза и кивнул в сторону столика, за которым устроились четверо молодых мужчин. — Мужики уже шеи себе свернули.

К моему ужасу и смущению Илья негромко спросил у них:

— Ребята, может, нам пересесть, чтобы вам было удобнее рассматривать мою спутницу?

Они засмеялись, и тот, что сидел напротив меня, прижал руку к сердцу.

В конце обеда, вместе с десертом, мне принесли букет роз и коробку конфет. Я посмотрела на Илью, но он улыбался, и я приняла подарок, поблагодарив ребят за внимание.

После обеда Илья, никуда не торопясь, завез меня в магазин, и я купила кое-какие продукты и пригласила его на ужин.

Приготовила отбивные с луком и грибами, смешала пару салатов, сделала целое блюдо закусочных бутербродов на поджаренном белом хлебе: с икрой, семгой, бужениной.

Часов в восемь в дверь позвонили. На пороге стоял улыбающийся Илья. В руках он держал бутылку вина и коробку пирожных из французской кондитерской «Леди Мармелад».

Я накрыла стол в просторной кухне.

Илья спросил, наблюдая за моими передвижениями:

— Позвонила подружкам?

Я виновато сказала:

— Знаешь, можешь считать меня совершенной растрепой, но телефон я вчера где-то потеряла.

Он удивился:

— Ты вчера его, вроде, сунула в сумку, когда мы уходили? Да ладно, не огорчайся, я подарю тебе новый. Мне недавно его презентовали клиенты банка, а я все равно не люблю дареные телефоны. Считаю, что мужчина всегда должен сам выбирать часы, телефон и автомобиль.

Я порадовалась, что он не поставил в один ряд с этими достижениями цивилизации и женщин, и оценила его деликатность.

Мы поужинали. Илья ел мало, поглядывал на меня.

Я убрала тарелки со стола, переложила пирожные на блюдо и принесла кофе.

Мой гость от сладкого отказался, а я любовно выбрала себе пирожное и, не удержавшись, облизала палец.

Он потер лицо руками и спросил без всякого перехода:

— Вы с Павлом поссорились, и он уехал в Австрию один?

Я удивилась:

— Нет, мы вовсе не ссорились. С чего ты взял?

Он уклончиво пожал плечами:

— У вас довольно близкие отношения. Одно время я даже думал, что...В общем, я удивился, что ты ему не позвонила.

— А у меня нет его номера.

— Если надо, я тебе его подскажу.

— Нет, не надо. Пока не надо. Мне не хотелось бы просить его о помощи, по крайней мере, сейчас.

Илья внимательно посмотрел на меня и тихо сказал:

— Ты ведь не будешь отрицать, что в твоей жизни что-то произошло? Ты уже убедилась, что я твой друг. Я никогда и никому не расскажу о том, что узнал от тебя. Ну же, попробуй произнести вслух то, что тебя тревожит, и тебе станет легче. А потом, вдвоем мы, может быть, придумаем решение твоей проблемы.

— А ты не боишься, что я, как в старом анекдоте, на твой вопрос «Как дела?» подробно расскажу тебе, как действительно обстоят мои дела?

— И вовсе тут не при чем твой анекдот.

Я закрыла глаза и тихо сказала:

— За последние два дня я сделала несколько открытий, которые перевернули мою жизнь. Человек, которого я любила, поверил, что я — предательница и холодная расчетливая стерва; друг, о котором я думала, что он влюблен в меня, уехал в отпуск, предварительно наняв себе за деньги подружку; я пренебрегла основным правилом работающей женщины и завела роман на работе, в результате одновременно с любовью потеряла и работу; в моей квартире резвится шумная компания со стойкими уголовно-алкогольными традициями; и самое главное — я беременна.

Он молча смотрел на меня, и я торопливо продолжила:

— Нет, нет, последнее можно смело вычеркнуть из списка неприятностей. Я ужасно хочу этого ребенка. Я сама узнала о его существовании два дня назад, но уже успела привыкнуть к тому, что он со мной.

Илья задумчиво сказал:

— Как-то я разговаривал с одним психологом. И он сказал, что самый первый шаг, который надо сделать, это подумать о том, что положительного принесут в твою жизнь изменения, связанные со случившимися неприятностями. Иногда оказывается, что польза бывает ощутимей вреда. Давай попробуем? Ты так сильно любила этого человека?

— Мне казалось, что да, сильно.

— А всегда ли он относился к тебе хорошо? Не было ли у тебя ощущения, что он использует тебя?

Я закрыла лицо руками:

— Мне было хорошо с ним. И он дарил мне подарки и был внимателен к моим желаниям.

— Понимаешь, ты молодая и очень красивая женщина. Понятно, что это могло быть твоей ответной реакцией на его сильное мужское чувство. А подарки... Мужчина, который влюблен в женщину и не делает ей подарков — на мой взгляд, просто дурак какой-то. Давай попробуем по-другому. Ты хотела чего-то определенного от этой любви? Ну, ты рассчитывала, что вы поженитесь, что любовь будет длиться вечно?

— Нет. — Я смахнула слезинку, вспомнив, как всегда боялась, что наша связь с Виктором ненадолго.

— Так не стоит ли тебе отнестись к вашему разрыву, как к естественному процессу?

Уже не сдерживаясь, я заплакала.

— Да, но он оскорбил меня, он считает, что мне всегда были нужны только его деньги!

— Но ты ведь о себе точно знаешь, что это не так. Кроме того, на память о вашей любви у тебя останется ребенок. Или вот с другом. Чего в ваших отношениях было больше, дружбы

или неразделенной любви? Почему ты так странно реагируешь на то, что он пригласил в поездку девушку, пусть даже и за деньги?

— Да ведь он звал меня! Значит, я для него такая же, как и эта девушка!

Илья с юмором посмотрел на меня и сказал:

— Ну, то, что он хотел сэкономить, мы можем смело отбросить?

Я невольно засмеялась.

Он вздохнул и сказал:

— Не знаю, как ты, а я в его поступке вижу оскорбленное мужское самолюбие и ревность. Сильные мужики обычно стесняются своих чувств, тем более неразделенных. Почему ты считаешь его своим другом?

— Он всегда был рядом, даже зная, что я люблю другого. И это именно он подал мне одну очень важную для меня мысль, он поверил в то, что я справлюсь.

— Ты отпустила его на словах, отпусти и сердцем. И тебе самой станет легче.

Я засмеялась:

— Илья, да ты сам — настоящий психолог! Где ты этому научился?

— Это просто жизненный опыт, девочка. Просто я прожил на свете гораздо больше, чем ты. И я знаю, что такое настоящее несчастье.

Я вспомнила о его погибшей жене, и устыдилась. Попыталась перевести разговор:

— Ч то там у нас по списку дальше? Квартира и подгулявшие соседи?

Видимо, недовольный тем, что приоткрыл мне свои чувства, он поднялся:

— А это вообще не несчастье, а так, чепуха. Сегодня я поговорил с одним парнем, он держит риэлтерскую контору. Он обещал помочь. Дашь завтра мне ключи и объяснишь, где лежат документы.

— Да я и сама могу проехать!

— Нет, — отрезал он. — В твоем состоянии эти визиты не нужны.

— Да я же беременна, а не больна!

Он повернулся ко мне и сказал:

— Кстати, о твоей беременности. Завтра я договорюсь с заведующей ЗАГСа, и она зарегистрирует наш брак. Так что на вторую половину дня ничего не планируй. Спокойной ночи!

Он направился к входной двери, прихрамывая чуть больше обычного. В этот момент легкое помутнение рассудка, вызванное его словами, прошло, и я бросилась за ним:

— Подожди! Я ничего не поняла! Какая заведующая? С ума ты сошел, что ли?

Он повернулся ко мне:

— Не годится ребенку думать, что у него не было отца, или, того лучше, что отец его бросил. Ты будешь жить так, как жила до этого. Если встретишь и полюбишь другого — я не в претензии. Получишь развод, и выходи замуж снова.

Я завопила:

— Нет, ты все-таки ненормальный! Зачем тебе взваливать на себя заботы о чужом ребенке?

Он пожал плечами:

— Когда Алла разбилась, она была беременна на третьем месяце. После этой аварии у меня своих детей не будет. С некоторых пор в нашей стране, в связи с появлением собственности, снова стали популярны вопросы наследования, должен же я передать кому-то свои капиталы?

Видя, что я вовсе ошолбенела, он наклонился ко мне, коснулся губами волос на виске и сказал:

— Иди спать, уже поздно.

Часть вторая

Мой водитель, Игорь Каретников, помог мне донести багаж до стойки регистрации. Уже много лет, с тех пор, как научился получать удовольствие от горных лыж, я езжу везде только со своим снаряжением.

Петер, с которым я познакомился лет десять назад, еще зеленым новичком, всегда смеется над моим багажом, но и сам катается только на собственных лыжах, той же фирмы, что и мои.

Я отключил и отдал Игорю свой телефон, он передаст его Марии Ивановне: это наша традиция, я всегда, уезжая, оставляю ему телефон в аэропорту, как бы прощаясь с суетной московской жизнью.

Впереди у меня три недели простой и приятной жизни в маленьком тирольском городке. Несмотря на обилие туристов, как-то никто друг другу не мешает. Великолепные виды, удобные подъемники, спуски разного уровня сложности, конечно, привлекают массу народа, и по вечерам здесь шумновато. Зато все это искупается гостеприимством местных жителей, неистребимым национальным колоритом, богатством и щедростью природы здешних мест. Я нигде в мире не видел таких замечательно тугих и пушистых елок, как в долине Циллерталь.

В последние дни в Москве мне стало душно, и я с удовольствием вспомнил свежий воздух долины, завораживающие горные пейзажи, поросшие елями склоны и остроконечные вершины, сплошь укутанные снежным покрывалом...

Я заметил, что за нашими с Игорем манипуляциями с интересом наблюдает молодая женщина с гладкими светлыми волосами. Перехватив мой взгляд, она улыбнулась:

— Павел Андреевич?

Черт, я и забыл про то, что еду не один! Не знаю, кому и что я хотел доказать, только переводчица мне там нужна, как рыбе зонтик. Десять лет, по меньшей мере, мне удавалось обходиться там собственными силами.

Я с интересом оглядел ее стройную фигуру и лицо: очень даже ничего! В последний момент, доверив выбор девушки Ирине, я, честно сказать, испугался, что получу в спутницы девятнадцатилетнюю Барби, поклонницу Димы Билана. Но нет, Ирина подошла к моей просьбе творчески: девушке было лет двадцать семь, умненькое лицо, широко расставленные серые глаза, минимум косметики. Впрочем, счет за ее услуги, который я получил накануне, тоже впечатлял. Я мрачно подумал, что, судя по сумме, эта молодая женщина должна уметь что-то необыкновенное.

Я спохватился, что пауза подозрительно затянулась, поздоровался с ней.

— Вы — Нина?

Она кивнула.

— Бывали раньше в Тирольских Альпах?

Она улыбнулась.

— Ирина Анатольевна позвонила мне в последний момент, и я даже не имела возможности узнать, какая программа нам предстоит. Я хорошо знаю местный диалект, даже недавно была там, — она запнулась на миг, — на стажировке. Думаю, я смогу быть вам полезной.

Я неопределенно выразился:

— Там увидим.

Вещей у нее было совсем немного, так что доплачивать за мой багаж не пришлось.

Мы летели самолетом компании «Австрийские авиалинии», в салоне бизнес-класса было просторно и удобно.

Нина заметила:

— Я редко летаю бизнес-классом, обычно — или эконом, или молодежный, почти в два раза дешевле, а сервис одинаковый: лететь-то всего ничего.

Я кивнул:

— Европа вообще хороша тем, что все близко.

На этом общие темы были исчерпаны и светская беседа прекращена.

Я заметил, что даже молчит Нина как-то так, что я не испытываю чувства неловкости и не пытаюсь развлекать ее разговорами. Это, наверное, и есть высший пилотаж.

Еще в начале января я забронировал места в отеле «Элизабет». Обычно я останавливался в мезонет-свите «Флорентина», там есть камин и вообще очень мило, но в этот раз попросил оставить за мной «Резиденц» — в числе прочего там были две спальни, паровая баня, джакузи и, самое главное, большая терраса.

Собственно, терраса и решила все дело. Когда я заказывал номер, мне представлялось, что по утрам мы будем сидеть с чашечкой кофе на залитой солнцем открытой площадке, глядя на величественную панораму высокогорных пиков. Мне представлялось, что Геле, раньше этого не видевшей, все ужасно понравится.

Я сердито заворочался в кресле. Непрошенные воспоминания готовы были завести меня дальше, чем я планировал. Нина глянула на меня:

— Уже Вена.

В Вене мы пробыли до девяти часов вечера, а уже в десять были в аэропорту Инсбрука. За нами прислали машину из отеля (это такой дополнительный сервис для заказывающих номера повышенной комфортности), и уже через час в холле нас встретил управляющий.

Мы немного были знакомы, даже пару раз посещали вместе с ним и Петером ресторанчик, принадлежавший сестре Петера, и в его улыбке я увидел не просто вежливость.

Учитывая позднее время, нас проводили в номер.

Отель «Элизабет» выделяется роскошью даже и среди местных гостиниц, а уж «Резиденц», честно скажу, впечатлял.

Нина повела глазами вокруг, но промолчала. Она уселась в кресло, молча ожидая, когда нам принесут вещи.

Наконец, мы остались одни.

Я подошел к окну, сдвинул портьеру и отпер дверь на террасу. Вышел, глотнул морозного воздуха. Постоял, облокотившись на перила. Чуть-чуть полегчало, и я подумал, что правильно я сюда уехал. Очень уважаю Хемингуэя, но думаю, что он погорячился: всегда, всегда возвращайтесь туда, где вам было хорошо! Он, впрочем, сам так и поступал, даже больше, он и не уезжал оттуда.

Я вспомнил о Нине, шагнул в комнату.

Она сидела в той же позе, в какой я оставил ее.

Я виновато пробурчал, показывая на двери спален:

— Выбирай, какая нравится.

Она недоуменно подняла на меня глаза, поднялась, помедлила и открыла левую дверь:
— Мне все равно.

Я занес ее чемодан, потом забрал свои сумки, лыжное снаряжение пристроил в специально оборудованный для этого шкаф, распаковал чемодан.

В дверях появилась Нина:

— Помочь?

— Нет, если хочешь, ложись. Ты не голодна?

Она покачала головой, предложила:

— Может, сделать бутерброды, кофе? Здесь все есть, а бар так и вовсе на все вкусы.

Я с интересом посмотрел на нее.

— Давай.

Она открыла баночку паштета, намазала тоненькие тосты.

Я открутил крышку и налил янтарную жидкость на дно тяжелого хрустального стакана. Нина нажала кнопочку в дверце холодильника, и льдинки с веселым грохотом насыпались в емкость.

Она сняла свою короткую шубку, и я с удовольствием убедился, что фигура у нее красивая.

Мы вышли на террасу, я взял с собой бутылку. Устроившись с удобствами, мы выпили за знакомство, решили перейти на ты. У Нины это легко получилось, и я вспомнил, как долго Геля не могла привыкнуть называть меня просто по имени...

Я понял, что опять надолго замолчал, повернулся к Нине.

Ее лицо освещалась всполохами рекламных огней увеселительных заведений, которых здесь было такое множество. Она посмотрела мне в лицо, медленно проговорила:

— Павел, я догадываюсь, что в твоей жизни что-то произошло. Этот номер... Ты планировал совсем другую поездку? Ирина Анатольевна сказала, что ты — ее давний и очень хороший знакомый, она была дружна когда-то с твоей сестрой, сказала, что у тебя, кажется, неприятности. И она просила, чтобы я постаралась помочь тебе. Я хотела бы, чтобы ты знал — это не всегда входит в мои обязанности, но ты мне, почему-то, нравишься. В общем, я — взрослая девочка, и, если тебе этого захочется, мы можем ночевать в одной спальне.

— Спасибо, я буду иметь это в виду, и, возможно, воспользуюсь твоим хорошим ко мне расположением.

Я остался на террасе, а Нина вскоре ушла к себе.

Завтракали, несмотря на общую роскошь отеля, здесь весьма демократично: внизу был буфет с замечательной австрийской яичной кухней. Мы уже выпили кофе, Нина выбирала свежие газеты, когда в холл отеля ввалился Петер.

Мы обнялись. Я представил ему подошедшую Нину, и мы поднялись в номер.

С удовольствием рассматривая девушку, Петер громко объявил:

— Когда неделю назад Павел мне позвонил, и предупредил, что приедет не один, я так и понял — это будет что-то необыкновенное!

Я в это время переодевался в своей спальне, и предоставил Нине выкручиваться самой.

Она расхохоталась:

— Петер, по-русски так нельзя говорить о человеке!

Он озадачился:

— Что не так?

— Лучше просто сказать, что вы думали, это будет необыкновенная девушка.

Пока они занимались языковой практикой, я переоделся и вышел к ним.

— Петер, оставь девушку в покое. — Я повернулся к Нине: — Ну, если ты не передумала, то мы тебя оставляем. Учти, что пробудешь одна почти до вечера.

Нина улыбнулась:

— Я взяла с собой работу, нужно сделать перевод статьи.

— Внизу есть комната, там установлены компьютеры, модемы, все, что может понадобиться для работы. Вот тебе карточка, с ней ты везде пройдешь. Если хочешь, сходи в бассейн, днем там не слишком многолюдно.

Она кивнула:

— Павел, ты так заботишься обо мне, что мне неловко...

Петер чуть удивленно поднял брови, я понял, что у него назрели вопросы, и предпочел утащить его.

Чем хорош именно этот отель — рядом расположен подъемник на Пенкен, и уже через несколько минут мы с Петером могли обозревать с высоты столь дорогие моему сердцу склоны.

Я повернулся к приятелю:

— Петер, извини, я не успел тебе сказать. Это не та девушка, с которой я собирался приехать.

Он с досадой сказал:

— Понял, не дурак. Мог бы предупредить раньше, чтобы я не обижал девушку.

Я покосился на него:

— Она необидчивая.

Петер помялся, но спросил:

— А где ты ее взял?

Я нехотя ответил:

— Она — переводчица из агентства.

Петер поднял брови:

— С каких пор тебе понадобилась переводчица?! Мне всегда казалось, что ты и сам прекрасно управляешься.

Я молчал, и Петер вздохнул:

— Можешь не отвечать. И так вижу, что ты темнишь.

Мы с Петером проводили вместе все время, свободное от его дежурств. Он уже много лет руководит местной службой спасения, его все уважают и любят. Вообще, здесь, в горах, я начинаю ценить прелесть жизни в маленьком городке. Здесь каждый человек индивидуален, каждого, даже ребенка, знают в лицо.

Вчера наблюдал интересную сценку в местной аптеке: маленький мальчик, лет восьми, наверное, пришел за какими-то каплями, бабушка его отправила. По дороге, естественно, название вылетело у него из головы. Строгая провизорша не поленилась набрать номер его бабушки, чтобы узнать, какие ей нужны капли. Невозможно даже и представить подобную сцену в московской аптеке!

Гулять по улицам с Петером и вовсе затруднительно, с ним постоянно здороваются,

похлопывают по плечу, окликают, зазывают на кружку замечательного местного пива. Впрочем, его это совсем не раздражает. Такой уж он человек.

У него забавная внешность: коренастый, широкоплечий, рыжеволосый, докрасна загорелое лицо, огромные ручки, поросшие рыжими же волосами. При такой колоритной внешности он, тем не менее, неизменно пользуется успехом у женщин. Петер до сих пор не женат, уж не знаю, по какой причине. Он нежно любит свою сестру и племянницу, и я просто поражаюсь, как это его до сих пор никто не окольцевал.

Возвращаясь, всегда застаем в номере Нину.

Она часами просиживает с ноутбуком, и на гладкой коже ее носа я всегда вижу две отметинки, она сидит перед экраном в специальных очках. Половину ее багажа, оказывается, занимали словари.

Впрочем, когда мы приходим, она с радостью оставляет работу, и мы тащим ее обедать, потом гуляем по заснеженным улочкам уютного тирольского городка.

Петер расхвастался, какой красивый у них городок, а Нина только голову склонила:

— Он, как на картинке, слишком красивый. Мне кажется, за стенами домов здесь и жизнь такая же картинная. Ну, не настоящая, что ли, — вырвалось у нее.

Петер замолчал, а потом пригласил нас в гости к сестре:

— Давно пора, а то она уж и обижаться начала! Заодно и с Мартой-младшей встретиться, ее отпустили домой на неделю.

— Вот завтра сменишься с дежурства, и сходим, заодно накормим Нину настоящими тирольскими колбасками!

Нина засмеялась:

— Я и так чувствую, что джинсы мне стали тесны! Такой работы у меня за всю жизнь не было! Сплю, ем, плаваю в бассейне, когда захочу — к моим услугам джакузи, а не хочешь — паровая сауна, не жизнь, а мечта!

Вечера мы обычно проводим в баре отеля, а потом провожаем Петера и расходимся по своим спальням. Впрочем, я часто слышу, что Нина не спит.

Вчера мне тоже не спалось, и я заглянул к ней.

— Не хочешь выпить?

Она сидела над ноутбуком, задумчиво покусывая безупречными зубами карандаш.

Нина подняла на меня взгляд, сняла очки.

— Не спится? — ответила вопросом на вопрос.

Она отодвинула ноутбук, поднялась из-за стола и подошла ко мне. Присела передо мной, прохладными руками коснулась лица. Потом поднялась, выключила свет и вынула из рук стакан с виски. Наклонившись надо мной, коснулась губ. Не дождавшись ответного движения, вздохнула и поднялась, но не отошла.

Я взял ее руки и повернул к себе раскрытыми ладонями...

Проснулся я в своей комнате.

Нина не разрешила мне остаться у нее.

— Нельзя мне, понимаешь? Я и так позволила себе гораздо больше, чем обычно. Это — моя работа, я — профессионал, и не имею никакого права увлекаться тобой.

Я не настаивал, поднялся, захватив одежду, ушел в свою спальню.

Сегодня Петер дежурил, и мне предстояло развлекаться самому. Неожиданно Нина

выразила желание сопровождать меня. Я недоуменно поднял брови, но промолчал.

Мы позавтракали в молчании, потом спустились вниз.

Нина попросила:

— Давай покатаемся на автобусе?

И мы, как добропорядочные туристы, проехали по всей долине, покатались на санях, посмотрели поближе на ледник Хинтертукс. Неожиданно я почувствовал, что получаю удовольствие от нашей поездки.

Нина улыбалась. Она попросила меня сфотографировать ее на фоне гор, потом рядом с подъемником, потом мы вместе снялись на санях и рядом с одетым в национальный костюм парнем, который правил лошадьми.

Мы купили пакет сувениров, которые здесь покупают все туристы.

Усталые, но довольные и веселые, вернулись в отель.

Я устроился на террасе, освещенной еще не зашедшим солнцем, с сигаретой и виски, а Нина уселась за компьютер.

Примерно через час она появилась на террасе, держа в руках две чашечки кофе.

Присела рядом, задумчиво помолчала, а потом спросила меня:

— Павел, что у тебя произошло там, дома? Вижу, как ты мучаешься. Ясно, что я случайно попала на последний акт драмы. Все присматриваюсь к тебе и вижу, что ты — молодой, вполне состоявшийся мужик приятной внешности, не жадный, легкий в общении, добрый и с чувством юмора. Вчера я убедилась, что ты — великолепный любовник. Что, молодые женщины перестали ценить эти качества? Вроде, нет. Тогда в чем дело? Ну, хочешь, я попробую угадать? Она, та девушка, с которой ты собирался приехать сюда, она увлеклась кем-то другим, или тебе показалось, что она увлеклась? Надеюсь, что это не было капризом молодой и красивой, избалованной вниманием мужчин стервы?

Я глотнул и поставил стакан с остатками льда на столик.

— Все гораздо хуже. Она совсем не стерва, а замечательная девушка. Так вышло, что она любит, по настоящему любит человека, который почти в два раза старше ее, вдобавок еще и женат. Брак его очень прочен, завязан в том числе и на имущественных интересах. Я хорошо его знаю, мы с ним уже много лет в одном бизнесе. Не думаю, что она с ним сейчас счастлива, а уж про будущее... Однако, вопрос этот закрыт и пересмотру не подлежит. Хватит смешить народ.

Нина вздохнула:

— Значит, ты решил выпустить голубку?

— Какую голубку?

— Ну, это такая история-сказка из средних веков. Голубка была веселой и нежной, она томилась в клетке, и человек поддался на ее уговоры и выпустил ее, зная, что ей угрожают опасности и беды, когда он перестанет оберегать ее. И действительно, через некоторое время голубка вернулась к нему, крылья ее были обломаны, и сама летать она уже не могла. Человек обрадовался, вылечил ее, но голубка уже не могла быть такой, как прежде. Больше человек и голубка никогда не были счастливы, как раньше.

Я мрачно нахмурился:

— И о чем твоя поучительная история? Мне следовало запереть ее на замок?

Нина помолчала.

— Знаешь, современные мужчины не любят говорить о любви вслух. Почему-то я

думаю, что ты ей предоставил право самой догадываться о своих чувствах. И еще: рыцарские времена прошли безвозвратно, но люди-то остались прежними. Ты должен был бороться за нее, говорить ей о своей любви, совершать подвиги в ее честь. Ладно подвиги, но хотя бы поступки! Ты должен был схватить и увезти ее на необитаемый остров, держать ее руки, целовать ладони!

От ее слов в моей голове что-то сместилось, и я почти злобно сказал:

— Я и сделал все это! Увез ее на новый год на свою дачу, а там... Ненадолго хватило моего благородства, а когда я узнал, как она дышит во сне, как у нас все может быть... Мне тридцать шесть лет, я каких только баб не видел, а такого со мной никогда не было. Я думал, что так будет теперь всегда, я даже не мог с ней находиться в одной спальне, понимаешь?! А она пришла ко мне на озеро, в дурацкой куртке и унтах, молчала и неумело затягивалась сигаретой. Это как?! И я понял, что я — дурак, что произошедшее между нами ночью ничего для нее не решает, что она, может, уже жалеет обо всем...

Она подняла голову:

— Ты, наверное, ждешь от меня слов сочувствия? Не буду я тебя жалеть. Ты, Павел, даже не знаешь, какой ты счастливый! И поверь мне, все у вас будет хорошо.

И было в ее словах столько убежденности, что я поверил ей. Вот и не хотел, а поверил!

В комнате затрезвонил телефон, Нина принесла мне трубку.

Хмурым голосом Петер спросил:

— Ну, вы готовы?

Я удивился:

— Ты чего не поднялся?

После секундной паузы Петер уже повеселевшим голосом спросил:

— А я не помешаю?

Я искоса глянул на Нину: вон у нас, оказывается, как обстоят дела, и сердито спросил:

— С каких это пор ты у нас такой деликатный стал?

Он посопел в трубку, потом засмеялся:

— Иду.

Марта-большая, сестра Петера, и Марта-маленькая, его племянница, готовились к нашему приему по большому счету. Марта не стала усаживать нас в общем зале, а устроила в каминной.

Она с удовольствием расцеловала меня при встрече, и я передал им подарки, заблаговременно приобретенные в Москве.

Обед, как это обычно бывает у Марты, был роскошным: вареная говядина по-старовенски, деликатес из сердца и легких, рубец, пирожки с разными начинками, чесночные гренки.

Я заметил, что Петер поглядывает на раскрасневшуюся Нину, и его взгляды не остались незамеченными Мартой.

Зато сама Нина весело переговаривается с Мартой-младшей, и я заметил в ней что-то новое и неожиданно мягкое.

Племяннице Петера восемь лет, он и мать ее обожают. С рождения девочка страдает астмой. Практически все время она проводит в санаториях и больницах, но терпеливо и мужественно все сносит. Я знаю, что Петер помогает сестре, потому что лечение обходится

очень дорого.

Нина достала из сумки фотографии своего сына, и рассказывает о его проделках. Марта смеется, и я с удовольствием вслушиваюсь в серебряные колокольчики ее смеха.

Вскоре в зале зазвучала веселая музыка. Исполнители были в красочных национальных костюмах, и я сделал несколько снимков на память.

Потом мы вернулись к камину, нам на десерт принесли штрудель. Марта с гордостью объявила, что делали его они с дочерью, и мы захлопали.

Уже поздно ночью мы распрощались с гостеприимными хозяйками, и Петер проводил нас в отель.

Если учесть, что национальный напиток здесь имеет крепость чуть ли не 80 градусов, такая прогулка прилась мне весьма кстати.

Мы поднялись в номер.

Нина прошла к себе, но дверь не закрыла.

Я почувствовал, что сегодняшнее веселье завтра отзовется головной болью, и с тоской подумал: хорошо бы вообще не ложиться спать.

Я громко спросил Нину:

— Это для сына ты делаешь фотографии? Сколько ему лет? Ты почему-то не рассказывала о нем раньше.

Нина появилась в дверях:

— Да так, раньше просто к слову не пришлось.

— Я рад, что ты развеселила малышку. Поверь, у нее очень тяжелая жизнь. Девочка очень любит дом, и мать с дядей. Но дома бывает, в лучшем случае, пару месяцев в году.

На ее вопросительный взгляд я ответил:

— Астма. Она живет на ингаляторах.

Она кивнула:

— Я обратила внимание, что Марта тяжело дышит.

— Болезнь сделала ее дисциплинированной, каждый час ее жизни расписан. Только так она вообще может жить. Петер очень любит ее.

Нина улыбнулась:

— Я заметила.

— Он помогает Марте, и материально тоже.

Нина вздохнула:

— Мне тоже помогают мама и сестра с мужем. Я стараюсь никому об этом не рассказывать, но два года назад Антон, мой здоровый и веселый мальчик, заболел, ему становилось все хуже, и врачи вынесли ему приговор: тромбоцитопеническая пурпура. Я приехала домой, прочитала об этой болезни в медицинской энциклопедии, и у меня заложило уши. Знаешь, как в самолете?

Почему-то название болезни в моей голове ассоциировалось с какими-то французскими королями, но переспрашивать у Нины я не решился. Было что-то в ее голосе, отчего я не стал этого делать.

Она пояснила сама:

— Его организм не вырабатывает тромбоциты. Началась анемия, мы стали постоянными пациентами клиники и Тошкино лечение стоит безумных денег. Кроме того, нужна пересадка костного мозга, лучше всего было бы взять клетки у брата или сестры, но

увы... А донора удалось найти только в иностранном банке. Ирина в курсе моих проблем, она помогает мне с клиентами, и подруги подбрасывают переводы.

Нина вздохнула:

— Твоя ссора с подругой мне очень помогла, теперь нам хватит денег, чтобы поддержать его организм и дожидаться операции.

Несмотря на количество выпитого, я долго не мог уснуть.

Проснулся поздно, Нины в номере не оказалось, и я решил, что она пошла в бассейн.

К завтраку я спустился один, страшно трещала голова после вчерашнего.

По понятной причине есть не хотелось совершенно, и я с отвращением смотрел, как мои соседи, компания жизнерадостных молодых немцев, поглощают подносы еды.

Я уже допивал свой кофе, когда в комнату вошла Нина с розовыми от ходьбы щеками. Наверное, просто выходила прогуляться, с завистью подумал я.

Она подошла, расстегнула куртку, уселась и вытянула пушистый шарф. Сразу вокруг распространился холодновато-терпкий запах ее духов. То ли от выпитого кофе, то ли от этого запаха, но в голове моей слегка прояснилось, и я поднял на нее глаза.

Она спросила:

— Как полное имя твоей Гели — Ангелина? — Мне удалось поставить кружку на стол, не расплескав ее. — Наверное, она в самом деле очень хороший человек. Сегодня ночью Ирина разыскала меня, просила разрешения дать мой номер двум сумасшедшим девицам. Это подруги Гели. Павел, там, в Москве, что-то произошло. Она не то пропала, не то нашла.

— Хорошо, я сейчас же позвоню в Москву, — встревожился я. Ясно, что такую бурную деятельность ни Лена, ни Алена, а я не сомневался, что это они, без веской причины развивать не будут. — Черт, я не взял с собой телефон!

— Возьми мой.

Я благодарно кивнул, нашел последний вызов. Ответил мне Антон:

— Павел, творится что-то неладное. Геля куда-то исчезла, потом позвонила с чужого номера, дома ее нет. На столе в вашем кабинете ее заявление об увольнении.

— Я вылечу при первой же возможности.

— Извини, что прервали твой отдых. Я сначала был против того, чтобы звонить тебе. Вы оба — взрослые люди и сами должны во всем разобраться, но, честно сказать, вижу, неладно все вырисовывается. Ты не замечал, что Гелька в последнее время сама не своя ходит? Ленка уверяет, что ее в секту какую-то заманили.

Я разозлился:

— Какого черта не нашли меня раньше?

Антон вздохнул:

— Я, если честно, думал, что ты все-таки уговорил ее уехать с тобой...

— О, господи! Можно ли что-нибудь скрыть от народа?

Антон сердито сказал:

— Можно, но для этого надо хотя бы приложить определенные усилия. А ты пялился на нее совершенно определенным образом, извини за откровенность.

Я рявкнул в трубку:

— Так, все, до встречи. Приеду, отзвонюсь.

Я вернул трубку Нине.

— Ты улетишь со мной или останешься?

Она подняла на меня глаза:

— Если можно, я хотела бы остаться здесь до конца недели.

— Конечно, номер я уже оплатил, обратный билет тоже. Улетишь, когда надоест отдыхать. — Я посмотрел на часы. — Извини, но мне нужно еще узнать, когда ближайший рейс, и собрать вещи.

Она улыбнулась:

— Я все узнала. Тебе повезло, всего раз в неделю, по воскресеньям, есть прямой рейс из Инсбрука на Москву, компания «Сибирь». Ты через четыре часа будешь в Москве. Иди, уложи вещи: у тебя есть два часа на то, чтобы собрать сумку и добраться до аэропорта. Не опоздай на регистрацию! Машину я уже вызвала. Да, основной багаж не пакуй, я сама его заберу, а Петер мне поможет правильно уложиться. А уж в Москве ты меня встретишь, договорились?

Я поднял на нее глаза:

— Спасибо тебе. Не знаю, куда смотрят мужики, но ты — замечательная девушка, и я желаю тебе счастья. Вернешься, обязательно позвони мне: я дам денег на операцию. — Лицо ее побледнело, а глаза стали огромными и прозрачными, я понял, что сейчас они прольются слезами, а мне этого было нельзя. — Только не плачь, а то я не смогу уйти и опоздаю на самый важный в своей жизни рейс. Все, я пошел!

Я выскочил на крыльцо, на пороге столкнувшись с цветочницей, забрал у нее все цветы, вернулся к Нине и вручил их, расцеловав ее.

Она засмеялась:

— Ты меня разбаловал. Чувствую себя царицей. За то, чтобы провести со мной одну ночь, мне никогда еще столько не платили.

— Ты и есть царица, а они все были просто кретинами, — на ходу бросил я. — И не придумывай, вовсе не плачу я тебе за ночь! Да, еще одно: не в моих правилах давать советы, но ты уж присмотрись к Петеру, пожалуйста. Он этого заслуживает.

Она вытерла глаза:

— Иди, Паша, а то я разревусь, как дура. На нас и так уже все смотрят. И, если можно, я не приду с тобой прощаться.

Наш борт сел строго по расписанию. Сумку я брал с собой в салон, поэтому мне не пришлось ждать багажа.

Я поднялся в квартиру, бросил вещи в холле. Прямо в ботинках прошел в спальню, подключил телефон.

Машинально вызвал знакомый номер, но телефон Гели был отключен.

Набрал номер Антона. Даже не поздоровавшись, он хмуро сказал:

— Ты дома? Жди, мы через полчаса будем.

Я начал, было, объяснять, как лучше проехать, но Антон прервал меня:

— Я знаю, где ты живешь. Подвозил как-то Гелю, когда ты болел.

Я переоделся, сунул багаж, не разбирая, в стенной шкаф. Входную дверь я оставил приоткрытой, позвонил вниз и попросил пропустить ко мне гостей.

— ...А почему вы стали искать меня только на пятый день, как она пропала?

Алена виновато переглянулась с Антоном:

— Это я подумала, что она перестала валять дурака и улетела с тобой в Австрию, — грустно сказала она.

Лена подтвердила:

— Ирина Тимофеевна рвала и метала, говорила, что такие безответственные поступки вовсе не в Гелином стиле, на нее это непохоже — улететь без заявления, никого не предупредив. Телефон у Гельки все эти дни был выключен. А вчера днем она вдруг объявилась. Я чуть с кресла не свалилась, спрашиваю ее: «Ты где, в Австрии?» А она удивилась так, говорит, нет, в какой еще Австрии? Потом помолчала и попросила меня забрать на столе в твоём кабинете заявление. Отдай, говорит, Ирине Тимофеевне. Я стала орать, но она вздохнула так спокойно: «Ленка, не кричи так. Я не звонила, потому что телефон потеряла, ты мне продиктуй Аленкин номер и свой тоже, я вам сама позвоню. И не беспокойтесь, у меня все наладилось. Целую!» — Она покосилась на подругу и горестно вздохнула: — Алена меня чуть не убила, что я у нее никакие подробности не вытянула. И мы начали розыски.

Алена покивала:

— Вообще история странная. Ленка подозревает, что Гельку какая-то секта заманила, мол, она в последнее время сама не своя была, все время о чем-то задумывалась. А помнишь, мы сидели в кафешке, пили кофе, и она вдруг решила, что за ней следит какой-то парень? Правда, все вроде, обошлось: она потом рассказала, что видела его в соседнем подъезде. Просто случайное совпадение.

Я насторожился:

— Что за парень?

Лена переглянулась с Аленой, и сказала:

— Знаешь, невзрачный такой. Куртка нараспашку, джинсы. Волосы средние, не темные и не светлые, лет тридцати. Да, руки у него не то в шрамах, не то это следы ожогов: какие-то рубцы точно есть. Он перчатку снял, когда расплачивался, и я заметила.

— Молодец, ты, Ленка! — восхитилась Алена. — Я, если честно, и этого не запомнила. Действительно, общее впечатление невзрачности. Я завтра если с ним столкнусь, так и не узнаю. И как Гелька на него внимание обратила?

Антон спросил:

— Она тогда так и сказала, что этот парень за ней следит?

— Нет, наоборот, она выразилась в том смысле, что дважды за сегодняшний день встречает его, около дома и здесь. Да может, это и не значит ничего! Объявится Геля, и все сама нам объяснит!

Лена покосилась на подругу и сердито сказала:

— Что объяснит?! А заявление об увольнении, это как? Осмоловский как его в папке увидел, даже в лице переменился, но подписал молча. Я думаю, что он знает, где она.

Антон сказал задумчиво:

— А знаешь, какая-то мысль в идее с сектой есть. Мы проехали в тот дом, где она жила, но охрана сказала, что квартира пустует, уже неделю туда никто не приходил. Тогда мы проехали в ее старую квартиру. Там вообще все непонятно. Дверь закрыта, соседка из квартиры напротив уверяет, что с нового года там никто не живет. А Гелю, вообще, только осенью видели. Правда, сын соседки сказал, что на днях там какие-то ребята появились, музыка громкая была слышна. Но на другой день их уже не было. А вчера этот парень видел у дверей квартиры мужика с портфелем, говорит, похоже, что квартира продается. И в самом

деле, Геля там уже давно не живет, ее сестра вообще в Америку укатила, а соседка старая, наверное, ее родственники к себе забрали. В общем, где искать Гельку, совершенно не ясно.

Алена подняла на меня глаза:

— Ты извини, что пришлось тебя вытащить. Я знаю, что Геля тебе совсем небезразлична.

Я потер лицо ладонями, спросил:

— Как вы меня все-таки нашли?

— Я же заказывала срочную визу, и получила факс с паспортными данными девушки, которая должна была лететь с тобой. Ну, а дальше — дело техники. Мы вышли на руководительницу, поднажали на нее, и она дала таки нам телефон этой девицы.

Алена подняла голову:

— А где она, кстати?

Я мотнул головой:

— Она осталась в Австрии. — Я засмеялся. — Нина сказала, что ей звонили две сумасшедшие. Это она о вас, подруги.

Алена смущенно улыбнулась:

— Понимаешь, мы должны были убедить ее, что для тебя это важно!

Я кивнул:

— Вы ее убедили.

Я поднялся, подошел к окну и сказал:

— Мало того, вы убедили в этом и меня. — Я помолчал, потом повернулся к ним и с трудом начал: — А если... Если они с Виктором просто решили, что ей не стоит работать в одной с ним конторе? Мужчина он состоятельный, вполне может себе позволить...

Антон сказал:

— Зачем тогда бросать обжитую квартиру? Почему не подписать заявление по тихому? Зачем скрываться от подруг? Почему все так внезапно?

Алена кивнула:

— Мы расстались вечером, уже после работы, и она ничего мне не говорила. А вот через пару часов Геля мне звонила, несколько раз, но мы с Антоном ходили в театр, и оба отключали телефон. Домой вернулись поздно, я увидела ее звонок, но решила не беспокоить, а утром я уже не смогла дозвониться.

Лена покрутила головой:

— Вы просто не слышали ее голос. Вы же ее знаете, она чувств своих совсем скрывать не умеет. Мне даже показалось, что она больна или чем-то сильно расстроена. Не очень это вяжется со счастливыми переменами в жизни.

Мне показалось, что Алена хотела что-то сказать, но передумала.

Я глянул на часы и вынул трубку.

Виктор ответил почти сразу:

— Павел, ты где?

— Дома, в Москве. — Что-то в его голосе насторожило меня, и я спросил: — Что-то случилось?

— Случилось. Влада в больнице, в реанимации. Ты же знаешь, эта ее проклятая аллергия!

— Что, сильный приступ?

— Сильный. Она до сих пор не пришла в себя. Меня не было дома, домработницу она отпустила к сестре, та вернулась за забытым абонементом, и нашла ее уже без сознания. Она — женщина толковая, вызвала скорую, дозвонилась мне. В общем, я приехал сюда почти одновременно с Владой. Что могло спровоцировать такой сильный приступ? Она мне звонила незадолго до этого, была спокойна, даже весела. Собиралась почитать какую-то статью в журнале. Я обещал вернуться пораньше, и она хотела поужинать со мной. Ирина Васильевна нашла ее в гостиной, в руке у Влады был зажат ингалятор, но она им воспользоваться, видно, не успела. Послушай, я не могу дозвониться Илье. Дома его нет, и телефон не отвечает.

Я предложил:

— Давай я приеду?

Виктор потерянно сказал:

— Знаешь, было бы здорово. А то я тут уже с ума схожу.

Ребята и так все поняли, объяснять ничего не пришлось. Они поднялись, и мы договорились, что завтра в конторе переговорим. Впрочем, все согласились, что расспрашивать Виктора сейчас не стоит.

По дороге я дважды звонил Илье, но безуспешно.

Около входа в больницу меня встретил Виктор.

На мой вопросительный взгляд он ответил:

— Зря я тебя дернул. Влада пришла в себя. Врач отправил меня домой, сказал, что опасность миновала. Меня не пустили в палату, но я видел ее через стекло. — Он закурил и с горечью сказал: — Когда-нибудь я не успею, или никого не окажется рядом... Ты же знаешь, ее мать умерла именно так: она очередной раз приревновала мужа, дома никого не было, у нее началось удушье, и, когда ее обнаружили, было слишком поздно.

— Илья рассказывал, что их мать всегда страдала подобными приступами, но у Влады раньше этого не было. Мы ведь жили недалеко и росли вместе, она была обыкновенной девчонкой, ну, может, чуть более плаксивой, чем другие. Помню, она получила тройку за сочинение, так рыдала полдня. Мы уж и дразнили ее, и успокаивать пробовали, ничего не помогало. Мой отец нам с Ильей тогда надрал уши, а мама кое-как ее успокоила.

Виктор затаился и сказал:

— В последнее время все стало гораздо хуже. Влада всегда была ревнивой, а теперь к этому добавился кризис среднего возраста. Ей кажется, что молодость уходит, она бесконечно бегает по каким-то омолаживающим процедурам, лечится у шарлатанов. Недавно хотела сделать инъекции стволовыми клетками, я еле отговорил ее. Мало того, что никто не знает толком механизма их действия, это может вызвать у нее аллергию! И вообще, гадость какая! — Он передернул плечами. — Мне уже на работе стыдно всем в глаза смотреть. Влада требует, чтобы я сопровождал ее во всех поездках, выражал романтические чувства. Вот поверь, я любил бы ее гораздо больше, не требуй она от меня всех этих вывертов и реверансов, будь она проще, человечней.

Мы уселись в мою машину, Виктор своего водителя отпустил.

В машине он заговорил, продолжая начатую тему:

— Я всегда завидовал отношениям в вашей семье. Твой отец очень любил жену, от этого и вы с Аллой были веселыми, любящими, дружными. И я обратил внимание, как красиво старилась твоя мама: она даже волосы не красила, только седая прядь в ее прическе

становилась шире. Всегда прямая спина, строгое и спокойное лицо.

Я кивнул:

— Она ведь и отца пережила ненадолго. Мне кажется, она тогда потеряла интерес к жизни. Может быть, если бы у нас с Аллой были дети, они удержали бы ее.

— Думаю, Владе тоже было бы легче, если бы у нас был общий ребенок. Марина никогда не была с ней близка, думаю, что ее мать так и не простила мой уход, и Марину настраивала против Влады.

Я подумал про себя, что Марина сама кого хочешь сумеет настроить, но промолчал.

Когда-то я чуть было не женился на ней, да бог уберег. Виктор хорошо помнил эту давнюю историю, но мы старались о ней не говорить вслух.

Мы подъехали к дому. Виктор спросил:

— Ты не поднимешься?

Я понял, что ему не хочется оставаться одному, и кивнул. Где-то внутри шевельнулась мыслишка, что я смогу узнать что-нибудь о том, где сейчас Геля.

Ирина Васильевна с расстроенным лицом вышла нам навстречу.

Виктор успокоил ее, отправил отдыхать.

На радостях, она предложила нам кофе. Виктор достал бутылку виски, а я, еще слишком хорошо помнивший немецкое гостеприимство, от виски отказался, попросив чашечку кофе покрепче.

Виктор удивился:

— Не поздновато ли для кофе?

Ирина Васильевна заметила:

— Может быть, предложить вам чай с ромом? Сегодня на улице похолодало, и сейчас отметка термометра на нуле. Циклон какой-то!

Виктор удивился:

— Откуда у нас ром? Ни я, ни Влада не пьем подобных напитков.

Ирина Васильевна улыбнулась:

— Ну, как же! Это ведь подарок Павла Андреевича. Как раз сегодня его принес молодой человек. Влады Николаевны не было дома, но я вечером ей все передала, и торт, и бутылку.

Уже начиная что-то соображать, я посмотрел на Виктора.

Тот пожал плечами:

— Не знаю, Влада мне ничего не говорила...

Я повернулся к Ирине Васильевне:

— Можно посмотреть на подарок?

Обеспокоенная выражением наших лиц, женщина торопливо вышла и вернулась с коробкой торта «Захер» и бутылкой австрийского напитка «Яга-те». Я узнал яркую этикетку: в Австрии полки всех магазинов уставлены этим концентратом, в который достаточно добавить кипятка, и получится довольно похожая имитация горячего глинтвейна, который подают во всех местных кафешках, и называют «Охотничьим чаем».

Я хмуро посмотрел на Виктора:

— Ты ведь понимаешь, что я не стал бы передавать Владке подобный напиток. В прошлом году я привез ей старинный ликер, до этого привозил коробку вина местного австрийского сорта, кажется, лоза называется «Грюнер». Мне бы и в голову не пришло дарить ей подобную гремучую смесь рома, шнапса и красного вина!

Ирина Васильевна оскорбилась:

— Почему же гремучую смесь? Мы с Владой Николаевной пили чай, и добавили по ложечке. Ей очень понравилось, говорит, что у нее уже начиналась простуда, а тут сразу все внутри согрелось. Я ей еще мед к чаю принесла, очень от простуды помогает. А Влада Николаевна меня отпустила на вечер, и торт подарила, чтобы я сестру угостила.

— А почему торт здесь? Ах, да...

— Ну, да, я вернулась за абонементом, оставила его в другой сумке, а Влада Николаевна уже лежала, вот тут, прямо на ковре. И конечно, я к сестре уже не поехала.

Она обеспокоилась и спросила Виктора:

— Я что-то сделала не так?

Я успокоил ее:

— Нет, нет, все так! Расскажите, вы тоже пили этот чай?

— Ну, да. Влада Николаевна меня угостила.

— И вы выпили примерно одинаковое количество напитка?

Она кивнула, начиная понимать, куда я веду.

— Если честно, я выпила даже больше, если вы имеете в виду то, что нас пытались отравить. И прекрасно себя чувствую, физически, я имею в виду.

Я вздохнул:

— Ирина Васильевна, никаких подарков я не передавал, поэтому вы нам сейчас опишите подробно вашего сегодняшнего гостя, ну, там, как пришел, что говорил, как выглядел.

Она ответила, не задумываясь:

— Он позвонил снизу, сказал, что водитель Павла Андреевича, привез сувенир Владе Николаевне. Я велела пропустить его наверх. Как выглядел? Обыкновенно. Куртка темная, сам собой невысокий такой, ладный. Шатен, лицо смышленное.

— Он просто передал вам бутылку и торт, и ушел?

— Ну, да. А, он еще попросил разрешения позвонить своему начальнику, а то, говорит, телефон разрядился. Я принесла ему трубку, он позвонил и вскоре ушел. Вот и все.

Я подумал еще:

— Вы оставляли его одного в холле?

Ирина Васильевна укоризненно посмотрела на меня:

— Как воспитанный человек, при телефонном разговоре не присутствовала. Но не было меня всего пару минут. Он к тому времени уже закончил разговор.

Я с надеждой спросил ее:

— А особенного ничего в его внешности не было? Ну, там, шрамы или ожоги, на руках, например?

Она поджала губы:

— Шрамов не видела, а на руках у него перчатки были, он их не снимал. Не все молодые люди хорошо знают правила этикета, это потому, что родители не занимаются их воспитанием.

Виктор, молчавший в течение всей нашей беседы, тяжело вздохнул:

— Извини, я тебе сегодня не помощник. Столько всего навалилось, просто, кажется, все против меня.

Я успокоил его:

— Разберемся. — Попросил домработницу: — Ирина Васильевна, вы уж, пожалуйста

упакуйте мне эту бутылку, и торт я тоже заберу. Договорились?

Она сокрушенно покачала головой:

— Конечно, что же я, детективов не смотрю? Только вот странно, что я-то себя нормально чувствую. Может, мне тоже врачу показаться?

Виктор кивнул.

— Завтра я договорюсь, водитель свозит вас. — Он глянул на меня, я кивнул, и Виктор отпустил ее отдыхать.

Мы остались одни.

Я внимательно осмотрел прихожую, но ничего не обнаружил. Впрочем, искал я так себе.

— Завтра с утра переговорю с Игорем, пусть пришлет спецов.

— Что ты хочешь найти? — мрачно спросил Виктор.

— Сам не знаю. Но для чего-то ему понадобилось остаться в холле в одиночестве? Может, жучок?

Виктор кивнул и саркастически улыбнулся.

— Ага. Я там, в холле, как раз провожу все совещания.

— Ты прав. — Я еще раз вернулся в холл, осмотрел все и уже хотел вернуться в гостиную, но мое внимание привлек низкий столик. На нем обычно лежали какие-то газеты, журналы. Сейчас он был пуст.

Я заглянул в комнату:

— Послушай, Виктор, что за журнал хотела почитать Влада?

Он кивнул на инкрустированный столик:

— Понятия не имею. Она сказала просто: почитаю журнал.

На стопке свежих газет сверху лежал «Космополитен», я взял его в руки и обнаружил под ним Кодаковский конверт.

В конверте были несколько фотографий: Виктор и Геля. Я мельком просмотрел их. Понятно, почему Владе стало плохо. Снимки не были совсем уж откровенными, но никаких сомнений не оставляли.

Виктор подошел ко мне, взял фотографии в руки, просмотрел и неожиданно усмехнулся:

— У меня скоро накопится целый фотоархив!

Он спросил меня:

— Ты хотел отдать бутылку и торт на анализ? Не надо, в них ничего нет. Это был просто предлог, чтобы остаться в холле и подложить пакет. Думаю, я знаю, кто к этому причастен.

Я спокойно спросил его:

— Ты не хочешь рассказать, что произошло?

Он вздохнул:

— Ну, ты, наверное, и сам догадываешься. Она ведь сначала собиралась закрутить с тобой, а потом, извини, решила, что я более перспективен. Тем более, что я имел глупость признаться ей в любви. В общем, немолодому ослу показали морковку на веревочке, и он добросовестно вращал колесо, перемалывая чужое зерно. — Виктор долил виски в стакан, и я заметил, что его руки дрожат. — Хочется верить, что в начале наших отношений она и в самом деле увлеклась мной. Не может ведь такая молоденькая девочка быть такой актрисой!

Но в последние месяцы явно что-то изменилось. Она перестала отчаянно скучать по нашим встречам, легко переносила мои постоянные отлучки. А я ведь в последнее время даже стал задумываться о том, чтобы поговорить с Владой. Если бы не клятва, которую я дал ее отцу, я давно сделал бы это. А после возвращения из Рима на столе в офисе я нашел пачку фотографий. Я провел некоторое расследование, и выяснил, что парень, с которым ее засняли, довольно часто бывал в нашей квартире, они даже ночевали вместе. Представь, ночь накануне годовщины нашей встречи она тоже провела с ним!

Я хмуро посмотрел на него:

— Виктор, ты пытался объясниться с Гелей?

Он горько улыбнулся:

— Она все отрицает. Сначала уверяла, что первый раз его видит, предлагала мне расспросить охрану, а когда узнала, что я уже это сделал, и что они подтвердили, что видели его с ней, замолчала. Если честно, я тогда ушел, чтобы не ударить ее. Конечно, надо было оговорить каким-то образом наш разрыв, я не собирался увольнять ее, мне просто хотелось, чтобы она исчезла из моей жизни. В общем, утром в понедельник я увидел на стоянке ее машину, она оставила в ней шубку, которую я ей недавно подарил и все ключи, от квартиры и от машины. В нашей квартире она не появлялась, и сведений о том, где и с кем она может быть, у меня нет. Думаю, что она умотала к своему бой-френду.

— А эти фотографии, ты знал о том, что они существуют?

— Нет. Наверное, где-то в спальне она установила камеру, потому что те снимки тоже сделаны примерно в этом ракурсе. Знаешь, сейчас многие молодые любовники любят снимать свои игры. А может быть, она хотела шантажировать меня?

— Ага, и для этого подбросила пакет жене. Где же тут шантаж?

Я поднялся, подошел к окну.

Вспомнил, какое лицо у нее было тогда, на мостках, как она неумело пыталась закурить, как молчала потом почти неделю. Нет, я поверю во все: в то, что здесь замешана международная политика и израильская разведка, что это организовали инопланетяне, поверю во вмешательство потусторонних сил, но только не в то, что Геля могла с холодной душой врать мне, врать Виктору, врать всем вокруг!

Я повернулся к Виктору и твердо сказал:

— Ты как хочешь, а бутылку и торт я заберу. Если можно, я хотел бы увидеть фотографии.

Он нахмурился и сказал:

— Как знаешь. Пакет у меня в рабочем сейфе, если есть желание, можешь посмотреть, не возражаю. Я твой друг и хочу, чтобы у тебя выветрились некоторые иллюзии.

— И еще. Посмотри на эти фото и вспомни, как давно они могли быть сделаны?

Он вздохнул, вынул снимки из конверта, внимательно посмотрел.

— Точно не скажу, но все — после новогодних каникул. Я привез ей этот шелковый халатик из Таиланда, ручная вышивка и все такое. Она любила его надевать во время наших свиданий.

Он поднял на меня измученные глаза:

— Паша, я, если честно, еще не отошел от всего этого. Понимаешь, я даже ни с кем не мог поговорить об этом. Не мог пойти туда, в ту квартиру. Попросил начальника охраны отогнать ее машину со стоянки, якобы в ремонт, а потом оставил в паркинге. Машина оформлена на ее имя. Поверь, меньше всего я сожалею о тех подарках, которые делал ей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он посмотрел на пустой стакан в своих руках и мрачно сказал:

— Кажется, я выпил больше, чем обычно и наговорил лишнего. Ты уж извини.

Я кивнул ему:

— Знаешь, я рад, что мы с тобой откровенно поговорили. Завтра с утра езжай в больницу, потом встретимся в конторе. Может, к тому времени будут какие-то новости.

Новости, действительно, были. И какие!

Я едва успел войти в кабинет, как ввалились Лена с Аленой.

— Ну, как?!

— Осмоловский не знает, где Геля.

Лена убежденно сказала:

— Врет. Я же вижу, он сам на себя не похож. А что там с Владой Николаевной?

— Ей лучше.

Я не стал делиться семейными переживаниями Виктора, благоразумно рассудив, что в розысках Гели они нам не помогут.

Алена нахмурилась:

— Черт, где же ее теперь искать?

Наш разговор прервал мой телефон. На дисплее высветилось имя Ильи.

Он, не поздоровавшись, хмуро сказал:

— С приездом. — И, предваряя все мои вопросы, сказал: — Виктор звонил мне. Владке уже лучше. Он не рассказывал тебе, что там у них произошло?

Я подумал, что Виктор может решить, что не стоит посвящать брата жены в подробности произошедшего, и уклончиво ответил:

— Ты же знаешь, в последнее время у нее часто случались обострения.

— Ну, да, — как будто думая о чем-то своем, ответил Илья. — Я там подослал документы на подпись, в пятницу срочно отправляли деньги. Думаю, нам всем нужно серьезно переговорить. Так что я появлюсь у вас.

Илья редко бывал в нашей конторе, даже после того, как унаследовал акции Аллы. Он практически никогда не вмешивался в дела компании, и непонятно было, о чем будет разговор.

Он позвал меня:

— Ау! У меня впечатление, что ты меня не слышишь.

Я рассердился:

— Слышу! Приходи, я буду у себя.

Девушки, пока я разговаривал с Ильей, ушли.

Я вызвал к себе Игоря Баталова, начальника нашей службы охраны. У него от прежней работы в органах остались хорошие связи.

Не посвящая его в подробности, попросил сделать анализ вина и торта на предмет наличия посторонних веществ.

Игорь не удивился, спросил деловито:

— Как срочно нужен результат?

Я вздохнул, и он кивнул:

— Хорошо, тогда я сам проеду.

За время моего отсутствия поднакопилось дел, и я с час просидел с бумагами, не вставая.

Дважды, поднимая голову, взглядом упирался в стол Гели, непривычно пустой.

Потом не выдержал, позвонил Алене:

— Слушай, мне нужен человек в отдел. Ты не хочешь перейти ко мне? С твоим начальником я договорюсь.

Она тихонько ахнула и упавшим голосом спросила:

— Павел, ты думаешь, что Геля не вернется?

— Да нет, просто давно нужно было взять второго экономиста, так что не сомневайся. Если согласна — иди к Ирине Тимофеевне, пусть готовит приказ.

Она вздохнула:

— Только учти, что я тебя домашним печеньем баловать не буду. Кофе сварю, это пожалуйста, а с выпечкой у меня не очень.

Я хмыкнул:

— Придется нам с тобой пока обойтись без выпечки.

Ближе к обеду позвонила Лена.

— Вы просили предупредить, когда Виктор Иосифович будет у себя.

В коридоре столкнулся с Алениным начальником. Он долго и занудливо возмущался, что я переманиваю ценных работников, возвращенных в коллективе под его неусыпным руководством. С кем ему прикажете работать? На что я, когда причитания мне надоели, взял его за пуговицу и сердито сказал:

— Ну, вот что, Сергей Иванович! Еще раз завалишь работу — уволю к чертовой матери, и не посмотрю, кто тебе протекции делает. А с кадрами, действительно, разберись — надоело содержать твоих любовниц и родственников. Я ясно выразился?

Он оторопел, и даже не смог ничего произнести вслух. Я оставил его и ушел дальше по коридору, не оглянувшись.

Из приемной выскочил молодой человек с перекошенным лицом. Я удивился: эк его разобрало. Впрочем, войдя в приемную, понял причину его паники: даже здесь было слышно, как Илья и Виктор орут друг на друга.

Я ободряюще улыбнулся побледневшей Лене и сказал, подмигнув:

— Не пускай никого в приемную, ладно?

Она только кивнула.

Когда я вошел, Виктор швырнул на стол какие-то документы и свирепо рявкнул:

— Павел, да что же это делается?

Я посмотрел на отвернувшегося к окну Илью и спросил:

— Я не понял, у вас тут семейные разборки или действительно произошло что-то серьезное?

— Да уж куда серьезней! — фыркнул Илья. — Я не собираюсь больше работать подобным образом!

Я сухо спросил:

— Могу узнать, чем вызваны ваши совершенно неприличные крики? Вся контора уже поставлена в известность, что в верхних эшелонах власти возникли серьезные трения, и

только я еще ничего не знаю.

Виктор протянул мне документы:

— Понимаешь, я просил Илью подготовить документы на выплату страховых возмещений, для этого нам пришлось отозвать из оборота очень существенные суммы. Сегодня срок погашения обязательств, и вдруг выясняется, что в пятницу деньги со счета перечислены на карточки в разных банках, и сейчас их, естественно, в наличии уже нет. Нас развели, а деньги украли.

Я просмотрел документы и присвистнул:

— Подожди, Виктор. Илья, на какие карточки можно было перевести такие суммы?

— А это ты у него спрашивай. В пятницу он позвонил мне и лично просил срочно перевести эти деньги. Было уже половина третьего, банк с клиентами работает до трех, я подивился такой спешке, но документы подписал.

— Да я говорил уже, что не звонил тебе! Меня и в офисе не было.

— Что, по-твоему, я голос твой не узнаю? — возмутился Илья.

— Хорошо, звонил, не звонил — это одно. А карточка с электронной подписью?

Илья нехорошо усмехнулся:

— Вот и я о том же. Если это мошенничество, то откуда у них твоя карточка?

— Я не знаю. Никаких денег я не отправлял, об этих карточках слышу впервые. И нечего на меня так смотреть, я об этом не имею представления. Пусть специалисты поищут, не зря же мы им деньги платим.

Илья поднялся:

— Ну, вот что, родственник. Я считаю, что нам нужно пересмотреть наши взаимоотношения. Я не позволю делать из меня болвана в чужой игре. В прошлом году я предлагал вполне пристойные схемы работы, так ты говорил, что я втягиваю банк и нас всех в финансовые авантюры, что Козлов отзовет нашу лицензию, что дела нельзя вести подобным образом. Конечно, твой способ ведения дел, может быть, и лучше, только он нам слишком дорого обходится.

Он повернулся ко мне:

— Павел, подумай над тем, что я сказал.

Прихрамывая гораздо больше обычного, он подошел к двери, распахнул ее и вышел в приемную.

Мы с Виктором помолчали. Он достал сигареты и сказал беспомощно:

— Ну, и что ты думаешь обо всем этом?

Я пожал плечами.

Виктор достал из шкафа виски, налил в два стакана. Я удивился: раньше он никогда не пил днем.

Я отодвинул стакан и спросил:

— Что говорят врачи?

— А ничего не говорят. Влада пришла в себя, но память вернулась пока частично. Я, понятное дело, напоминать ей о том вечере не стал, зачем?

Виктор посмотрел на мой стакан, сказал:

— Как знаешь. А я выпью.

Он лихо махнул неразбавленного виски. Покрутил стакан в руках, потом поднял на меня глаза:

— Знать бы, что все это значит? У меня такое впечатление, что конец света возможен для отдельно взятого человека.

Я попросил его:

— Ты вчера обещал мне дать фотографии.

Он кивнул:

— Мне кажется, ты напрасно ищешь в этом направлении. Меня, например, гораздо больше интересуют наши сегодняшние проблемы.

Я спросил его:

— А ты не думаешь, что все это может быть как-то связано?

Он пожал плечами. Подошел к сейфу, вынул пачку гляцевых фотографий и протянул мне.

Я просмотрел их. Почти все фото были сделаны в одной комнате, в одном ракурсе. Скорее всего, снимки распечатаны с видеопленки. Они не отличались разнообразием, и позы, в которых были изображены участники съемки, были гораздо более откровенными, чем те, что прислали Владе.

Два снимка были сделаны на улице, они привлекли мое внимание.

На первом парень, поддерживая под руку Гелю, усаживал ее на заднее сидение машины. В руках у нее были розы, и поднесла она их к самому лицу, как будто хотела услышать аромат. Машина была Гелина, вне всякого сомнения.

Второй снимок неведомый доброжелатель сделал около подъезда дома, где она жила. Парень открыл перед ней дверь, пропуская вперед, и Геля улыбалась. В руках у обоих были фирменные пакеты из гастронома на Тверской, а у Гели еще какие-то коробки и свертки.

Парень был картинно красив, и, надо признаться, вместе они смотрелись, как на рекламном листке. И все-таки чем-то мне эти фотографии не понравились. Я подумал, что они выглядят не слишком естественно, как будто участники съемки позировали, изображая счастливую пару, которой предстоит романтическое свидание.

Я еще раз внимательно присмотрелся ко второй фотографии и внутренне ахнул: эти свертки и пакет я видел в руках Гели, когда она вручала подарки Асе и мальчишкам! Мы расстались с ней на работе, она заехала в магазин, а потом я забрал ее. Маловато времени для романтического свидания!

Я вернулся ко второй фотографии, но на ней ничего подозрительного не заметил.

Спросив у Виктора разрешения, я показал снимок Лене.

Парня она не узнала, а вот к фотографии присмотрелась и уверенно сказала:

— А я знаю, когда это сняли. Видишь, у Гельки в руках восемь роз? Это она к маме на кладбище ездила, ты же ее отпустил с обеда. Я еще собиралась с ней проехать, но меня Ирина Тимофеевна непустила, мы приказы по кадрам печатали.

Как же это я сам не заметил, что на снимке четное число роз? Может, конечно, для кого-то это и повод для романтического свидания, то, что начальник отпустил на полдня, но даже для того монстра, которым сейчас пытаются мне представить Гелю, это многовато. Заниматься утехами после посещения кладбища — это слишком.

Так что неизвестный доброжелатель только посеял в моей душе сомнения, вместо того, чтобы убедить в виновности Гели.

Я попросил у Виктора разрешения забрать снимки с собой.

Он только безучастно кивнул:

— Делай с ними, что хочешь. Мне надоела вся эта история.

Во вторник утром в мой кабинет вошел хмурый Игорь Баталов.

Я понял все по его лицу.

— Знаешь, какая-то чепуха с этим анализом. Я принес для тебя листок, сам понимаешь, делали-то неофициально. Так вот, торт чистый, а вот в напитке обнаружено значительное количество декстрометорфана, в просторечии ДМФ.

— А попроще? Что это за гадость?

— Да в том-то и дело, что ДМФ — это подавитель кашля, входит в состав совершенно безобидных лекарств, отпускаемых в аптеках без рецепта. Например, в очень распространенный сироп от кашля. Но не все так просто. В больших количествах ДМФ вызывает сердцебиение, галлюцинации, возможны приступы паники. Но рассчитывать отравить кого-то напитком этой концентрации — просто глупость.

— И, тем не менее, два человека выпили чай с небольшим количеством концентрата, и одному из них стало плохо.

Игорь хмуро посмотрел на меня и сказал:

— Послушай, мне не нравится, что мы с тобой ходим вокруг, да около. Это связано с тем, что жена Осмоловского попала в больницу?

Я кивнул.

— Возможно, у нее была индивидуальная непереносимость этого ДМФ. Или она принимала какие-то другие лекарства, которые плохо с ним сочетаются. Парень, который делал анализ, говорил, что его нельзя принимать одновременно с антигистаминными препаратами.

Я набрал телефон Виктора и поинтересовался, не принимала ли Влада в последнее время какие-то лекарства.

Виктор ответил:

— У нее всегда весной обострялась аллергия. Не знаю, что она принимала в тот день, но обычно пила Кларитин. Это лекарство не вызывало у нее сонливости, и она предпочитала его другим. — Он встревожился: — Что-то с анализом?

Я успокоил его:

— Просто я подумал, что обморок Влады мог быть реакцией на какое-то лекарство. Мы ведь с тобой толком не знаем, видела она эти фото, или нет. Ты с ней еще не разговаривал об этом?

Он вздохнул:

— Она ничего не помнит из событий того дня. Врач говорит, что это может быть защитой ее мозга от негативной информации. — Он помолчал несколько секунд и глухо сказал: — Понимаешь, я даже обрадовался, что не нужно больше ничего скрывать, можно поговорить начистоту. Все-таки мы много лет вместе, я по-своему очень любил Владу. Может быть, нам удалось бы сохранить наш брак.

— Разве не легче сделать это, если не рассказывать ей ничего, тем более, она и не помнит, что видела эти снимки?

Виктор с горечью спросил:

— И ждать каждый день, что она может все вспомнить, или еще что-нибудь пришлют по почте, или позвонят? Если бы ты знал, как мне все это надоело!

Я закрыл телефон и повернулся к Игорю.

— Кларитин. Влада принимала кларитин.

— Тогда ясно. Только, — Игорь уселся на край стола, — тот, кто хотел ее отравить, он-то ведь тоже должен был знать, что она его принимает! Я уже работал здесь при Владиславе Николаевне. Учитывая ее, мягко говоря, сложный характер, не думаю, что у нее много друзей. С кем она могла обсуждать состояние своего здоровья?

Я подумал, что тот, кто знал о кларитине, знал и ее наследственную предрасположенность, знал и о приступах, которыми страдала Влада. Если представить в этой роли Виктора, то он знал и то, что вечером Влада будет одна.

И фотографии, которые прислали Владе. Они носили скорее романтическую, нежно эротическую окраску, Виктор был на них снят в халате. На одной из фотографий Геля, в коротком шелковом халатике, сидела на кровати, скрестив ноги по-турецки, и пила кофе. Виктор тянул чашку из ее рук, она смеялась. Конечно, Владе эти фотографии не понравились бы, но Виктор на них не выглядел смешным, как всегда выглядят застигнутые врасплох голые мужики. Я подумал, что он никогда не допускал того, чтобы выглядеть смешным. Даже раньше, когда он был значительно моложе, я не помню его иначе, чем тщательно одетым и причесанным, а уж сейчас... Вообще, он никогда не умел посмеяться над собой.

Кто вообще знал о связи Виктора с Гелей? Мы с ним, по молчаливому уговору, никогда не обсуждали эту тему вслух. Однако он знал, что для меня это не является тайной. Вот о том, что Геля проводила какое-то время со мной, бывала на даче, думаю, Виктор не догадывался. Почему-то мне казалось, что Геля не рассказала ему об этом.

Илья прав: в истории с деньгами надо разобраться. Конечно, меня не устроили совершенно невнятные объяснения Виктора, особенно относительно электронного ключа, и не мог же Илья, в самом деле, не узнать его голос по телефону! Кажется, Илья подозревает Виктора во всех неприятностях, которые происходят в компании последние месяцы. Я и сам пытался разобраться кое в чем, но натолкнулся на сопротивление того же Виктора, не желавшего пятнать деловую репутацию фирмы. Он считал, что лучше выплатить сомнительную компенсацию, чем отпугнуть неуместными расследованиями давних клиентов. Тогда я с ним согласился, а сейчас все мои сомнения разом всплыли.

Ну не сам же Виктор затеял это все?! Не сумасшедший же он: красть собственные деньги, доводить жену до смертельно опасного приступа, ссориться с Гелей.

Игорь кашлянул, вернув мое внимание, и серьезно сказал:

— Послушай, Павел, ты же меня давно знаешь. Если хочешь, чтобы я реально помог, делись информацией. Что за фотографии, о которых ты упоминал? Его шантажировали, и он не стал платить?

Я решил.

— Нет. Просто его жене прислали вот эти фотографии, а ему — вот эти, — вынув из стола снимки, я разложил их на столе. — Есть у тебя кто-нибудь, чтобы проверить их на предмет монтажа?

Он кивнул:

— Не объясняй. Сделаю. — Игорь внимательно посмотрел снимки, спросил: — Послушай, снимали в одной комнате. Где это?

— Это квартира Виктора, Геля там жила раньше.

— Хорошо бы посмотреть, на предмет жучков и видеокамер.

Я честно признался:

— Виктор думает, что она сама там установила камеру, типа снимать утехы на пленку.

А потом специально или нарочно, с целью последующего шантажа, сняла и его, Виктора, визит.

Я изложил ему свои соображения насчет двух снимков.

Он кивнул, еще раз просмотрел их, сложил все стопкой:

— Фактурный парень. Представляю, как взбесился Осмоловский. То-то я и смотрю, Гели давно не видно. — Он убрал фотографии в бумажник. — Знаешь, с месяц назад она обратилась ко мне за советом. Говорит, ей показалось, что кто-то за ней следит, и в квартире запахи посторонние, вроде кто-то в ее отсутствие вещи трогал. Ну, ты же знаешь женщин! Насмотрятся ужасов по телевизору, начитаются детективов, вот нервы и ни к черту. Я посоветовал ей сдавать квартиру на охрану. Плата небольшая, но все-таки спокойнее. Давай проедем, поговорим с ребятами из охраны. Заодно и камеры посмотрим.

— Что, вот так просто сами и посмотрим? Я думал, хоть какое-то оборудование нужно.

— Я тебе сейчас одну штучку покажу, запросто в десяти метрах ловит сигнал, и видео в том числе. А может показать включенный на передачу мобильник. Вещь, на переговорах незаменимая, я тебе скажу.

Игорь вынул из кармана устройство, напоминающее авторучку, щелкнул переключателем и показал на ряд индикаторов. Мы склонились над устройством, и вдруг он сказал:

— Подожди-ка, это что за хрень?!

Индикаторы замигали, Игорь покрутил детектор в руках, поднял голову и придвинул стул к шкафу. Он пошарил по пыльной поверхности и с торжествующим видом спрыгнул вниз.

На его ладони лежала блестящая черная кнопка.

Я с изумлением смотрел на него:

— И что интересного тут можно снять? Я тут никаких переговоров, между прочим, не веду.

Игорь задумчиво посмотрел на стол, за которым сидела Геля.

— Не скажи... Я вот про них с Осмоловским, например, не знал. Честно сказать, я про тебя больше думал, ты возле нее как-то подозрительно близко все время крутился. Когда она мне про свои страхи рассказывала, я ей сказал: бросай ты своего Павла, если от него никакого толка нет, в смысле охраны. А я тебя, мол, бесплатно охранять буду, и днем, и ночью. Она вся порозовела и засмеялась. Подумаю, говорит. Так что не сомневайся, был смысл в этой камере. Кто-то, так же, как я, купился на то, что у вас любовь, вот и камеру заготовил, чтобы картинки какие заснять.

Я злобно стиснул челюсти, а Игорь миролюбиво заметил:

— Не злись раньше времени. Вот поймаем шутника, тогда и душу отведем. — Он почесал переносицу: — Надо бы посмотреть и в других местах — твою квартиру, например, или дачу, или где вы еще с Гелей бывали.

Я понял, что с работой мне придется временно завязать: трудно совмещать служебные обязанности с добровольно принятыми функциями частного детектива. Мы с Игорем уселись в джип, проехали ко мне на квартиру, по дороге завезли фотографии его знакомому, а потом поехали на дачу.

Результаты осмотра наводили на определенные размышления: в моей квартире было чисто, а вот на даче, в обеих спальнях, Игорь обнаружил камеры.

— Ребята действуют с размахом, — уважительно констатировал он.

К концу рабочего дня мы вернулись в контору.

Я зашел к Виктору и попросил его санкции на осмотр квартиры.

Он молча вынул из сейфа ключи, подтолкнул их ко мне по полированной поверхности стола.

Жестом остановил меня, набрал номер, отрывисто сказал:

— Осмоловский. Сейчас подъедут мои люди, пропустите их в квартиру. Захотят посмотреть машину — проводите их. Да, если у них появятся вопросы, можете на них ответить. — Он повернулся ко мне: — Доволен?

Я кивнул:

— Спасибо. Это больше того, на что я рассчитывал. Ты поднимался в квартиру в тот день?

Он буркнул:

— Поднимался, но был там меньше минуты и ничего не трогал, если тебя это интересует.

Благодаря звонку Виктора, никаких проблем у нас не возникло. Мы поднялись к двери, отперли ее и вошли.

В холле слабо пахло знакомыми духами, и я повертел головой.

В большой комнате, которую Геля использовала как гостиную, на столе, сервированном явно по случаю какого-то праздника, остались тарелки с остатками засохшей еды. Посреди стола в широкой вазе сморщились букетики каких-то весенних цветов, кажется, фиалок.

Игорь глянул на меня, я вздохнул:

— Стол явно накрывала сама Геля. Это она так складывает салфетки.

Игорь аккуратно взялся за горлышко початой бутылки виски и посмотрел на свет. Он достал из небольшого чемоданчика порошок и обмахнул оба бокала и бутылку вина.

— А пальчиков-то и нет. Стерли пальчики, — неизвестно почему, с удовлетворением в голосе промурлыкал он.

Игорь прошел в кухню, порылся в мусорном ведре, заглянул в холодильник. Даже насвистывать стал от удовольствия.

Я посмотрел на тарелки. Вспомнил маниакальную нелюбовь Гели к грязной посуде. Ни разу я не видел, чтобы она, поднявшись из-за стола, оставила приборы. А тут на тарелках сухие хитиновые скорлупки креветок, явные остатки китайской трапезы. Свист Игоря стал раздражать, и я сердито сказал:

— Геля вообще не ест морские деликатесы. Призналась как-то, что даже в китайские рестораны из-за этого ходить не любит.

Игорь появился в дверном проеме:

— Это хорошо. Это очень хорошо, что она их не ест. Но их мог любить ее приятель.

— Да, но креветок ели оба!

— Ты меня не понял. Скорее всего, китайскую кухню любил ее приятель со шрамами на руках. Он же стер пальчики с бутылок и бокалов. Вообще, наш парень — аккуратист: унес с собой пластиковую посуду, в которой принес ресторанный еду. А вот это зря, это в общую картину вписывается плохо...

— То есть Виктора развели по полной программе: никакого гостя у Гели не было.

— Скорее всего. Думаю, что камеры тоже уже убрали. В отличие от твоей дачи, где вполне можно получить заряд в спину, здесь они действовали свободно, и смогли бы их забрать.

— Тогда у них обязательно должен быть сообщник в охране. Иначе как бы они проникали в квартиру и свободно здесь шарили?

Игорь направился к дверям спальни.

Я входить не стал. Полюбовался от двери на небрежно сброшенное покрывало, на смятые простыни. Со спинки кровати свешивался шелковый халатик Гели...

Игорь отстранил меня, вошел в комнату. Ни видеокамер, ни жучков здесь не оказалось.

Игорь нахмурился. Подошел к окну, раздвинул плотные шторы. Окна выходили прямо на левую башню-близнеца, и при желании вполне можно было понаблюдать, чем занимаются люди в ее квартирах, тем более, день сегодня был пасмурный, и во многих окнах уже горел свет.

Игорь повернулся ко мне:

— Пойдем, потолкуем с мужиками.

— Хотите глянуть на машину? — спросил парень в камуфляжной форме.

Он сидел за столом и читал какую-то книгу. Когда мы подошли, он закрыл ее, и я увидел название «Строительная механика»

Я улыбнулся ему.

— Нет, мне нужно узнать, кто дежурил в прошлый вторник, сразу после праздников, хочу с ним поговорить.

Парень заглянул в журнал и сказал:

— Дежурил Олег Косовец. Только вот поговорить с ним затруднительно: он уволился и уехал из города, кажется, куда-то в Сибирь. Работал он у нас недавно, всего месяца два. Парень он вообще непростой, вот машина у него дорогая была, а одевался скромно, и на себя денег почти не тратил. А зачем он вам?

Я вынул из кармана фотографию, ту, где Геля и ее спутник возле подъездной двери.

Парень посмотрел ее, покачал головой:

— Девушку знаю, она в правой башне живет. Зовут Ангелиной, симпатичная, и не задается нисколько. В прошлом году у меня неуд по «вышке» был, так она мне свой институтский учебник принесла, и пару раз помогала.

Игорь вмешался:

— А парня ты не видел с ней раньше?

— Нет, парня не видел.

— Может, просто не запомнил?

Он поднял на меня глаза:

— Вот вас помню. Вы перед самым новым годом за ней заезжали. Я еще позавидовал. Ангелина — девушка хорошая. Так что, если бы увидел — запомнил бы.

— Ну, он мог проходить здесь в другую смену.

— Если подождете минут пятнадцать, подойдет мой сменщик, можете его поспрашивать.

Я спросил:

— Нет ли среди жильцов левой башни парня лет тридцати, ходит в куртке, волосы средние, на руках шрамы, возможно, от ожогов.

— Да вроде, нет. — Неуверенно ответил парень. — А ведь как-то видел я тут одного парня. Насчет шрамов не скажу, он в перчатках был. Приходил к Олегу. Я и дату могу вспомнить, это как раз накануне экзамена по сопромату было. Я конспект здесь в дежурке оставил, пришлось вернуться. А парень этот там сидел, Олега дожидался. У нас это не особо поощряется, чтобы кто-то приходил, и Олег вроде, недоволен был, что я их застукал. Ну, да мне плевать на его недовольство: я забрал свой конспект, и уехал. Только парень этот точно у нас не живет.

Игорь поинтересовался:

— А в левом крыле есть пустые квартиры, выше седьмого этажа, чтобы выходили окнами во двор?

Парень, даже особо не задумавшись, ответил:

— Есть. На девятом и на двенадцатом. Те, что с девятого, вообще не живут здесь, а жильцы с двенадцатого недавно купили квартиру, ремонт делают.

Я понял, куда Игорь клонит, спросил:

— А ключи от этих квартир у вас есть?

Парень кивнул:

— Хозяева оставили по осени, когда пускали отопление. Там у них что-то протекло, скандал был ужасный. Так что они оставили ключи жильцам нижней квартиры.

— Пока подойдет твой сменщик, мы поднимемся на восьмой этаж. Дома хозяева?

— Да их никогда нет, они бизнесом занимаются. Но там дома их родственница, она за ребенком присматривает и убирает.

Худенькой девушке, открывшей нам дверь, Игорь представился работником службы безопасности, и попросил ключ от верхней квартиры.

Девушка недовольно поморщилась, кажется, мы отвлекли ее от очередного сериала:

— Эх, хватились! Ваш охранник, Олег, кажется, еще зимой их забрал, да так и не вернул.

— А зачем он их брал?

Девушка сморщила лоб и сказала:

— Кажется, там какую-то сигнализацию собирались устанавливать, что ли. Так вы бы у него и спросили. Да пусть ключи вернет, а то хозяева с меня спросят!

Мы спустились вниз.

Студент, уже в куртке и с книжкой в руках, дожидался нас.

За стойкой уже сидел другой парень, постарше.

— Вот, наш старший по смене, Виталий. Может, он вам поможет.

Они внимательно рассмотрели фото из коллекции Виктора:

— Нет, этого парня точно не видели.

Я вспомнил рассказ Виктора и спросил:

— А можно посмотреть кассеты из камер в паркинге?

Они переглянулись:

— А у нас в паркинге камер нет. На кой они там? На входе в подъезд есть, и на выезде, а внутри их и сроду не было.

Мы поблагодарили ребят, я отвез Игоря к нашей конторской стоянке, чтобы он пересел на свою машину, и мы разъехались.

Надо было бы позвонить Виктору, но у меня на это не хватило ни сил, ни душевного благородства.

Утром прибежала Алена:

— Мне еще пару дней, а уж с понедельника выйду к тебе. — Она засмеялась: — Оказывается, я — ценный кадр.

Уходя, она в дверях столкнулась с Игорем.

Проводив ее взглядом, он плотно закрыл за собой дверь.

— Отзвонился мой парень. Я с утра заехал к нему, забрал фотографии. — Он подошел к окну, распахнул створку, достал сигарету и уселся на подоконник. Я вообще заметил, что сидеть за столом Игорь не любит.

— Не тяни, — хриплым голосом буркнул я.

— Фото подлинные, никакого монтажа, это он квалифицированно заявляет. — Игорь затаился сигаретным дымом, решительно добавил: — Только девушки на них разные.

— Как разные?

— А вот так. С Виктором — Ангелина, и здесь тоже она. А вот с этим плейбоем снята другая девушка, правда, очень похожая на Гелю. — Он перебрал снимки и положил передо мной несколько штук: — Смотри, вот здесь он мне увеличил руки: и форма рук, и форма ногтей совершенно разные. А вот фрагмент с фотографии, где они завтракают в постели: видишь, у Гели родинка на ноге, а у второй девушки ее нет. И грудь — у Ангелины, как бы это выразиться поделикатнее, более женственные формы.

Я рявкнул:

— Оставь, я и сам вижу!

Игорь внимательно посмотрел на меня, насмешливо сказал:

— А я думал, ты благодарить меня будешь.

Я потер лицо, поднялся, похлопал его по плечу:

— Извини. Я и тебе, и приятелю твоему по гроб жизни теперь обязан. Я тут ему спонсорскую помощь приготовил.

Я забрал снимки, убрал их в сейф. Вынул оттуда перетянутую резинкой пачку долларов.

Игорь нахмурился:

— Он не возьмет. Достаточно пары бутылок хорошей водки.

— Да ладно тебе, скажи, что я не обеднею. Пусть купит себе какую-нибудь козырную камеру, или еще что. Выручил он меня. А водку передам, это само собой.

Я подошел к окну. Обдумав все, так и не решил, причастен ли Виктор к мистификации со снимками.

Не оборачиваясь, глухо сказал:

— Виктору я сам расскажу.

Игорь кивнул:

— Вот и хорошо.

— А теперь давай с тобой подумаем о том, что у нас происходит в последнее время. За последние три месяца мы потеряли четыре миллиона долларов. Два из них — отдельная песня, там пусть ребята Ильи посмотрят. Телефон проверят, все-таки Виктор отрицает, что разговаривал с Илей, посмотрят, что там с электронной подписью, пусть попробуют отследить, кто забирал деньги с карточек.

Игорь качнул головой.

— Если сразу не нашли, то уж теперь навряд ли.

— Я сказал: пусть все еще раз проверят. А мы с тобой должны заняться строительной фирмой «Омега».

Игорь поднял брови:

— Ты хочешь пойти против Виктора? Я считал, что вопрос закрыт.

— Я знаю позицию Виктора по этому вопросу. Поэтому все должно быть так, чтобы о проверке знали только мы с тобой.

— И как ты думаешь получить доступ к документам?

— Во-первых, я не хочу смотреть документы. Я хотел бы услышать мнение маленьких людей: сторожей, рабочих. Если у меня будет какая-то информация, я пойду к бывшему директору фирмы.

— Так это ж его сын нынче там в руководстве!

— Сын. Отца он, фактически, отстранил от дел. Он развелся с первой женой, как-то по-особому подло, отец встал на ее сторону, и они сейчас живут вместе, Одинцов-старший и бывшая жена с новой семьей. Кстати, «Омега» — это открытое акционерное общество, и сынок, в обход отца, выкупил большую часть акций у рабочих, и теперь мутит воду.

— Ты думаешь, бывший директор знает что-нибудь об этой аварии?

— Нет, он давно уже не у дел. Но Виктор Захарович — умный мужик, может подсказать что-то. Уж очень вовремя произошла эта авария. Вот только увеличили сумму страхового возмещения — и на тебе, авария.

— Слушай, там погибли два человека. Искать должны были хорошо. Что там указали: неисправность проводки? Наверняка, это проверяли.

— Я и не отрицаю. Только печенкой чую: что-то здесь не так. Недавно встретил Одинцова-младшего около банка, так у него рожа от удовольствия так и сияет.

— Хорошо. Дай мне неделю, и я попробую определиться, правильно ты чуешь, или все там чисто.

В кабинет заглянула Алена. Она с таким отчаянием поглядела на Игоря, что я понял: какие-то новости.

— Заходи, что там еще случилось?

Она вошла в комнату, сопровождаемая Леной. Девушки нерешительно переглянулись, и Лена начала:

— Я сама толком ничего не знаю, честное слово! Мне позвонила секретарша Стрельникова, и спрашивает: «Что собой представляет эта ваша Громова?» Я поинтересовалась, чего это она Гелькой интересуется, а Машка и говорит: «Вы что, тоже ничего не знаете? Наш Илья Николаевич женился на ней.» Я говорю: «Машка, ты врешь!» А Машка возмутилась: «Чего мне врать, я сама у него в паспорте штамп видела. Главное, ее никто из наших живьем не видел. Какая она хоть из себя?» И еще хихикнула: «То-то наша Маринка Проскурина обрадуется, как приедет! Вот уж она Илью обхаживала, обхаживала, да все без толку. Стоило ей уехать в Австрию на две недели, как наш красавчик женился. Она-то, небось, планировала сама выйти за него замуж, тем более, что там и денежные интересы замешаны. А вообще я теперь думаю, что Илья Николаевич ее специально в Альпы спровадил, чтобы руки себе развязать».

Алена внимательно всмотрелась в мое лицо и прервала поток красноречия:

— Погоди, Лена, не части. Нам про Проскурину не интересно. Павел, может, все это

досужие сплетни? Она ведь с ним даже не была знакома!

Я с трудом выговорил:

— У нас с Ильей дачи по соседству, они встречались несколько раз.

Алена вспыхнула:

— Да что же это творится! На Гелю это совсем не похоже. Он что, ухаживал за ней?

Я пожал плечами.

Вынул из кармана телефон, нажал кнопку.

Илья ответил почти сразу.

Я хмуро спросил его:

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

После паузы он тихо сказал:

— Конечно, нам давно следовало поговорить.

— Где ты ее прячешь?

Он принужденно засмеялся:

— Ты — взрослый человек, и должен понимать, что иногда люди просто хотят побыть одни. Я знаю, что ты — ее близкий друг, но даже близкие друзья в такие минуты только мешают. И я совсем не прячу ее.

— А как, по-твоему, это называется?

— Завтра я собирался привезти Гелю в город, ей нужно заехать в издательство. У нас небольшой праздник, хотелось бы отметить его с друзьями. Ты ведь знал о том, что Геля пишет книгу? По моему настоянию, она отправила роман в редакцию, и с ней хотят заключить контракт. Так что вечером вы с ней можете увидеться. Я предлагал отметить это событие в ресторане, но, ты же знаешь Гелю, она хочет приготовить все сама. Так что ждем тебя, часам к восьми. Да, мы провели эту неделю довольно далеко от Москвы, там очень плохо принимает связь. Геля просила предупредить ее подруг, кажется, Лену и Алену, что ждет их. Знаешь, она за вами скучала ужасно, будет рада увидеться со всеми.

— Илья... — Я не нашел слов и замолчал.

Он тихо и сердито сказал:

— Послушай, я толком не знаю, что с ней произошло, только вытянуть ее из состояния, в котором она находилась, стоило мне таких усилий, что я никому не позволю свести их на нет. Понял? И, если ты ей действительно друг, вечером ты придешь, и будешь улыбаться, и будешь хвалить ее стряпню, и не знаю, что еще. И учти, я прошу не для себя.

Он отключился, а я посидел еще несколько секунд молча, потом поднял глаза:

— Все правда.

Алена, почему-то шепотом, спросила:

— А где она?

Я ответил:

— Не знаю. Но завтра вечером они с Ильей ждут нас у себя дома. — И пояснил: — Прием по случаю заключения договора с издательством.

Лена оторопела:

— С каким еще издательством?!

Я терпеливо пояснил ей:

— Я подумал, что Гелю надо чем-то сильно увлечь, и предложил ей написать роман. Ну, детектив, или про любовь. Я толком и не знаю, что у нее получилось. Она отослала его на рецензию, и роман понравился редактору.

Алена хотела еще что-то спросить, но посмотрела на меня и потянула Ленку за руку.

— Пойдем, завтра все сами выпросим.

Игорь тоже поднялся, он сказал Лене:

— Проскурина — это дочь Осмоловского? Мне говорили, что ее взяли на работу в банк, но я не знал, что у нее роман с управляющим.

Она обрадовалась, что нашла благодарного слушателя:

— Еще какой! Говорят, они давно знакомы, но по-настоящему роман у них начался совсем недавно. Если вам интересно, я могу позвонить Машке и все разузнать.

Игорь прижал руку к сердцу:

— Лена, вы меня очень обяжете!

Когда они, наконец, убрались, я подошел к окну. Горькие мысли одолевали меня. Честно сказать, я не знал, что и думать.

Машинально я вынул из стаканчика карандаш, аккуратно заточенный Гелей. Сжал кулак и тупо уставился на его обломки, зажатые в моей руке.

Я выбросил обломки в мусорную корзину и обреченно позвонил Лене в приемную:

— Осмоловский у себя?

Весь день я думал о том, что ехать к Илье и видаться с ними обоими мне совершенно не хочется. Последние слова Ильи возымели все-таки свое действие, и я добрался сквозь пробки к знакомому магазину, купил бутылку виски, коробку конфет и вино. Уже усаживался в машину, когда заметил старушку с обувной коробкой в руках, полную крошечных букетиков. Где-то я совсем недавно видел их? Мысль об этом мелькнула и пропала, и я купил у промерзшей бабушки все ее цветы. На радостях она отдала их мне вместе с коробкой.

У знакомого подъезда я остановился, заметил номера Антона и обрадовался: значит, они уже приехали.

Видимо, Илья предупредил охрану, потому что вопросов мне обычно крайне бдительные работники не задавали.

Двери лифта открылись, я вышел на площадку. Хотел было свернуть к знакомой квартире, но неожиданно открылась другая дверь, и выглянул Илья.

— Я так и подумал, что это ты. Проходи, — он посторонился, пропуская меня. — Все уже здесь. Что это у тебя?

Из комнат раздавался шум, смех, все громко разговаривали. Не иначе, девчонки встретились с Гелей.

Я сунул ему пакет со спиртным, и попытался пристроить куда-нибудь коробку. В этот момент в дверях появилась Геля.

Я весь день думал о том, как встречусь с ней. Себя я представлял кем-то вроде Печорина, или Онегина, на худой конец. Мысленно я с безразличным, чуть усталым лицом умно, едко и насмешливо отчитывал ее. Нельзя, невозможно, чтобы жизнь взрослого мужика, опытного, успешного, давно состоявшегося, так зависела от решений взбалмошной девицы. Вместо того, чтобы заниматься работой и делами, я убил три дня на розыски доказательств того, что это не она снята на тех мерзких фотографиях! И ради чего все это? В благодарность я узнаю, что она выскочила замуж «не сносив пары ботинок» по своей любви.

Она вылетела в холл, увидела меня и замерла на секунду.

Все мои злые мысли, все мои назидательные фразы и все заготовленное остроумие куда-то вмиг подевалось, потому что она вдруг шагнула ко мне и зарылась лицом в

распахнутую куртку.

Я растерялся. Руки мои были заняты злосчастной коробкой, и я неловко прижал Гелю к себе, подняв взгляд на Илью. Он молча привалился к стене и глаз не отвел.

Геля отстранилась, сказала:

— Я думала, что ты меня сразу убьешь. — Тут она, наконец, увидела коробку в моих руках.

Я открыл ее и сказал глухо:

— Это тебе.

Геля вынула букетик, понюхала его, и задумчиво сказала:

— Вот странно! Две недели назад я думала, что в моей жизни уже никогда не будет фиалок.

Она взяла в руки коробку и заплакала. Слезы закапали на цветы.

Первым в себя пришел Илья.

Он неодобрительно посмотрел на меня и сердито сказал:

— Павел, я же тебя предупреждал!

Я пожал плечами. Геля так же внезапно, как начала, перестала плакать, аккуратно вытерла слезы, чтобы не размазать косметику и сказала:

— Илья, я больше не буду, честное слово. Это просто от неожиданности!

Выглянула Лена и сказала:

— Гелька, у тебя там что-то шипит и пахнет здорово. Не пора выключать?

Она ойкнула и помчалась в кухню.

За столом мы, даже не сговариваясь, старались не касаться опасных тем.

Разговаривали в основном о конторских новостях, о новой Алениной работе, расспрашивали Гелю о подписанном договоре.

Сияя глазами, Геля сказала, что с ней заключили договор на написание шести романов! Уже через три месяца нужно представить в издательство второй, а она еще даже не знает, о чем он будет. Вообще, в городе ей не пишется, то ли дело в деревне!

— Илья отвез меня в такую замечательную глушь, и это в четырех-то часах езды от Москвы. Такая замечательная деревянная избушка со светелкой на втором этаже, а там и стол удобный, и занавески такие веселые, лимонные, и с балкончика резного вид открывается замечательный! В общем, даже если раньше не писал, то там обязательно что-нибудь получится.

Антон засмеялся:

— Хорошая глушь! С электричеством и Интернетом.

Илья, лениво ковырявшийся в тарелке, кивнул:

— Там своя дизельная подстанция, и тарелка есть. Места, действительно, просто изумительной красоты. И озеро неподалеку есть, настоящее, лесное.

— Не страшно там, в одиночку?

Он улыбнулся:

— Во-первых, там хорошая охрана. Хотя, посторонних там вовсе не бывает. По осени еще можно проехать на вездеходе, продукты и солярку завезти, а дальше все. Ну, зимой еще санями иногда кто-то приедет.

Ленка прищурилась:

— А как же вы туда попали?

Илья покосился на Гелю, ответил:

— Я давно там отдохнуть собирался, да все времени выбрать не мог. А тут, по случаю, решился. Мы на джипе доехали до вертолетной площадки, а там вертушкой. — Он засмеялся: — Пилоты были потрясены, когда Гелю увидели, с фатой и в белом платье. Сказали, что такую пассажирку еще не возили.

Геля покраснела.

— Они утром мне букет цветов сбросили. Я услышала вертолет, выглянула на балкон, смотрю — букет летит. Мы им махали-махали, но они спускаться не стали, дальше полетели.

Геля умчалась на кухню, зазвенела там посудой.

Илья кивнул в ее сторону:

— Ребята пару раз поохотиться приезжали, она нас своей стряпней угощала. Произвела впечатление, ничего не скажу! — И сказал вошедшей в комнату с подносом Геле: — Слушай, может, тебе кулинарную книгу написать? У тебя это дело здорово получается.

Она порозовела и улыбнулась:

— Я подумаю. Только вряд ли это в ближайшее время получится: мне же теперь надо выполнить свои обязательства по договору.

Он кивнул:

— Хочешь, отвезу тебя на дачу? Все-таки это поближе, а то мне оттуда выбираться — целая история. На даче тоже тихо, а на выходные или я, или Павел приедем. Там тебе уж точно никто не помешает, сиди себе целыми днями и пиши. А надоест — погулять пойдешь.

Геля тихо сказала:

— Это было бы здорово!

Алена за столом больше молчала, видимо, ей хотелось поговорить с Гелей наедине.

Кажется, Илья это тоже заметил, потому что предложил посмотреть его последние приобретения с февральской выставки «Охота и рыбалка на Руси». Я выставку пропустил, был в командировке, так что мы оставили девочек и перешли в квартиру Ильи.

Выходя, Илья ободряюще улыбнулся Геле, глянув на приготовившихся к расспросам девчонок, и от этой его улыбки у меня по настоящему заныло сердце.

Илья с Антоном заспорили о каком-то катере, полезли в Интернет, смотреть его характеристики, и я получил некоторую передышку.

Илье позвонили на городской номер, он извинился, и вышел из комнаты.

Я в задумчивости просматривал журналы на столике рядом с креслом. Под журналом лежала увесистая стопка фотографий большого формата: Геля, невозможно красивая в открытом свадебном платье и Илья в смокинге, с обычной его насмешливой полуулыбкой...

Я не стал рассматривать снимки, прикрыл их журналом. Впрочем, Антон тоже видел верхнюю фотографию, потому что сочувственно посмотрел на меня.

Вернулся Илья, весело сказал:

— Девчонки зовут пить кофе. Геля соорудила на скорую руку какое-то печенье, уверяет, что твое любимое.

Я мрачно подумал, что долго все это не выдержу, и начал придумывать какой-нибудь благовидный предлог, чтобы смыться.

Вернувшись за стол, я заметил, что щеки у Алены пылают, а глаза сердитые.

Они посидели еще немного, Алена переглянулась с Антоном, и он поднялся:

— Нам пора.

Геля расстроено сказала:

— Ну вот, и поговорили-то всего ничего, а вы уже собираетесь.

Лена бестактно заметила:

— Надеюсь, ты прекратишь пропадать бесследно, так что еще встретимся.

Геля смутилась. Илья обнял ее за плечи и подхватил:

— Приезжайте к нам на дачу. Все веселее будет, заодно и наговоритесь.

— Ой, девочки, в самом деле!

Лена посмотрела на сердитую Алену и дипломатично заметила:

— Обязательно. Нанесем дружеский визит, так сказать?

Илья помог девушкам одеться и повернулся ко мне:

— Я отвезу Лену, а ты, пожалуйста, дождись меня. Хорошо?

Антон удивился:

— Я вполне могу и сам это сделать.

Алена довольно заметно пихнула его в бок, и он покосился на нее.

Илья сказал:

— Все равно я машину еще не ставил, да и сигареты кончились. Я недолго.

Он снял куртку с вешалки и натянул ее. От двери он оглянулся на Гелю, кивнул ей.

Мы остались одни.

Геля сходила в кухню за подносом, собрала чашечки и кофейник. Я молчал и не сводил с нее глаз. Она села, храбро подняла взгляд на меня.

— Я все знаю, — хмуро сказал я. — Про вашу с Виктором ссору, про фотографии, даже про то, что за тобой следили. И могу это доказать.

Она устало улыбнулась:

— Зачем? Я и так про себя знала, что ничего этого не делала. Пусть все будет так, как есть.

— Я вчера разговаривал с Виктором. Он считает, что вам нужно встретиться, и хочет принести тебе свои извинения.

Она молчала.

— Не хочешь узнать, о чем мы говорили?

— Нет. Я тогда твердо поняла, что он тяготится нашим романом. Наверное, бизнес отнимает у него так много сил, что на какие-то другие чувства ни сил, ни времени просто не остается. Я на него не в обиде. Впрочем, я рада, что он знает правду, мне не хотелось бы, чтобы он плохо думал обо мне. Но встречаться с ним я больше не хочу. Эту главу своей жизни я закрыла, и возвращаться к ней не считаю нужным.

Она поднялась, подошла к окну, и, не оборачиваясь ко мне, сказала:

— Там, в лесу, у меня ночью вдруг сильно заболело сердце, как будто из него вытягивали длинную тонкую иглу. А утром я проснулась, вышла на балкон, посмотрела сверху на лес, на озеро, и вдруг поняла, что я свободна, что во мне не осталось за эту ночь ни любви, ни ненависти к нему. Ни-че-го! И такая легкость вдруг появилась, так бы, кажется, и полетела!

Я поднялся и подошел к ней.

— Илья... Скажи, почему этот брак?

Она спокойно сказала:

— Я беременна. У меня отрицательный резус, и аборт мне делать нельзя. Илья знает,

что я жду ребенка, он предложил мне выйти за него замуж. Я не хотела, чтобы мой ребенок родился без отца. У Ильи на эту тему были свои соображения, я все обдумала, и дала согласие.

— Почему, скажи, почему ты не дождалась меня?! Ты ведь знала, что...

— Я вышла замуж за Илью, потому что он трезво подошел к этому браку. Он не ждет от меня того, что я не могу ему дать. Илья не влюблен в меня, и я не стану причиной того, что несбывшиеся ожидания сделают его жизнь адом. И с его, и с моей стороны это — типичный брак по расчету. Надеюсь, что мы оба все рассчитали верно.

— Ты сошла с ума. А если вдруг пройдет время, и ты встретишь человека, которого полюбишь?

Она пожала плечами и грустно сказала:

— Ну, это не слишком вероятно. Впрочем, Илья предусмотрел и это: он сказал, что отпустит меня, если я решу, что мне немогуту. — Она подняла на меня глаза: — Павел, я не могу, не имею права портить и твою жизнь. Помнишь, ты говорил про поводок? Так вот, я отпускаю тебя. Давай попробуем жить с этим.

Она стояла так близко ко мне, что я не удержался, наклонился к ней, обнял и поцеловал ее прямо в губы. Отстранился, когда не хватило дыхания, отпустил Гелю, и она сделала шаг назад.

— Неужели ты не чувствуешь, что...

Она поправила волосы и хрипло сказала:

— А это вообще чистая физиология! Ты не имел никакого права делать это без моего разрешения. Оставь меня!

Я отошел к двери и столкнулся с входящим в квартиру Ильей.

Злобно сдернув куртку с вешалки, я повернулся к ней и сказал:

— Не знаю, что ты там себе накрутила, а только Илья влюблен в тебя, влюблен с первой минуты знакомства, нет, даже раньше! Ты спала, когда он впервые тебя увидел у меня на даче. Надеюсь, ты не тешишь себя иллюзиями, что это будет фиктивный брак. Я знаю Илью довольно давно, своего он добьется.

Илья удивленно сказал, посторонившись:

— Какая муха тебя укусила? — Он схватил меня за рукав: — Пойдем-ка, мне с тобой надо поговорить.

Он повернулся к онемевшей от происходящего Геле и совершенно спокойно сказал ей:

— Уже поздно, иди спать. Завтра я в обед пришлю водителя, он отвезет тебя на дачу. Запри за нами дверь и не волнуйся, все будет хорошо.

Мы ввалились в холл Ильи. Он отпустил мой рукав и сердито сказал:

— Заходи, герой. Я же предупреждал тебя, что с Гелей сейчас надо аккуратно обращаться!

Я сунул руки в карманы и спросил его:

— Почему ты не позвонил мне? Ты ведь знал, что я люблю ее, знал, но воспользовался моим отсутствием. Ты всегда умел виртуозно использовать обстоятельства и поворачивать все себе на пользу.

Илья прошел в гостиную и вернулся с двумя стаканами неразбавленного виски. Один он протянул мне, из второго отхлебнул, сказал:

— Извини, у меня сегодня тяжелый день. Можно, я отвечу на твои вопросы по очереди?

Ну, во-первых, почему не позвонил. Я не думаю, что тебя обрадует ответ, но скажу честно: мне не позволила Геля. Я обнаружил ее на улице, раздетую, в тонком свитере, с коробкой и пальмой в руках. Она ловила машину. Ты же понимаешь, что никто в здравом уме не проехал бы мимо знакомой девушки, с которой явно что-то произошло. Да, ты прав, она мне нравилась и раньше. Но, кажется, у тебя не было поводов упрекать меня в этом. Так получилось, что, помогая Геле, в какой-то момент я почувствовал, что она стала мне очень дорога. Кроме того, она была со мной достаточно откровенна, и рассказала о разрыве с человеком, которого она любила. Она не называла его имени, но я понял, что это Виктор. Впрочем, теперь мне стали понятны некоторые странности в его поведении, желание оправдаться перед Владой, эти разъезды по курортам и дорогие подарки. — Он поднял голову. — Ты ведь знаешь, я не ревнив. Сегодня я дал вам возможность поговорить наедине. Думаю, Геля объяснила тебе мотивы своего поступка. Я не хочу их знать. Скажу о себе: она мне очень нравится, и то, что у нее будет ребенок от другого, меня не смущает. Ты в курсе моих семейных проблем, и знаешь, что своих детей у меня никогда не будет.

— Илья, черт тебя побери! Да вокруг тебя вечно крутятся какие-то бабы, неужели ты не мог выбрать среди них? И что у тебя с Мариной?

Он пожал плечами.

— Марина — замечательная любовница, стильная и красивая девушка, но я не хотел бы, чтобы она была матерью моих детей, не хотел бы стариться рядом с ней. Странно, что именно ты, зная ее очень хорошо, об этом заговорил. Я привык получать все лучшее, и я выбрал Гелю. Ты прав и в этом, я всегда буду добиваться своего. Думаю, если я все время буду рядом, она привыкнет к мысли о том, что она — моя жена, и у нас все наладится.

Даже мысль об этом была мне неприятна. Я поднялся, грубо спросил его:

— Так ты об этом и хотел со мной поговорить? В смысле, чтоб я не пытался встретиться с ней, не мешал твоим замыслам? По-твоему, это так просто?

Он вздохнул:

— В мире вообще все непросто. Я надеюсь на твою дружбу и благоразумие. А в Гелином мире сейчас все так хрупко, давай попробуем помочь ей. И встречайтесь, сколько угодно. Единственное, о чем я тебя прошу, это чтобы после ваших встреч у нее не было такое выражение лица, как сегодня.

Я прервал его:

— Она спала с тобой там, в лесу?

Илья поморщился:

— Давай уважать наши чувства. Подумай о том, что я тебе сказал. Надеюсь, пройдет какое-то время, и ты поймешь, что я был прав.

Я рванул молнию на куртке:

— Ладно, считай, что поговорили.

Мы вышли на площадку, и неожиданно в дверях соседней квартиры появилась Геля. Она встревожено посмотрела на нас.

Илья сердито буркнул:

— Ты чего не спишь?

Она виновато сказала:

— Просто хотела убедиться, что у вас все в порядке.

Илья пихнул меня в бок, и я, пересилив себя, сказал:

— Все в порядке, иди спать.

Геля просияла и сказала:

— Я к вам с Аленой на днях загляну. Можно?

— Конечно, можно. Они только обрадуются, правда, Павел? — насмешливо спросил Илья.

— Господи, да я ей тогда так и сказала, что она — больная на всю голову. А Гелька уперлась: так всем будет лучше. — Алена с тоской посмотрела на меня. — Ты, Павел, скажи, что дальше делать думаешь?

Я пожал плечами.

Она сердито сказала:

— Если человек другому человеку небезразличен, это надо ценить и беречь. А вы чувствами, как яблоками, разбрасываетесь.

— Алена, ничем я не разбрасываюсь, — вздохнул я. — Уехала на дачу, сидит там безвылазно. Роман пишет, а до живых людей ей и дела нет.

Она поднялась, налила кофе и принесла тарелочку с печеньем.

— Хочешь? Я вчера сама испекла.

Я откусил, чтобы не огорчать Алену.

— Вкусно?

Я энергично покивал, хотя печенье довольно сильно подгорело снизу и ощутимо горчило.

— Небось, врешь. Антон сказал, что пою я гораздо лучше, чем готовлю, — засмеялась Алена.

Я покосился на нее:

— Пытаешься меня утешить? Не надо, сам справлюсь.

В дверь поскреблись, и мы хором заорали:

— Входите, кто это там такой вежливый?

В дверь просунулась голова Гели.

— Не помешаю?

Она полезла к Алене с поцелуями. Та вырвалась и возмутилась:

— Так ты, оказывается, уже в городе? А чего не звонишь?

— Илья вчера вечером заехал за мной и привез. Мне в поликлинику надо. Вот и к вам, заодно, зашла.

Геля уселась на стул для посетителей, так замечательно устроив свои ножки, что я на некоторое время потерял дар речи. Заметив, что Алена покрутила пальцем у виска, я пришел в себя, и включился в разговор.

— Вот, видишь, Алена уже на новом рабочем месте. Угощайся, это она сама испекла.

— Весело тут у вас, — с завистью в голосе сказала Геля. — А я уже скоро разговаривать разучусь вовсе. Иногда Ася ко мне зайдет, так хоть с живым человеком словом перемолвлюсь.

— Я не знал, что ты на даче одна скучаешь.

Она пожала плечами:

— Да я и не скучала вовсе. Обдумываю новый роман, уже кое-какие наметки есть.

Алена ноющим голосом попросила:

— Слушай, это даже нечестно, то, что ты мне не хочешь показать свой детектив. Пока он выйдет, я от любопытства помру!

Геля задумчиво сказала:

— Я тут на днях читала в «Комсомолке» интервью с Юрием Поляковым. Он говорил, что, усаживаясь за письменный стол, нельзя думать о том, что скажут друзья и партийная организация. Видимо, я его смелостью не обладаю. Ты, Алена, извини, но мне оказалось гораздо легче показать свои сочинения просто незнакомому человеку. Я написала объявление, что-то вроде Крокодила Гены: «Ищу друга», и она откликнулась. Так получилось, что эта молодая женщина стала мне неожиданно близка. Она обращала мое внимание на неточности в тексте, редактировала его, писала мне замечательные ироничные, но не насмешливые письма, поддерживала меня. Мы вместе с ней выбирали название для моего сочинения. Именно она настояла на том, чтобы я отправила свой роман в редакцию. А сейчас мы с ней развили бурную переписку по поводу сюжета нового детектива: она мне всегда дает дельные советы. Понимаешь, Алена, я ее совсем не стесняюсь, а с тобой все сложнее, я ужасно боюсь не оправдать твоих ожиданий!

Алена фыркнула:

— Да я просто уверена в том, что роман замечательный!

Геля с ужасом сказала:

— Алена, будешь так говорить, я тебе его и после выхода книги не покажу!

— Не иначе у тебя там замысловатые эротические описания, — прищурилась Алена. — А то чтоб тебе скрывать свой детектив от друзей!

Геля покраснела.

Неизвестно, до чего бы они договорились, но в дверь заглянул Илья.

Поздоровавшись с Аленой и пожав мне руку, он повернулся к Геле:

— Я за тобой. Поедем, пообедаем где-нибудь.

Геля поднялась.

— Ну вот, и не поговорили вовсе... — разочарованно протянула Алена.

Илья взглянул на нее без особой приязни, надо сказать, и покосился на Гелю:

— Ты готова?

Она кивнула.

— Завтра опять в поликлинику иду. Чем-то моя персона заинтересовала врачей. Я за всю жизнь не сдавала столько всяческих анализов, — пожаловалась Геля. — Зато на обратном пути зайду к вам. Илья обещал меня отправить завтра на дачу, а сегодня он затеял какие-то визиты, и уверен, что я должна его сопровождать.

— Если хочешь, сам отвезу тебя, — обрадовался я, — мне только завтра надо забрать лыжное снаряжение в Шереметьеве. Я все равно собирался отвезти его в дом. Не в городской же квартире хранить!

На лице Ильи появилось выражение озабоченности, но он не успел придумать повод для отказа.

Геля искренне обрадовалась:

— Ой, в самом деле? Тогда я сразу же после поликлиники приду сюда!

Как-то чувствовалось, что Илья не слишком рад, но эмоции он свои выразить поостерегся. Вежливо простившись с нами, он открыл дверь перед Гелей.

Едва мне удалось сосредоточиться на мыслях о работе, в комнату ввалился Игорь Баталов.

Он маетно посмотрел на Алену, и я поднялся:

— Пойдем, покурим?

Мы вышли на площадку, и он мрачно сказал:

— Не подвела тебя твоя печенка. Подослал я туда своих ребят. У них на воротах объявление висит, о приеме в охрану. Костя сказал, что очень высокие требования к кандидатам. Он поболтался там немного, якобы с целью устроиться на работу. Кстати, любопытная деталь: всех сторожей, дежуривших тогда, уволили. Косте удалось разговориться с уборщицей, она дала ему адрес своего племянника, который работал в ту смену и даже пострадал на пожаре. Он нашел парня, тот до сих пор нигде не работает, зол на руководство завода. Рассказывает некоторые очень любопытные подробности: за неделю до пожара цех был выведен на капитальный ремонт, недавно полученное и установленное оборудование, стоившее весьма прилично, было размонтировано и снято, все мало-мальски ценное оттуда было вывезено. Если посмотреть на сумму компенсации, то ребята просто мелочились. И откуда там взялись емкости с горючими компонентами для производства лаков, тоже непонятно, у лакокрасочной линии свои склады, и для сырья, и для готовой продукции. Конечно, может, просто наш обычный российский бардак, но уж больно все кстати: полыхало так, что пожарные ничего уже сделать не смогли.

— А что там с погибшими? Может, следователь чего нарыл?

Игорь почесал переносицу:

— Тут вообще история непонятная. На заводе никто не пропадал, а в цеху два обугленных трупа. Одни головешки остались, температура там была очень высокая. Следователь предполагает, что это могли быть какие-нибудь молдаване или украинцы, рабочие строительной бригады. Но дело в том, что и директор строительной фирмы, и рабочие в один голос твердят: у них тоже никто не пропадал. На заводе пропускная система, посторонних быть не должно. Зарплаты там по нашим меркам приличные, люди за работу держатся, и присутствие чужих людей ночью на территории завода всем непонятно. Костя на всякий случай взял у парня телефон его приятеля, обещал свести с ним.

Я обдумывал сведения, полученные от Игоря, предостерег его:

— Смотри, чтобы до дирекции не дошло, что мы что-то вынюхиваем: Виктор с нас за самостоятельность шкуру снимет.

— Что я, без понятия, что ли? — обиделся Игорь. — Костя представился журналистом местной газеты. Ну, вроде он хочет написать о пожаре, о том, что погибли люди, а никто ответственность не понес.

— Ты еще что-нибудь узнал?

Игорь кивнул:

— Я посмотрел в налоговой реестр акционеров. Любопытная картина вырисовывается: в прошлом году произошло объединение двух фирм: «Омеги» и «Омеги-плюс». Второй фирмой руководил сын бывшего генерального, Андрей Одинцов. При слиянии фирм было произведено перераспределение пакета акций. В новой компании Одинцову-старшему принадлежал самый большой пакет — сорок процентов, его компаньону Ивченко М.А. — двадцать пять процентов, сыну выделили десять процентов, ну и у остальных по мелочам. Я просмотрел изменения, вносимые в реестр акционеров, и выяснил любопытные вещи: в течение года младший Одинцов методично скупал акции, в результате чего его доля возросла до восемнадцати процентов. Затем сообщается о переходе доли Ивченко М.А к его дочери Ивченко М.М. в соответствии с Уставом общества и законодательством о наследовании, а затем появляется вовсе любопытная запись: внесение изменений в связи с

переменной фамилии.

— Неужто Ивченко стала Одинцовой?

— Правильно. Так что в мае прошлого года супруги объединили усилия, папу отправили в отставку, и генеральным стал Одинцов Андрей Викторович.

Я задумался.

— Знаешь, я когда-то был довольно хорошо знаком с Виктором Захаровичем, еще через наших с Ильей родителей. Замечательный был мужик, охотник страстный. А вот Андрей мне никогда не нравился. Я никогда не интересовался его личной жизнью, но знаю, что вторым браком он был женат на секретарше отца. Замечательной красоты была девушка, и помню, что очень любила своего шефа. Даже некоторое время жила в их семье, кажется, дальняя родственница жены, или что-то в этом роде. Поэтому я не удивился, что Женя и с новым мужем живет одной семьей с Виктором Захаровичем. Надо все-таки с ним поговорить.

— Зачем? Ты говоришь, что мужик он хороший, скорее всего, он не захочет обсуждать с нами сыночка и его делишки.

Я выбросил сигарету.

— И все-таки я чувствую, что мне нужно с ним встретиться. У меня нет его телефона, но я помню, где он жил раньше. Вечером и проеду.

Я стоял у кованой ограды. Окна в доме были темными, и на мой звонок никто не откликнулся. К калитке подошел большой светлый с темными пятнами сеттер, печально посмотрел на меня и вздохнул.

Я вспомнил: это была любимый охотничий пес Виктора Захаровича, кажется, Байкал.

Я окликнул его:

— Байкал, где же твой хозяин?

Собака посмотрела на меня, и понуро побрела к дому. По собачьим меркам он был уже немолод, переступал осторожно, и лопатки его при ходьбе выдавались.

Мне стало тревожно.

Неожиданно в переулок свернул большой джип, и из него вышла девушка. Я вспомнил, что ее зовут Женя. В руках она держала какие-то пакеты.

Она вопросительно посмотрела на меня:

— Вы кого-то ищете? — Присмотрелась, и, кажется, узнала меня. — Если не ошибаюсь, Павел? Вот отчество, извините, не помню. Хотя, вы ведь сын Андрея Николаевича? Стало быть, Павел Андреевич.

Я улыбнулся:

— Склоняю голову. Ну и память у вас!

Она пожала плечами:

— Вы забываете, я ведь работала секретарем у Виктора Захаровича, это профессиональное качество. — Она внимательно посмотрела на меня: — И все-таки, что вас привело сюда?

— Я хотел встретиться с Виктором Захаровичем. Это очень важно для меня.

Она вздохнула:

— Виктор Захарович болен, у него проблемы с сердцем. Он уже месяц находится на лечении в госпитале. Волноваться ему совершенно нельзя. О чем вы хотели поговорить?

Я замялся: не слишком прилично расспрашивать женщину о ее бывшем муже.

Женя поняла мою заминку по-своему, она быстро проговорила:

— Ой, извините, ради бога, я даже не пригласила вас в дом. Заходите, я приготовлю ужин. Скоро должен подъехать мой муж.

Она отперла калитку.

— Вы не боитесь собак? Он не тронет.

Я улыбнулся:

— Да что вы! Мы с Байкалом даже побеседовали немного, пока вас не было.

Женя виновато присела перед собакой, погладила ее:

— Он очень скучает по своему хозяину. А у Виктора Захаровича тахикардия, на холодном воздухе ему становится хуже, и врачи ему категорически запрещают сейчас выходить на улицу. Я Байкалу пообещала, что возьму его с собой, и он все ждет.

В доме Женя сняла просторную куртку, и я заметил, что она ждет ребенка.

Я помог ей отнести пакеты в кухню. Она вынула овощи из холодильника, довольно сноровисто начистила картошку, выложила на противень замаринованное мясо.

Я с тоской подумал, что она мне чем-то напоминает Гелю. Видимо, перехватив мой взгляд, она присела напротив меня, участливо спросила:

— Может быть, я чем-то могу помочь?

Решившись, я изложил ей события, в результате которых я попал к воротам дома Виктора Захаровича.

Внимательно выслушав меня, Женя нахмурилась:

— Я не думаю, что Виктор Захарович помог бы вам, Павел. Уже почти год, как он не разговаривает с Андреем. Они ссорились и раньше, у обоих взрывные характеры, но в этот раз все оказалось слишком серьезно. А потом Андрей еще и затеял эту историю с выборами генерального...

— Я нахмурился:

— Подождите, Женя! Я думал, что причиной ссоры и было желание Андрея устранить отца от руководства фирмой.

Она посмотрела мне в глаза:

— Нет, причиной их ссоры была я. Вернее, наш с Андреем развод, и его последующая женитьба на Майе.

— Что, Виктор Захарович так не хотел, чтобы вы разводились?

Женя вздохнула.

— Это долгая история, и не думаю, что она может иметь какое-то отношение к тому, что произошло на заводе. Впрочем, Андрея эта история характеризует как крайне предприимчивого, целеустремленного человека, не брезгующего ничем для достижения цели.

— Скажите, Женя, вы — родственница Ирины Петровны, покойной жены Виктора Захаровича?

— Нет, я — просто дочь ее школьной подруги. Они дружили втроем, моя мама, Ирина Петровна и тетя Люба. Я училась в десятом классе, когда мама умерла, и тетя Люба написала Ирине Петровне, что я окончила школу с золотой медалью, просила помочь с институтом. Так получилось, что я осталась жить в семье Одинцовых, никто и не подумал меня отпускать в общежитие. Я выучилась, потом пришла на работу к Виктору Захаровичу. Потом случилось так, что Андрей расстался со своей женой, вернулся в семью. Он стал ухаживать за мной, и я видела, что Ирина Петровна очень довольна этим. Людей роднее их у меня не было, и, когда Андрей сделал мне предложение, я согласилась. Он вернулся в

семью, восстановил отношения с отцом. Виктор Захарович помог ему организовать собственное дело. Единственное, что всегда меня огорчало — у нас не было детей. Я знаю, что Виктор Захарович мечтал о внуке, но он никогда даже словом не упрекнул меня. Андрей к детям был равнодушен.

Женя поднялась, достала скатерть, накрыла стол.

— А потом начались неприятности. Два года назад умерла Ирина Петровна. Она всегда умела вовремя погасить огонь спора между мужчинами. Ее не стало, и они начали ссориться все чаще. Отца не устраивало то, как Андрей ведет бизнес, а Андрей все пытался вовлечь его в какие-то рискованные авантюры. В какой-то момент они примирились, отец даже решился на то, чтобы объединить обе фирмы. Это и было началом конца. Впоследствии мы выяснили, что все это время Андрей уговаривал акционеров продать акции, правда, не напрямую, а через подставных лиц. В последнее время, перед разводом, Андрей сильно изменился. Или я раньше его вовсе не знала? Неожиданно он стал упрекать меня в том, что у нас нет детей. Он стал грубым, часто не ночевал дома. Я скрывала все это от отца, у него тогда уже, особенно после смерти жены, начались проблемы с сердцем. А потом Андрей перешел к решительным действиям.

Лицо Жени покраснелось, она достала сигареты, но закуривать не стала.

— Вскоре после нового года я заметила, что за мной следят. Вы ведь уже обратили внимание, что у меня хорошая память на лица? Так вот, я засекала этого парня, и рассказала о слежке Алексею Лесихину. Он с приятелем держал охранную фирму, арендующую офис в том же здании, что и наша компания. Мы были знакомы еще с тех времен, когда я работала секретарем Виктора Захаровича. Алексей удивился, но обещал помочь. А буквально пару дней спустя, Андрей затащил меня на какую-то вечеринку в клубе, его неожиданно вызвали звонком, и он отъехал. Потом позвонил и сказал, что дело оказалось серьезным, попросил добраться домой самостоятельно. Когда я вышла на крыльцо, какие-то придурки попытались затащить меня в машину. Неожиданно незнакомый молодой мужчина вступился за меня, твердо подхватил под руку. По законам жанра я оказалась в его машине, и мое романтическое приключение повсюду набирало ход. Мой спаситель шикарно улыбался, ослепляя меня своими великолепными зубами и бриллиантовыми запонками, поблескивавшими в манжетах дорогой рубашки, распахнутый ворот открывал мощную шею... Его облик дополняли все атрибуты настоящего мачо: брутальная щетина, ухоженные руки, роскошные волосы. Впрочем, он действительно был красив, но вот с туалетной водой наш плейбой явно переборщил: ее тяжелый сладкий запах, вместо того, чтобы окончательно заморозить и околдовать меня, вынудил меня приспустить стекло. Я твердо решила не знакомиться, не стала раздавать номера телефонов и, тем более, наотрез отказалась «посетить одинокую хижину», даже когда это приглашение было одобрено обещанием напоить меня настоящим кофе. После этого мачо скис, довез меня до подъезда, и убрался.

Я засмеялся:

— Вот и спасай после этого красавиц, попавших в затруднительное положение!

Женя без улыбки посмотрела на меня:

— Вечером, на другой день после моего несостоявшегося приключения, я нечаянно услышала разговор мужа с каким-то парнем. Видимо, у него на сотовом оказалась нажатой кнопка последнего вызова, и он не заметил, что я ответила. Андрей ужасно ругался, упрекал собеседника в том, что тот послал придурка, который даже бабу завести не может. И посоветовал попробовать подвести ко мне Алексея Лесихина — мол, он давно в меня

влюблен. Ему нужны эти фотографии, и чем скорее, тем лучше.

Она мрачно усмехнулась.

— Ну, не скажу, как я ко всему услышанному отнеслась. Все-таки мы прожили вместе почти семь лет, и он был моим мужем. Через пару дней мы отмечали в ресторане корпоративную вечеринку, Андрей куда-то отъехал, попросив Алексея отвезти меня на дачу. В машине я молчала, но у самого дома не выдержала, расплакалась и рассказала все Алексею. Он побледнел от злости, говорит, ты как хочешь, а только я твоему мужу по морде дам. Он утешал меня, а потом вдруг оказалось, что мы с ним целуемся вовсю. Это было так замечательно и так правильно, что я растерялась. В общем, Алексей отвез меня к себе домой, с тех пор мы вместе. А Виктору Захаровичу я все рассказала, как есть. Он болел тогда сильно, оставить его я не могла, и получилось, что с тех пор мы так вместе и живем. Когда он узнал, что у меня будет ребенок, обрадовался чуть ли не больше нас с Алексеем.

В прихожей раздался шум, возня. Цокая когтями по паркетному полу, в кухню вошел Байкал, улегся рядом с батареей.

Следом за ним появился широкоплечий светловолосый парень с пакетом в руках.

Женя укоризненно сказала ему:

— Алексей, опять ты собаку в кухню притащил! У нее же шерсть!

Ругалась она неубедительно, и Байкал даже не поднял голову, только смешно покосился глазом в ее сторону.

Парень кивнул в сторону Жени:

— Можно подумать, если бы он был лысый, она бы его с радостью пустила в кухню!

Мы с Женей засмеялись. Она познакомила нас.

Алексей улыбнулся:

— Заочно мы давно знакомы. По рекомендации Виктора Захаровича страхуем у вас всех своих работников, иначе лицензию отзовут. Я и в конторе вашей неоднократно бывал.

Алексей вымыл руки, мы уселись за стол. Я рассказал о причинах, приведших меня в их дом.

Женя быстро проговорила:

— Алексей, я Павлу рассказала ту историю.

Он нахмурился:

— Знаешь, Андрей — он на многое способен. Не хочу при Жене... В общем, мои ребята тогда за ним проследили, и за его ребятами. У них фирма, выполняют конфиденциальные поручения, даже самого деликатного характера. Хотя, надо сказать, к порученной работе относятся творчески. Жене, например, подставили парня, он в фитнес-клубе тренером работал. А чего? Платят вполне прилично, зачем отказываться?

Алексей угрожающе нагнул голову:

— Я тогда думал, убью его за Женьку. А потом так все сошлось, что мне стали глубоко безразличны и он, и его ребята. Женя осталась со мной, а своих парней я отозвал. Правда, Андрея предупредил, что если мне Женя хотя бы один раз на него пожалуется, ну там, скажет он ей что, или подойдет кого, то я с ним сам разберусь. Он парень неглупый, понял все с первого раза. Правда, пытался со мной объясниться, но я ему назвал фирму, из которой были те ребята, что следили за Женей, и он поутих.

Женя отщипывала виноградины, она нежно посмотрела на Алексея, и я почувствовал зависть.

Поднялся:

— Спасибо, ребята. Извините, что потревожил. Передавайте от меня привет Виктору Захаровичу.

Алексей пошел проводить меня к калитке, и уже у самой машины я спросил его:

— А как называлась та фирма, что помогала Андрею?

Он внимательно посмотрел на меня:

«Твин-плюс». У них офис на Гороховой. А что, у тебя появились какие-то подозрения?

Возможно, Андрей тогда не отказался от их услуг, в других-то делах.

— Да нет, это совсем не связано с Андреем. Просто одна моя знакомая недавно обнаружила за собой слежку, парень там был со шрамами на руках... Ее, эту девушку, пытались скомпрометировать с помощью фотографий.

Алексей нахмурился.

— Подожди. Со шрамами, говоришь? А ведь один из моих парней сказал, что в той фирме у него старый знакомец обнаружился. Говорит, думал, его и в живых нет. Когда-то у него в руках разорвался снаряд. — Он посмотрел на меня, полез в карман и вытащил визитную карточку. — Ты вот что, позвони мне завтра, я тебя с Олегом и сведу. Или еще лучше, подъезжай с утра, часиков в десять, к нам в офис, переговоришь с ребятами.

Я искренно поблагодарил его, и посигналил, отъезжая.

Игорь покрутил головой:

— Везучий ты, черт! Да, не зря ты вчера чай с Одинцовыми распивал: ребята из охраны Гелиного дома опознали по фотографиям и твоего горелого друга, и Олега Косовца, что у них работал. Только, думаю, что у него другие имя и фамилия.

Я оскорбился за Женю и Алексея:

— Да они вовсе не Одинцовы, а Лесихины.

— Один хрен! — энергично стукнул кулаком он. — Остается выяснить, кто этим ребятам платил деньги за работу. Их-то расспросить как следует навряд ли получится. Хорошо бы красавчика этого найти, что на снимках, или подружку его, но тут глухо.

— У тебя есть какие-нибудь мысли?

Игорь помрачнел:

— Мало того, я съездил к Виктору на квартиру, и его домработница опознала твоего водителя, привозившего презент из Австрии. Самое дрянное, что заказчик этого мероприятия где-то рядом ходит. Чтобы все это проверить, нужно быть очень близким к вам человеком.

— Ты всерьез думаешь, что это мог быть Виктор? — решительно спросил я.

— Конечно, он в этой истории подозреваемый номер один. Мог ведь он инсценировать ссору с любовницей, избавиться от жены, прибрать к рукам денежки, поделив их с клиентом, а потом помириться с Ангелиной и жить в свое удовольствие?

Я вспомнил потерянное лицо Виктора и твердо сказал:

— Игорь, давай рассмотрим какую-нибудь другую версию.

Он полез в карман за сигаретами и сказал виновато:

— Ты только не ори сразу, но твердым вторым подозреваемым должен быть ты.

— Это еще почему?

— Тебе нравилась Геля, и ты мог решиться на подставу с фотографиями, чтобы рассорить их с Виктором. Знал ты и о приступах Влады, о ее наследственности. Ты всегда привозил ей подарки из поездок, легко мог отравить вино. Поэтому и рассчитывал на

скандал, на то, что Виктор не решится продолжить связь с Гелей. Все сходится.

Я разозлился:

— Да ничего не сходится! Если бы я знал, что они поссорятся, зачем бы уезжал из города? И Влада, я ведь должен был рассчитывать на то, что рядом никого не окажется, что она выпьет это злосчастное пойло, которое, кстати, совсем не в ее вкусе. И те деньги, которые мы потеряли... Мне-то какая от этого выгода?

— Ну, деньги могли быть совсем из другой истории. Впрочем, нет, ты прав, я чувствую, что все это связано, что это цепь событий, логику которых я не могу уловить.

Я все еще сердито посмотрел на него:

— И поэтому ты придумываешь дурацкие версии! Друг, называется.

Он кивнул:

— Ты не злился, это я просто размышляю вслух.

— Ладно, размышляй, а я пойду, попробую поработать.

В кабинете я застал мирно распивающих кофе Алену и Гелю.

Я услышал последнюю фразу Алены:

— ...Ты с этим не шути! У моей знакомой тоже отрицательный резус, так чего ей стоил ее сын!

При моем появлении Геля заулыбалась:

— Привет! Не передумал на дачу ехать?

Я озабоченно глянул на часы:

— Конечно, нет. Скоро поедем, Нина прилетает рейсом на 12.30, как раз успеем.

Она вопросительно подняла на меня глаза, и я объяснил:

— Та девушка, что улетала со мной в Альпы. Сегодня она возвращается, у нее мой багаж.

Алена хмыкнула:

— Павел узнал, что ты пропала, и эвакуировался с курорта, даже не собрав вещи.

Геля растерянно спросила:

— Послушай, может, это не слишком удобно, если я с тобой поеду в аэропорт?

Я сердито посмотрел на Алену, которая быстро сделала вид, будто не замечает этого.

— Удобно. Она о тебе... — я задумался, подбирая слово, и неловко закончил, — ... знает.

Геля смутилась, и, пытаясь переменить тему, спросила:

— Что-то Ленка не идет. Мы ей позвонили, что я здесь, обещала зайти к нам.

В этот момент дверь открылась, но вместо Ленки вошел Виктор.

Не обращая на нас внимания, он отрывисто сказал Геле:

— Здравствуй. — Увидев ее распахнутые глаза, добавил: — Не пугайся, я только хочу сказать тебе буквально пару слов.

Геля поднялась, и он схватил ее за руку. Беспомощно пытаясь освободиться, она в отчаянии посмотрела на меня.

Я протянул руку и крепко взял его за запястье:

— Отпусти девушку. Хочешь говорить — говори.

Виктор выпустил ее руки, оглянулся, кажется, заметив наше присутствие.

Он с трудом выговорил:

— Мне хотелось бы поговорить с тобой наедине.

Геля молчала, но я видел ее лицо и произнес вслух, поморщившись:

— Говори при нас.

Он неожиданно махнул рукой:

— Пусть так. Я понимаю, что все в курсе происшедших между нами недоразумений, и в вашем присутствии хочу принести свои извинения. Я недостойно вел себя, я должен был верить Геле, но пошел на поводу у тех, кто хотел нас рассорить. Я прошу прощения за слова, которые произнес тогда. Я четко понимаю, что ни о каком продолжении наших отношений не может быть и речи, но мне хотелось бы знать, что ты не держишь на меня зла. А то, что вчера ты объяснилась с моей женой, вообще делает меня твоим должником. Я сегодня был у Влады, говорил с ней и с ее врачом. Ты сделала невозможное, то, чего не могли сделать лекарства и то, что давно должен был сделать я.

Геля остановила его:

— Виктор, давай не будем вспоминать больше об этой истории? Если уж я смогла забыть, то и ты сумеешь.

Виктор наклонил голову, соглашаясь с ней.

— Это правда, что вы с Ильей приедете к нам?

Она кивнула:

— Я обещала Владиславе Николаевне, значит, мы обязательно будем. Скоро ее отпустят?

— Врач говорит, что хоть сегодня. Я отвезу ее за город, это недалеко от дачи Ильи. Ты сможешь приезжать к ней, если, конечно, захочешь.

— Хорошо, я попрошу Илью или Равиля, чтобы они меня отвезли.

Виктор нерешительно сказал:

— Послушай, если уж мы по настоящему помирились, может быть, ты забереешь свою машину? Она так и стоит в паркинге. И насчет квартиры... Ты ведь не вернулась в свою коммуналку?

Геля спокойно сказала:

— Илья продал мою квартиру и помог купить другую. А насчет машины... Что ж, я поговорю с ним. Если он не будет возражать, я поставлю тебя в известность и заберу ее.

— Хорошо, пусть так. Я пришлю Лену, она хотела увидеться с тобой. Не ругай ее за то, что она сказала мне, что ты здесь, хорошо?

Геля кивнула.

Когда за Виктором закрылась дверь, Алена ехидно спросила меня:

— Как тебе нравится, ее еще надо упрашивать, чтобы забрала машину. Гелька, тебе надо написать книгу обо всем, что у нас здесь происходит. Ну, добавить пару трупов, какой-нибудь пожар, пропавшие со счета деньги и похищение красавицы. Любви в твоём детективе будет и так полно, хоть отбавляй.

Геля сердито сказала:

— Типун тебе на язык! Только трупов нам и не хватало!

Примчалась сгорающая от любопытства Лена.

Алена рывкнула:

— Какого черта ты доложила Осмоловскому, что Геля здесь?

Лена невозмутимо ответила ей:

— Между прочим, он заверил, что ты сердиться на меня за это не будешь. Обманул бедную девушку?

Алена махнула рукой:

— Она и не сердится. Это я готова тебя убить. — Она насмешливо посмотрела на Гелю:

— Слушай, у тебя спина не чешется?

Геля удивилась:

— А что?

— Да так. Думаю, не режутся ли у тебя крылышки?

Я поднялся:

— Геля, нам пора.

Лена завопила:

— Да вы что, так мне и не расскажете, что тут без меня было?

Я хладнокровно посоветовал:

— Ты Алену расспроси, она тут в эпицентре событий присутствовала.

— Как же, расскажет она, — возмутилась Лена. — Мне теперь хоть помирай от любопытства.

— А ты у своего любимого Осмоловского все узнай, — вкрадчиво сказала Алена. — Вы с ним в последнее время ну о-очень сдружились.

Геля поцеловала девчонок, забрала свою сумку, и мы спустились к машине.

Она устроилась рядом со мной, на переднем сидении.

Несмотря ни на что, настроение у меня улучшилось.

Я спросил:

— Ты и в самом деле вчера поперлась проводить Владку, или это произошло случайно?

— Изысканно выражаешься! — невесело засмеялась Геля. — Просто вчера Илья повел меня знакомиться с сестрой. Но, конечно, никаких откровенных разговоров с ней я не планировала. Я даже не знаю толком, догадывается ли Илья о том, что я с Виктором... Он познакомил нас, потом ушел разговаривать с врачом, а мы остались вдвоем. И вдруг Влада меня спрашивает: «Так вы и в самом деле с Ильей поженились?» Потом она помолчала и говорит задумчиво так: «Значит, у вас с Виктором все закончилось?» Я не стала лгать и изворачиваться. Говорю, да, мол, закончилось. Она видела те фотографии, может быть, нашла их у Виктора, потому что рассмотрела меня и говорит: «А в жизни вы даже моложе, чем на снимках.» И я объяснила ей, что молодость тут вовсе не при чем, что с Виктором мы расстались, наверное, потому что он все-таки любил именно ее, Владу. И посоветовала ей забыть все плохое и попробовать наладить свою семейную жизнь заново. Она сначала не верила мне, но я рассказала ей, как проводила все вечера в одиночестве, рассказала ей о своей неудавшейся поездке в Испанию. Рассказала ей о ссоре, окончательно разбившей наши хрупкие отношения. В общем, когда Илья с врачом вернулись, они увидели, что я плачу, а Влада утешает меня. Тогда мы и договорились, что приедем с Ильей к ней в гости, это действительно не очень далеко от нас. Меня ужасно мучает мысль, что она видела эти карточки и думает, что на них — я!

— Можешь не беспокоиться насчет тех фотографий, — мрачно заметил я. — Влада видела вовсе не их. Кто-то подбросил ей снимки, ни которых были ты и Виктор.

Геля подняла на меня испуганные глаза.

— Не дергайся, там все вполне пристойно. Просто для Влады не должно было остаться никаких сомнений в том, что с Виктором вас связывают настоящие чувства, а не просто

хороший секс. Теперь я понял, почему снимки, которые получил Виктор, так отличались по характеру от тех, что подбросили Владе.

Она искренне воскликнула:

— А я теперь уже вообще ничего не понимаю! Ты догадываешься, кто все это затеял?

— Нет, пока я этого не знаю. Но его портрет для меня приобрел еще одну новую черту: например, знание человеческой психологии, умение использовать какие-то факты в свою пользу.

Геля замолчала, а я задумался.

То, что мы скрыли от Ильи причину болезни Влады, вчера могло закончиться трагедией. Ничего удивительного в том, что он потащил молодую жену знакомиться с сестрой, не было. Конечно, Влада вспомнила и узнала на снимках Гелю. Просто счастье, что все так сложилось! И неудивительно, что Виктор так благодарил Гелю, теперь над ним перестанет висеть дамокловым мечом мысль о том, что Влада может все вспомнить.

— Приехали, — хмуро буркнул я. — Вылезай, пойдем знакомиться.

Геля испуганно глянула на меня:

— Может, не надо? Я и здесь прекрасно подожду.

— Пойдем, пойдем! — затеребил я ее.

Я увидел Нину в толпе приехавших, махнул ей рукой.

Меня опередили: навстречу ей, неуклюже ковыляя, бросился мальчишка лет шести, она присела и обняла его. К ним присоединились две женщины, одна постарше, и вторая, удивительно похожая на Нину, наверное, сестра, решил я. Пока они обнимались, мы с Гелей стояли в стороне.

Наконец, Нина заметила нас, подошла. Я наклонился и поцеловал ее в щеку:

— Вижу, что Петер дурака не валял, а делал все, как надо. Вид у тебя, во всяком случае, совершенно цветущий!

Нина засмеялась и спросила, кивнув в сторону Гели:

— Помирились? А что я тебе говорила? — Она обняла меня за талию и погрозила ей пальцем: — Разве можно такого парня оставлять одного? Уведут, моргнуть не успеешь!

Мы получили багаж, я помог женщинам загрузить его в машину.

Сестра Нины с интересом поглядывала в нашу сторону, и Нина оттащила меня в сторону, быстро сказала, сияя глазами:

— Петер мне сделал предложение. Можешь не верить, но я согласилась! Он обещал договориться с отпуском и приехать за нами.

Я поцеловал ее руку:

— Что ж, кому счастье, как не вам.

Она скосила глаза в сторону Гели:

— Что-то не вижу в твоих глазах особой радости. Опять что-то не так?

Я прижал ее руки, поднес к своему лицу:

— Нина, я тебе потом все-все расскажу, хорошо? Ты мне завтра позвони, я подъеду и заберу документы на оплату лечения, как договаривались.

Уже на ходу я оглянулся и подмигнул ей:

— Не грусти, сестренка! Приедет Петер, еще попразднуем!

Геля помахала им рукой, повернулась ко мне:

— Красивая.

Я согласился:

— Очень. И человек замечательный. Этот мальчишка — ее сын, у него болезнь какая-то сложная. Нужна дорогостоящая операция, пересадка костного мозга. Я обещал помочь.

Геля вздохнула:

— Она тебе нравится?

— Нравится.

— Что-то мне подсказывает, что ты ей тоже очень нравишься. Не стоило тебе уезжать. Может быть, у вас все сошлось бы.

Я упрямо наклонил голову:

— А вот это ты оставь. Нина — замечательная девушка, и может составить счастье мужика, который ее будет любить по-настоящему. А использовать ее в качестве болеутоляющего — извини, просто непорядочно. И, кроме того, она собирается замуж за моего друга. Они там, в горах, познакомились. Я ведь до последнего надеялся, что ты согласишься поехать со мной, и Петеру обещал, что познакомлю вас. Он сначала так и решил, что Нина — та девушка, с которой я собирался приехать. А потом я уж увидел, что Нина ему нравится. Должен же хоть кто-то в мире быть счастливым?

Она неожиданно накрыла мою руку на руле своей.

— Павел, ты прости меня, пожалуйста, прости, если можешь...

Я кое-как съехал на обочину, повернулся к ней.

— Геля, я чего-то не знаю? Что еще случилось?

Она помотала головой, отвернулась, вытерла глаза.

Я подумал, что она рядом со мной, что стоит только протянуть руку...

Полез в карман за сигаретами, вышел на обочину и оперся на багажник.

Через некоторое время ко мне присоединилась Геля.

— Весна... Надо же, она все-таки наступила...

Несмотря на солнечную погоду, ветер был резким, обжигающим.

— Пойдем, а то простудишься, — вздохнул я. — Только этого и не хватало.

Выгрузив снаряжение из машины, я занес его в дом, убрал в кладовую.

Спустившись со ступеней, заметил Равиля, он занимался газоном.

— Здорово. Что-то тебя давно не видно? — спросил он.

— Дела, — пожал я плечами. — Может быть, на эти выходные приеду, не раньше.

Я кивнул на соседний дом:

— Привез Гелю. Ты уж присматривай.

Равиль сощурился, но вопросов задавать не стал.

Я уже собирался уехать, но он остановил меня.

— Слушай, вы, когда с Игорем приезжали, расспрашивали, не ходят ли на озеро посторонние. А я вот вспомнил, что в январе, уже после старого нового года, был тут один парень, расспрашивал, хорошая ли рыбалка, то, да се. Тогда я забыл про это...

— А сейчас почему вспомнил?

— Машина у него приметная. Я в субботу вечером мимо озера шел, там, где летние кафе стоят и пристань, опять видел его машину. Подошел, а в ней никого нет. Машина та же самая, не сомневайся, здоровущий лендкрузер.

Я озадачился:

— Может, хозяева кафе приехали осмотреться перед сезоном?

— Нет, я их всех хорошо знаю. Это чужой кто-то. Номер я на всякий случай записал, отдай Игорю, пусть пробьет.

Он пошарил по карманам, вспомнил:

— В охотничьей куртке оставил. Пойдем, отдам.

Ася вынесла нам куртку, и Равиль передал мне листок из записной книжки с карандашными каракулями.

Я сунул его в карман, пообещав передать Баталову завтра же.

С утра я закрутился. Приехали клиенты, и пришлось битых полдня потратить на них. Не знаю, что бы я делал без Алены!

Потом позвонила Нина. Мы пообедали вместе, она рассказала, что Петер звонит каждый час, уверяет, что скучает.

Я засмеялся:

— Совсем парень от радости с ума сошел! Ты бы уж побыстрее тут разбиралась с делами-то.

Я забрал у Нины договора и реквизиты счета, поцеловал ее и отбыл.

Серьезная, хмурая Алена готовила документы к завтрашней процедуре. Она сердито спросила:

— Где ты пропадаешь? Тебя все уже обыскались. Игорь Баталов — тот даже два раза заходил. — Она оторвалась от клавиатуры и спросила: — Отвез Гельку?

Я кивнул.

Набрал Игоря, но на месте его не оказалось, а перезванивать по сотовому я не стал. Решил, что он зайдет позже.

Листок, который мне отдал Равиль, так и остался лежать в кармане моей куртки.

Уже поздно вечером Игорь позвонил мне:

— Где ты пропадаешь?

— Да так, дела. А что, есть что новенькое?

— Костя встретился со вторым охранником. Помнишь, из той смены, что дежурили в ночь пожара? И тот рассказал любопытную историю. По регламенту, они дважды производят обход территории. Погода в ту ночь была отвратная, мерзнуть никому не хотелось, и все старались шустро обойти маршруты. Так вот, этот парень как раз проверял склады и обратил внимание на то, что одна из дверей была не заперта. Вернее, заперта, но только на обыкновенный английский замок, а перекладина висела свободно, и навесной замок отсутствовал. Существует определенный порядок, но парень замерз, возвращаться ему не хотелось. Он пошарил в карманах и нашел проволочку. Накинул планку, скрутил ее и решил, что утром доложит старшему по смене. А примерно через полчаса после обхода все и началось. Парень догадливый, понял, что в цеху кто-то был, но, сам понимаешь, рассказывать он никому не стал. Во-первых, он сам нарушил инструкцию, а во-вторых, похоже, что это он и запер там тех парней. Правда, обугленные останки нашли не у самой двери, но они могли заметить, что отхода нет, и пытались найти другой выход.

— Он никому об этом не рассказывал?

— Нет. Говорит, и не рассказал бы. Но уж больно подло их всех уволили. У него квартира съемная, и жена недавно родила, деньги нужны. Его сестра работает в бухгалтерии,

она и рассказала ему о суммах страховых выплат. Он хотел сначала идти напрямую к директору, но потом раздумал. Работу он себе нашел, даже получше прежней: охраняет универсам. Говорит, там пересортица всякая, хозяин разрешает выписывать товар под зарплату, и получается даже больше, чем на заводе.

— Правильно сделал, что не пошел: там такие серьезные деньги, что лишние свидетели никому не нужны. Как думаешь, если мы его привлечем к делу, он даст показания?

Игорь задумался, а потом сказал:

— Знаешь, он на меня произвел хорошее впечатление. На рожон не лезет, но и не трус. Думаю, если мы пообещаем ему определенную помощь и прикроем семью, он согласится. Если надо, я сам с ним поговорю.

— Подожди. Думаю, нам надо идти к Виктору.

— А если он и сейчас откажется поднимать дело?

— Мы с ним поспорим, — резко подвел черту я.

Около одиннадцати часов утра, когда день только набирал обороты, я шел по коридору. Зазвонил сотовый. На дисплее высветилось имя Равиля.

— Павел, — тревожно выдохнул он. — Тут у нас непонятные дела творятся. Ты поезжай в поселковую больницу, я туда везу Гелю. А мне надо будет вернуться к озеру, сейчас милиция наедет, нужно будет дать показания.

— Что с Гелей? — заорал я, напугав немолодую тетечку с буклями, сидевшую в кресле, так, что она поджала ноги и прижала к себе сумку.

— Павел, ты особо не дергайся и не гони. Геля цела. Она попала в воду, сильно замерзла. Мы были на пристани, какая-то машина на наших глазах упала в воду, мы пытались вытащить водителя. Я сейчас везу ее в больницу. Все, до связи.

Круто развернувшись, я слетел вниз, к машине.

Уже на выезде из города опомнился, позвонил Илье:

— Там на даче что-то случилось. Какая-то машина свалилась в озеро, почему-то на пристани оказались Равиль и Геля. Они пытались вытащить водителя. Равиль говорит, она цела, но сильно замерзла. Он везет ее в больницу.

Илья тяжело молчал, потом с трудом выговорил:

— Ты где?

— Выезжаю из города.

— Давай, я подъеду в больницу.

Отключившись, я подумал и набрал Игоря. Коротко изложив ему то, что знал, отправил его к пристани. Пусть пообщается с бывшими соратниками по борьбе, а то у них потом хрен чего добьешься.

Конечно, к больнице я добрался первым, значительно опередив Илью.

В приемном покое я навис над столом дежурного врача.

— Громова? Такой больной у нас нет.

Я мысленно выругался:

— Она недавно сменила фамилию. Стрельникова Ангелина Сергеевна.

Женщина укоризненно посмотрела на меня:

— Так бы сразу и говорили. Есть такая больная, полчаса назад определили ее в

отделение патологии беременных. Это вон в том флигеле, — выглянув в окно, она показала в сторону окруженного старыми липами одноэтажного здания.

Около входа во флигель на скамеечках сидели молодые женщины, подставляя солнцу улыбочивые лица. На одной из скамеек пристроилась стайка девушек в белых халатах.

Я подошел к двери, и одна из них окликнула меня:

— Молодой человек! Вы к кому?

— Я ищу Стрельникову, она только что поступила.

— Муж, что ли? — игриво осведомилась одна из девиц.

Я вздохнул, и, приготовившись к насмешкам, ответил честно:

— Нет, просто друг.

Они переглянулись и засмеялись:

— А просто друзей вообще не пускаем. У нас тут строго. Тем более, ей пока вставать нельзя, для ребеночка опасно.

Я смирился:

— Хорошо. А с врачом я могу поговорить?

— Можете, но он как раз вашу подругу смотрит.

Я решил подождать, достал сигареты и закурил.

Девчонки любопытничали:

— А чего это вашу подругу всю мокрую привезли? Разве так можно с беременными обращаться?

Я виновато сказал:

— Я и сам ничего пока не знаю. Мне позвонили, что она здесь, вот я и приехал.

Одна из девчонок спросила:

— Может, вы вещи ее заберете? А то у нас хранить негде, да и вода с них так и течет.

Я кивнул, и она вынесла мне пакет с вещами Гели. Я узнал ее куртку.

Девушка с сомнением посмотрела на мою машину и сказала:

— Ой, извините, у вас такая машина! Я сейчас еще один пакет принесу, чтобы не запачкать.

Несмотря на мои возражения, она умчалась в корпус, через несколько минут вернулась с пакетом.

— Как там врач, не освободился еще?

Она покачала головой, сказала:

— Вы не волнуйтесь, у нас врач очень хороший. Он уже тридцать лет работает в этой больнице, половину поселка на руки принял. У нашего Александра Ивановича рожают даже те, на ком в Москве крест поставили.

Мы вернулись к скамейке.

Девчонки, видевшие нашу возню у машины, кокетливо засмеялись:

— А вы женаты?

Я отрицательно помотал головой, и фигуристая девица с пышными волосами, сидевшая с края, мечтательно спросила:

— А муж у вашей подруги тоже симпатичный?

Они прыснули.

По дорожке ко мне торопливо шел Илья.

Пожав протянутую руку, он спросил:

— Как она?

Я пожал плечами:

— Ее только определили, доктор еще не выходил.

Фигуристая скосила глаза на Илью, спросила:

— Муж, что ли?!

Я утвердительно кивнул.

Она поднялась и громко сказала:

— Вот нет в жизни справедливости: у кого-то и приятель вон какой, и муж. Пойду посмотрю на ваше сокровище, заодно и Александра Ивановича спрошу, может, освободился уже.

Через минуту она выглянула на крыльцо и пригласила нас в ординаторскую.

— ...Так что, молодые люди, никуда я нашу беременную не отпущу. Вы поймите, это не болезнь, это особенность ее организма. И не волнуйтесь, с отрицательным резусом сейчас рожают, это не старые времена. Просто так получилось, что у отца ребенка положительный резус-фактор, он является доминантным по отношению к отрицательному, и, чаще всего, наследуется именно он. Возникает конфликт между материнским организмом и плодом. Знаете, это достаточно редкий случай, чтобы антитела накапливались при первой беременности, вероятность не превышает 10 %. Возможно, сенсibilизация вызвана переливанием крови, медицинской карты у меня нет, поэтому сказать точно никто не сможет. Сейчас есть много препаратов, думаю, что мы справимся с этой проблемой. Конечно, вы можете забрать ее и перевести в какую-нибудь другую больницу, но я бы не советовал затевать переезд именно сейчас. — Он пожевал бесцветными губами. — Нет, не советовал бы. Знаете, и тонус имеется, и стресс вызвал дополнительную психологическую нагрузку. Возможно, что и купание в ледяной воде усилило все неблагоприятные моменты, но только я бы вам посоветовал оставить девушку пока здесь.

Илья, молчавший в продолжение всей речи, поднял на него глаза:

— Доктор, вы даже не знаете, как важно сохранить именно этого ребенка. Я готов подключить любых специалистов, достать и оплатить все нужные препараты, только бы все получилось, как надо. Я хотел бы, чтобы вы уделили моей жене особое, понимаете, особое внимание. И готов его достойно оплатить.

Александр Иванович спокойно улыбнулся:

— Вы уж меня не обижайте: никаких денег мне лично не нужно. А вот если захотите оказать больнице спонсорскую помощь, я познакомлю вас с главным врачом. Но, поверьте, мы и так сделаем все возможное, чтобы ваш маленький появился на свет.

Я вмешался:

— Доктор, мой друг не хотел вас обидеть.

Он улыбнулся:

— Я и не обиделся. Если бы вы знали, как часто я выслушиваю эту фразу: «Как важно сохранить именно этого ребенка!» И я вам даю слово: для меня памятен каждый не то что сложный, те и захочешь забыть, так память не даст, а даже и самые простые случаи. Я помню всех беременных, которые за тридцать лет перебивали в нашей больнице. Вот вы не узнали меня, а я помню и вас, и вашу первую жену. Алла, кажется? Она наблюдалась у нас по поводу бесплодия. Знаете, мы тогда все очень сочувствовали...

Илья резко поднялся.

— Не будем вас больше задерживать, доктор.

Я спросил:

— Когда можно будет увидеть Гелю?

Доктор благожелательно покивал:

— Давайте чуть отложим с визитами. Завтра подъезжайте, думаю, это можно будет устроить. У нас сейчас много пустых палат, что поделаешь, нестабильность жизни не способствует увеличению рождаемости. Устроим вашу Ангелину со всеми удобствами. А сейчас мы ей укольчик сделали, она будет спать. Для нее сейчас это самое важное.

Мы вышли на крыльцо. У Ильи было такое выражение лица, что медсестры смолкли.

Мы переглянулись, я полуутвердительно спросил:

— На пристань?

Пока мы шли к машине, Илья мрачно сказал:

— Знаешь, пусть бы любая другая больница, только не эта.

Он потер рукой левую сторону груди.

Из этой больницы мы забирали сестру. Все произошло неподалеку, и свидетелям аварии удалось довезти Аллу и Илью до больницы живыми, но спасти ее не смогли. Она умерла, не приходя в сознание. Илья полгода ходил просто черный.

Уже подъезжая к озеру, я увидел милицескую «Ниву», УАЗ-469 и темно-синий джип Игоря Баталова. Около выхода к причалу стояли сам Игорь, Равиль и еще два парня. Одного я узнал: это был Саша Новиков, местный участковый, мы иногда вместе рыбачили. «Нива» принадлежала ему.

Еще двое ребят курили около самого берега.

Мы поздоровались.

Саша спросил, ежась от весеннего ветра:

— Как там, в больнице?

Я нахмурился:

— Ангелине сделали укол, нам с ней поговорить не удалось.

Мы переглянулись с Равилем, он еле заметно двинул бровью, поковырял землю носком ботинка и безразличным тоном заявил:

— Да она и не скажет ничего. Мы гуляли по тропинке, уже почти вышли к озеру, когда увидели мелькающую сквозь деревья машину. Она даже не притормозила перед мостками, да и шлагбаум почему-то, как на грех, был поднят. В общем, мы даже не успели крикнуть, как машина свалилась с мостков, проломив ограждение. — Он виновато посмотрел на меня: — Пока я подбежал со своей ногой, Геля уже прыгнула в воду. Я полез за ней, но ты же сам знаешь, какая тут глубина. Там вода пузырями кипела, вещи какие-то всплыли, я попробовал несколько раз нырнуть, только бесполезно все. Я понял, что сделать мы ничего не можем, вытащил Гелю, позвонил Сашке, хорошо, что он тут недалеко был. Он отдал мне свою «Ниву», и я отвез Гелю в больницу, потому что она вся скорчилась и дрожала сильно, а до дома и до больницы отсюда почти одинаково. Сашка остался здесь, вызвал ребят. Вот, ждем водолазов и кран.

Я кивнул.

— Я попросил Асю собрать и отвезти Геле все, что ей может понадобиться. Не волнуйся, она все сделает, как надо. У нас гостит ее сестра, она побудет с детьми.

Илья промолчал, а я огляделся по сторонам: полное безмолвие и запустение. По

крайней мере, еще с месяц сюда никто не приехал бы. Хозяину машины здорово повезло, что Равиль и Геля оказались тут. Конечно, проломленные мостки вызвали бы вопросы, и машину, в конце концов, обнаружили бы, но гораздо позже. Меня очень интересовал вопрос, какого черта тут делали Геля и Равиль. Идти отсюда пешком до нашей дачи — минут двадцать пять — тридцать, не меньше. Геля так далеко никогда не уходила, предпочитая тропинку, которая вела совсем в другую сторону. Да и далековато для простой прогулки. И чего с ней поперся Равиль? Я посмотрел на участкового и подумал, что отложу свои вопросы до того времени, как мы останемся одни.

Мы постояли в стороне, тихо переговариваясь.

Игорь кивнул мне головой, и мы пошли вверх. Дорога здесь шла под уклон, на взгорке был еще один шлагбаум. Мы подошли ближе.

Замок шлагбаума был сбит, неподалеку валялась мотировка. На непросохшей земле явственно отпечатались следы протектора. Мы переглянулись, и Игорь шагнул на обочину. Он нагнулся, нашарил что-то в траве, положил в карман.

Молоденький милиционер сердито окликнул нас:

— Не ходите нигде, пожалуйста. А то сейчас приедет капитан, будет ругаться.

В этот момент на дороге появился джип, за ним следовал фургон, и Саша облегченно сказал:

— А вот и капитан, водолазов привез.

Через несколько минут подъехал автокран. Пока рабочие выставляли кран, пока водолазы подготавливали свое снаряжение, мы окончательно замерзли. Я залез в машину, включил печку. Игорь присоединился ко мне.

Я вопросительно посмотрел на него, и он вынул руку из кармана и разжал ладонь: на ней лежала довольно дорогая зажигалка. Изящная монограмма из перевитых букв «В» и «О» позволяла предположить у ее владельца хороший вкус.

— Владимир, Олег? — предположил Игорь.

— Ага. Или Виктор Осмоловский. — Я забрал зажигалку с его ладони и сунул в карман.

— Я так понял, с органами ты трофеем делиться не думаешь?

— А зачем? Только лишние базары. Посмотрим, как все пойдет.

К нам присоединился Илья.

— Какого черта мы все тут сидим? И что за дело нам до этого утопленника?

Игорь покачал головой:

— Не скажи. Что, у Ангелины и Равиля в обычае заведено разгуливать по лесу? Что-то тут не то. Давай все-таки подождем.

Компания на берегу перешла на мостки, капитан с берега дал отмашку, и через несколько минут из воды показалась крыша машины, потом ее капот.

Я мельком глянул на Илью и вдруг заметил, как у него отвисла челюсть. Перевел взгляд на поднятую над водой машину и громко выругался.

Это была машина Марины Проскуриной, никакого сомнения.

Мы рванули дверцы и вылетели. Дружно топая, сбежали к воде. Капитан недоуменно глянул на нас, но нам уже было решительно наплевать на все.

Едва стрела крана повернула к берегу, мы, уже не остерегаясь грязной воды и ила, ручьями текшего нам на ноги, рванули дверцы.

Марина сидела на водительском сидении. Мы попытались вытащить тело, и неожиданно обнаружилась странная и страшная вещь: Она была привязана к переднему

сидению широкими полосами какого-то непонятного материала. Впрочем, материал этот буквально расползся под нашими руками, развязывать ее не пришлось.

Мы уложили ее на траву, я наклонился и отвел от лица прядь волос. Видимо, от пребывания в холодной воде ее лицо уже побледнело, и черты его заострились.

Игорь обреченно сказал:

— Я звоню Виктору Иосифовичу.

В поселок я попал уже ближе к утру.

Долго и нудно у нас всех снимали показания. Хуже всех пришлось Илье: он не стал скрывать, что недавно женился, и что перед этим почти полгода Марина фактически была его официальной любовницей. Он еще отвечал на вопросы, по минутам расписывая свой день, а нас отпустили.

Пришлось вместе с Виктором ехать к матери Марины. Мы позвонили ей снизу, и она вышла к лифту, кутаясь в шаль, уже понимая, что ничего хорошего ее не ждет. Мне удалось пробиться сквозь ее оцепенение и горе, я узнал адрес ее сестры, отправил за ней водителя Виктора. Мы ушли, оставив двух немолодых уже женщин вместе прожить самую страшную первую ночь.

О том, как и, главное, зачем Марина оказалась на берегу озера, мать не знала. Утром она прилетела из Австрии, была веселая, привезла подарки и сувениры. Почти сразу уехала на работу, и домой больше не возвращалась. Нет, никому не звонила, сказала, вроде сюрприз хочет сделать.

Когда мы спустились к машинам, я протянул Виктору зажигалку:

— Не твоя?

Он удивился:

— Нет, у меня такой никогда не было. Наверно, случайно совпали инициалы.

Он полез в карман и достал стильную черную зажигалку с золотым ободком:

— Вот, у меня своя. — Вяло поинтересовался: — Где ты ее нашел?

— Там, у дороги на озеро.

Он еще раз посмотрел на зажигалку:

— Я никогда даже не видел ее.

Проезжая мимо больницы, я обеспокоился. На часах было шесть часов утра, но в трех окнах горел свет.

Я, не раздумывая, оставил машину на стоянке, перемахнул через заборчик и через полминуты уже обходил здание больничного флигеля, заглядывая в окна.

Неожиданно от стены отделились две тени, и в утреннем сумраке я узнал Игоря и Равиля.

Игорь пробурчал:

— Тихо, топаешь, как слон.

— Вы чего тут? — изумился я.

Игорь мрачно сказал:

— Береженного бог бережет. Сам знаешь, свидетелей у нас не любят. Вот мы с Равилем и решили переночевать тут. А ты чего с утра пораньше подъехал?

— Ехал мимо, гляжу — свет горит. Дай, думаю, посмотрю, чего они не спят с утра.

— А, это у медицины пересменка, — пояснил Равиль.

Я тихо спросил его:

— Расскажи, как вы там, у озера, оказались. Правда, что ли, гуляли?

Он искоса глянул на меня.

— Гуляли, как же! Я возился в лодочном сарае, вдруг смотрю — наша Ангелина куда-то чешет по тропинке, да быстро так. И на часы поглядывает. Уж не знаю почему, но решил я за ней пройти. Вспомнил я ту машину, что на днях видел, беспокоило мне стало. Ты, кстати, узнал, чья она?

Я виновато схватился за карман:

— Черт! Ведь собирался Игорю отдать листок, да завертелся.

Я нашарил бумажку и отдал нахмурившемуся Игорю. Он посмотрел на часы и вздохнул:

— Рановато для звонков. А что за машина?

Равиль пояснил:

— Да еще зимой тут парень появлялся, ходил около озера. А недавно я опять машину эту видел, приметная она, вот и запомнил. Может, и ни при чем она здесь, а только проверить надо.

Я перебил:

— Ты дальше рассказывай.

— А дальше ты и так знаешь. Машина эта в воду ухнула, Геля за ней.

Игорь задумчиво спросил:

— Они что, знакомы были с Мариной?

— Понятия не имею, — искренне ответил я. — Она никогда о Марине не упоминала. Надо спросить Илью, может, он знает. Все-таки с Мариной он довольно много времени проводил вместе. Вот, правда, не припомню случая, чтобы он ее, Марину, на дачу привозил.

Равиль подтвердил:

— Никогда и не привозил. — Он убежденно покачал головой: — Знакома или незнакома, а только Геля к озеру не просто так шла. И переживала так, потому что знала, кто в машине был.

Над нашими головами распахнулось окно, и выглянула Геля. Она сердито прошептала:

— Т-ш-ш! Побудите всех!

Я удивился:

— А что, так слышно?

— Конечно, слышно! Медсестра мне сказала, что ты под окнами всю ночь просидел.

Я гневно возразил:

— Это клевета! Я вообще только сейчас пришел.

— Ну, значит, твои дружки тут шумели. Вам что, дома не спится?

Игорь и Равиль виновато переглянулись.

Неожиданно Геля прислонилась к оконному переплету и спросила:

— Достали ее? — и тихо заплакала.

Игорь кивнул:

— Достали. Это с ней ты собиралась встретиться, там, у озера?

Геля вытерла глаза.

— Нет, не совсем. Я с Мариной давно знакома была, но не знала, что она — дочь Виктора. Она сменила фитнес-центр, и мы с ней попали в одну группу, даже пару раз в кафешку ходили. Так, особой дружбы и не было, а уж как потом у меня все закрутилось, так я про нее и не упоминала. А вчера, часов в двенадцать, вдруг зазвонил телефон. Я не узнала

ее сначала, так она сразу представилась. Чтобы я не удивлялась, сказала, что знает этот телефон, еще сказала, что Осмоловский — ее отец.

Игорь уточнил:

— Так и сказала: Осмоловский?

Геля кивнула.

— Марина очень нервничала, сказала, что ей нужно со мной встретиться. Сказала, что боится, я ей не поверю. Она попросила, чтобы я через полчаса подошла к пристани, только не к той, что у нашей дачи, а дальше по берегу. У нее там назначена встреча, и Марина хотела, чтобы я на этой встрече присутствовала. Говорит, только сразу не подходи, присмотрись, что к чему. Она еще добавила, что это очень важно для меня и для моего ребенка.

Игорь сердито сказал:

— И ты купилась на эту ерунду и пошла? Почему не сказала Равилю, или не позвонила Илье или Павлу?

— Марина особенно просила никому и ничего не говорить. Сказала, что я могу и не приходить, но тогда я никогда не узнаю, кто послал Виктору и Владе те фотографии. И я решилась. Времени у меня особо не было, я шла довольно быстро, и не слышала шагов Равиля. Впрочем, с Мариной я так и не увиделась, и тайн никаких не узнала.

Неожиданно из-за угла вышла вчерашняя моя фигуристая знакомая.

Она возмутилась:

— Как?! Еще два друга?!

Геля смутилась:

— Вера, да они уже уходят.

Та возмущенно сказала:

— Скажите спасибо, что Александр Иванович вас тут не видел! Задал бы и вам, и мне Кому он лежать велел?

Геля махнула нам, прикрыла окно.

Игорь вкрадчиво спросил:

— Вера, только не говорите мне, что вы здесь работаете. Ваше место — на подиуме. Разве можно скрывать такую красоту?

Вера поплыла.

Игорь взял ее под руку и повел, не переставая говорить. Перед тем, как свернуть за угол, он повернулся и подмигнул мне.

Я тихо позвал, и Геля выглянула.

Равиль кашлянул и отошел в сторону.

— Может, принести тебе чего-нибудь? — спросил я. — Соки, или там фрукты всякие?

— Ася мне все принесла. И телефон свой оставила, мой-то после купания не работает. Хотя, Павел, — попросила она, — принеси мой ноутбук, пожалуйста. Он в спальне, на втором этаже.

Я спросил:

— А тебе можно работать?

— Конечно, можно. — Она подумала и неуверенно сказала: — Кажется, нам с тобой надо поговорить.

Я хмуро глянул на нее и насупился:

— Будешь гнать — все равно не уйду.

Геля удивилась:

— С чего это мне тебя прогонять? Я просто хочу тебе кое-что показать и посоветоваться.

Я обрадовался:

— Договорились!

Посоветовавшись в машине с возвратившимся Игорем, мы решили глаз с Гели не спускать. Игорь остался в своем джипе на площадке:

— Буду контролировать окно.

— Ага, а вдруг кто-то войдет обычной дорогой, через дверь?

Игорь довольно махнул рукой:

— Я там оставил своего человека. Объяснил, что мы проводим важную операцию. Видимо, был достаточно убедителен, потому что мне обещали оказать содействие. — Он глянул на часы: — Вера дежурит до трех, так что вам придется меня к этому времени сменить. Я обещал отвезти ее домой.

Уже усаживаясь в машину, я напомнил:

— Проверь владельца машины. Вдруг какая-то зацепка?

Игорь кивнул:

— Само собой. Я перезвоню попозже, как будут результаты.

Илья хмуро посмотрел на нас.

— Так, мужики. Я вам не капитан милиции, и по ушам мне ездить не надо. Что там, у озера, произошло на самом деле? Почему вы с ней там оказались?

Мы с Равилем переглянулись.

— Вокруг Гели творится что-то неладное, — попытался объяснить я. — . Пару месяцев назад за ней кто-то следил, причем не просто так, а с использованием техники. В ее квартире сделали довольно интересные фотографии, подбросили их Виктору в кабинет, спровоцировали его ссору с Гелей. Потом кто-то, предположительно, один из тех, что следили за ней, подбросил ее с Виктором снимки в его квартиру. Это и вызвало такой сильный приступ у Влады. Я понимаю, ты не мог знать этого, ни я, ни Виктор тебе ничего не рассказывали, и потащил Гелю знакомиться с Владой. Все могло кончиться трагедией.

Илья потянулся за сигаретами.

— А ведь Геля мне так и не рассказала тогда, почему плакала. — Он пояснил: — Я оставил их вдвоем, а вернулся от врача — смотрю, Геля плачет.

— Влада ее узнала, и Геля объяснилась с ней. Виктор благодарен и тебе, и Геле, что так все произошло. Знаешь, жить под угрозой разоблачения — это не каждому понравится. Я произвел кое-какие движения, и примерно выяснил, откуда взялись эти ребята. Есть одна фирма, занимается выполнением определенных поручений. Есть мысли, что они связаны с одним нашим клиентом, поэтому пока я предпринимать ничего не стал. А в последнее время даже думал, что все прекратилось. Так что вчерашние события для меня — как снег на голову.

Равиль вставил:

— Павел поручил мне присматривать за Гелей. Вчера я, действительно, возился в лодочном сарае. В открытую дверь увидел, что Геля куда-то торопливо идет. На прогулку это было непохоже, и выражение лица у нее было совсем беспокойное. Я пошел за ней. А

дальше все, что я рассказал — правда.

Илья испытующе посмотрел на меня:

— И ты не знаешь, зачем Геля шла на ту пристань? Там зимой совершенно безлюдно. С кем-то хотела встретиться?

Я вздохнул:

— Марина сама ей позвонила, объяснила, как идти к пристани, и попросила быть там через полчаса. Говорила, что это очень важно для самой Гели.

Илья побледнел и замер с сигаретой в руках:

— И Геля потащилась на такую встречу, даже не предупредив никого?! Сумасшедшая девчонка!

Наш разговор прервал звонок Игоря. Бессонная ночь давала о себе знать: пару секунд я щурился и соображал, в каком кармане у меня телефон.

Игорь сердито спросил:

— Спите вы, что ли?

— Что, есть новости? — поморщившись, перебил я. Пожаловался: — Голова, как чугунный котел, так что рассказывай толком.

— Ничего, сейчас я тебя вылечу. Нашлась машина, и хозяин нашелся, только в голове у него дырка, и спросить его теперь ни о чем уже нельзя. Под утро его обнаружили застреленным недалеко от московской кольцевой, в перелеске. А для большего болеутоляющего эффекта я тебе скажу, как его зовут: машина зарегистрирована на нашего знакомого, по имени Олег Косовец. Выходит, не менял он фамилию, когда на работу устраивался.

Я молчал, и Игорь попросил:

— Пусть Равиль меня сменит, пока здесь все тихо. А я проедусь по старым друзьям, подниму связи. Не простое дело-то выходит!

Я передал Илье и Равилью то, что услышал от Игоря.

— Черт, скольких несчастий можно было избежать, если бы я вовремя отдал листок! Может, и Марина была бы жива, и мы сейчас не сидели бы в потемках. Надо искать второго парня, пока его тоже не грохнули.

Я повернулся к Равилью:

— Смени Игоря, пожалуйста, и, заодно, передай Геле ноутбук. Я пару часов посплю, а то в голове как будто колокол гудит.

Впрочем, сразу улечься не получилось: пришел Равиль. Хмуро посмотрел на меня, протянул пачку фотографий. От пребывания в воде они покоробились, но выглядели вполне сносно. Все тот же парень, и та же девушка, только на некоторых фото было видно ее лицо. Оказалось, что она совсем не похожа на Гелю.

— Откуда? — спросил я Равиля, перебирая снимки.

— Ты вчера передал пакет с вещами Гели, Ася взялась его разбирать. Сумка, которая там была, тоже вся промокла насквозь. Ася сказала, что никогда не видела у Гели такую. Думаю, что это сумка Марины. — Он кивнул на фотографии: — Похожа. Я сначала так и подумал, что это Геля, но потом присмотрелся...

— Что еще было в сумке?

— В конверте с фотографиями были еще какие-то карточки, вроде кредитных, косметика, немного денег. Ни документов, ни записок, ничего такого.

Я отправил его к Игорю, а сам сходил к Асе, забрал сумку.

Ася с тревогой смотрела на меня, и я ободряюще кивнул ей:

— Не переживай, все образуется.

Забрав сумку, я вернулся к себе, позвонил Игорю:

— Марина сменила в этом году фитнес-центр. Попробуй узнать в банке, у сотрудниц Марины, какой фитнес-центр она посещала в прошлом году, покажи там фотографии из квартиры Гели.

Я зашел в спальню, улегся на постель, не раздеваясь.

Мне казалось, что я спал всего несколько минут, и звонок телефона я услышал не сразу.

Алена взволнованно спросила:

— Где Геля? Ее телефон не отвечает. Ты, конечно, знаешь про Марину Проскурину? У нас сегодня только и разговоров! А мы с Ленкой сходим с ума, где все. Ни тебя, ни Игоря, ни Осмоловского на работе нет, и Илья в банк не приезжал.

— Марина утонула. Упала в озеро вместе с машиной. А Геля уронила свой телефон в воду, ей Ася свой пока дала.

Алена с облегчением выдохнула:

— Вот растрепал! То теряет, то в воду роняет. Где она сама-то?

— У нее со здоровьем какие-то проблемы обнаружили, врачи уложили ее в больницу. Может, это пока и к лучшему.

Алена протянула:

— Что делается...

Я дал ей новый номер Гели, и она отключилась.

Спать мне уже расхотелось, я глянул на часы: ого, уже почти двенадцать!

Почти сразу после этого мне позвонил Игорь:

— Нашел я нашего красавчика, даже поговорил с ним. Натуральный павлин! Он особо и не конспирируется. Заказывала фотосессию Марина, она же подыскала ему партнершу для съемок. Платила сама. Кстати, деньги дала хорошие, потому что павлин этот признался: «За такие бабки не то, что с девушкой, с юношей сняться можно!»

— Так что, это она сама все организовала? Не думаю, что она ревновала отца к Геле, не такие у них были отношения. Она ведь и фамилию себе взяла материнскую, назло ему.

— Ну, зато от помощи папашиной не отказывалась, денежки принимала: вон у нее машина какая. И на работу пришла к папе в банк!

— Ну, это ты не говори так. Там целая семейная история. Виктор разошелся с первой женой, кстати, из-за Влады, и его отец несколько лет с ним не разговаривал. Зато общался с первой женой и, говорят, очень любил внучку. Умер он скоропостижно, прямо на работе. Проблемы с сердцем — это у них семейное. Упал лицом в документы, и все. Завещания он не оставил, и все перешло Виктору. Поэтому, я думаю, Виктор не отказывает в денежном содержании первой жене, да и Марина имела все и всегда по первой просьбе.

— А как тебе такая версия: она узнала, что у отца молодая любовница, испугалась, что та может родить ему наследника, и тогда в лучшем случае, придется делиться, а в худшем — все достанется ему? В таком раскладе все хорошо укладывается: и попытка рассорить отца с любовницей, и организация скандала в семействе. Небось, она-то про приступы Влады хорошо знала?

— А кто же ее тогда убил? Подельник? Может, обещала чего, да не поделилась? Марина — баба крученная. Похоже, он ее дождался около шлагбаума, оглушил, привязал к сидению — и концы в воду. Если бы не Геля, ее обнаружили бы только спустя какое-то время, бумажные

ленты давно растворились бы. В легких, думаю, найдут воду, он ее, скорее всего, задушил не до конца. Короче, несчастный случай, да и только.

Игорь недоверчиво помолчал, потом спросил:

— Зачем она вызвала туда Гелю? Понимаешь, ей хотелось показать этого человека Геле.

— Значит, Геля должна была увидеть этого человека? И узнать?

Игорь подвел черту:

— Мы снова возвращаемся к тому, что есть и организатор всего этого. Он ходит все время рядом с нами. — Он предложил: — Знаю, что ты — не сторонник того, чтобы втягивать в личные дела милицию, но у нас уже два трупа на руках...

— Почему — два? Еще никто не связал убийство Косовца и смерть Марины. — Я с надеждой спросил: — Может, они и не связаны вовсе? Парень он мутный, мало ли кто и за что мог его грохнуть? Мог, например, его приятель постараться, чтобы не пришлось делиться гонораром.

— Может, и так. Только я позвонил Геле и спросил, не видела ли она у Виктора зажигалку с монограммой? И знаешь, что она мне ответила?

— Да не тяни ты! — заорал я.

— Ответила, что такую зажигалку приготовила Виктору в качестве подарка к какой-то памятной дате, да вручить не смогла: началась вся эта бодяга с фотографиями. Уверяет, что зажигалка осталась в квартире.

— А взять ее мог и Виктор, и Олег Косовец, и его приятель со шрамами. Правильно?

— Правильно. Я нашел ее как раз в траве возле шлагбаума. Похоже, они боролись, и убийца выронил ее.

— Да, или специально оставил, чтобы навести нас на Виктора.

Пришел Илья. Выглядел он неважно, и я налил ему виски.

— Что там Виктор? — спросил он. — Когда похороны?

Я пожал плечами:

— Там занимаются. Мы с ним вчера ездили к его бывшей жене. Знаешь, он очень прилично держится.

Илья хмыкнул:

— А чего ему нервничать?

— Не нравится мне твое настроение. Марина была все-таки его дочерью.

Илья уселся в кресло, протянул руки к пачке фотографий на столе:

— Не возражаешь, если я посмотрю?

Однако внимание его привлек прямоугольник кредитной карты.

Я заметил, как он сощурил глаза:

— Откуда?

— Это было в одном конверте с фотографиями. Две кредитные карты.

Он вынул из кармана телефон, нажал кнопку и отрывисто приказал:

— Иван, посмотри мне карточку. — Отключившись, он помолчал, а потом сказал насмешливо: — Половину загадки про пропавшие два миллиона можешь считать разгаданной.

Я молча смотрел на него.

— Это — не кредитка, это карточка с электронной подписью. Уверяю тебя, на ней окажется подпись Осмоловского. Как Марина сделала ее, ума не приложу: она работает у

нас всего два года, и доступа к таким вещам не имеет.

— Почему ты так уверен, что это именно карточка с его подписью?

— Потому, что другая карточка — действительно кредитная, одна из тех, через которые проходили платежи в ту пятницу. Денег на ней нет, но именно через нее транзитом перечислялись деньги.

— А где же сами деньги?

Он засмеялся.

— А вот это вторая половина загадки. Но ясно, что Марина имела к этому непосредственное отношение. Жаль, что она уже ничего не сможет рассказать. Судя по этим снимкам, в истории с Гелей она тоже была замешана. Знать бы, кто стоит за всем этим? У Игоря нет каких-нибудь соображений?

Я пожал плечами.

— Игорь советует мне изложить все это в милиции.

— А ты?

— А я думаю, что со стороны все это выглядит, как в плохом бульварном романе: ревность, наследство, утопленница, пропавшие деньги. — Я вспомнил, что Алена говорила примерно об этом, добавляя ко всем атрибутам еще и похищенную красавицу. Неожиданно я подумал, что Равиль давно мне не звонил, отчаянно перепугался и трясущимися руками достал телефон.

Равиль сразу ответил. Все тихо, солнышко светит, беременные девицы чинно гуляют во дворе, — в общем, тишь да гладь. Чистый санаторий, а не пост!

Я пообещал, что подъеду сменить его, и он обрадовался. Видно, занудился сидеть в машине.

Илья с любопытством прислушивался к нашему разговору.

Не вдаваясь в подробности разговора, я вернулся к тому, почему не хочу обращаться в милицию.

— Зарплата у ментов маленькая, начальников много, дома жены пият за то, что денег нет, и за то, что пропадают где-то целыми днями, у родителей пенсия копеечная, дети — двоечники — а мы к ним попремся со своей занимательной историей. Да они нас на смех поднимут! Самим надо разобраться.

— Ну, ну. — Илья покивал, посидел еще немного и ушел к себе.

Я подъехал к больничной решетке. Равиль уехал, довольный тем, что его сменили. Оставшись один, я включил «Русское радио» и молча слушал музыку и треп ведущих.

Смеркалось. К вечеру похолодало, и я подумал с тоской: «Господи, когда же наступит лето?» Ухоженный парк при больнице опустел, окна палат засветились. Задержавшиеся посетители и персонал спешили домой. Кстати, Веру я не заметил. Наверно, пропустил, или она ушла раньше, подумал я.

Вышел размять ноги, закурил.

Уже через минуту от моего благоразумного решения к окну не подходить и с Гелей не разговаривать не осталось ровно ничего. На смену пришло просто непреодолимое желание увидеть ее, хотя бы через стекло.

Какого черта! Она ведь сама просила, чтобы я пришел, хотела мне что-то показать.

Я отбросил сигарету и решительно перепрыгнул через решетку.

Стараясь не шуметь, я тихо прошел по бетонной дорожке вдоль дома прямо к нужному

окну.

Окна первого этажа находились довольно далеко от земли, но мне повезло: рядом находилась лестница, ведущая к чердачному окну. Я взобрался по ней, и шагнул на широкий подоконный отлив.

Почти сразу же распахнулось окно, и встревоженный голос Гели сердито сказал:

— А как все люди, через дверь, ты, конечно, войти не мог. Чего так поздно-то?!

Я спустил ноги в комнату и огляделся: обычная двухместная больничная палата, правда, очень чистенькая, видно, недавно делали ремонт. Впрочем, Геля обладает удивительной способностью организовывать вокруг себя пространство, сообщая ему уют и придавая домашний облик. Вот и сейчас, одна из кроватей накрыта пушистым пледом, мягкий свет настольной лампы освещает поверхность низенького столика, накрытого льняной салфеткой, чашку чая, тарелочку с кексом, рядом на блюде золотится лимон.

Видимо, перед моим приходом Геля работала: экран ноутбука мерцает, а рядом лежат какие-то листки, ручка.

Геля внимательно и молча смотрела на меня.

Я неопределенно кивнул в сторону:

— Хорошо тут у тебя, тихо.

Она пожала плечами:

— Ну, шуметь тут некому. Девчонки почти все на выходные по домам разъехались, остались я да еще человек пять, их Александр Иванович не отпустил.

— Не скучаешь одна? Может, тебя тоже можно забрать?

Она подняла на меня глаза, и заморгала, пытаясь удержать непролившиеся слезы.

Сглотнула, помотала головой:

— Нет, мне нельзя.

Я шагнул к ней, уже и не поминая свои обещания, прижал голову к себе, и она влажно задышала. Умом я понимал, что надо остановиться, и как-то прекратить все это, но ничего не получалось.

Я целовал ее соленые и влажные губы, и, честное слово, она мне отвечала.

Не знаю, до чего бы я мог дойти, но Геля неожиданно пришла в себя. Она отстранилась и шагнула назад.

Хрипло сказала:

— Подожди, Павел. — Постояла, отвернувшись, несколько секунд. Когда повернулась ко мне, лицо ее было спокойно. Плакать она перестала, и я огорчился, что она так быстро успокоилась. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я кивнул, уселся на свободную кровать.

— Хочешь чаю? — буднично спросила Геля, как будто мы по-прежнему находились в нашем кабинете.

Я отрицательно помотал головой, не решаясь заговорить. Мне казалось, что голос выдаст меня.

— А я выпью.

Геля уселась на плед, и я порадовался тому, что она не под села ко мне. Впрочем, это мало помогло: с моего места теперь были видны ее ноги в смешных домашних тапочках с помпонами.

Перехватив мой взгляд, Геля пояснила:

— Это Асины вещи. Джинсы здесь носить не разрешают, а халатов у меня сроду не

было. — Она грела руки о чашку, собираясь с мыслями.

Я кашлянул, заговорил, пытаюсь помочь ей:

— Ты хотела мне что-то показать?

Она подняла на меня глаза, нервно заправила волосы за ухо:

— Ну, да. Павел, я сегодня сделала два звонка, и теперь, как мне кажется, я знаю, кто может стоять за всем тем, что происходило с нами. Ты мне, я думаю, не поверишь, а доказательств у меня никаких нет. Мало того, те умозаключения, с помощью которых я пришла к своему крайне неприятному для меня открытию — при внимательном рассмотрении могут оказаться просто цепью ничего не значащих фактов и событий. Тогда я окажусь не просто полной дурочкой, но еще и неблагодарной дрянью.

Я недоверчиво спросил:

— Ты хочешь сказать, что знаешь заказчика всех этих мероприятий?! И кто же это?

Она отхлебнула чай, надолго замолчала. Потом жалобно посмотрела на меня:

— Нет, не могу. Послушай, давай попробуем иначе. Я расскажу тебе то, что рассказала только одному человеку, а ты сам попробуешь сделать выводы. И, если мы придем к одному знаменателю, значит, так оно и есть и невозможное возможно.

Я заверил ее:

— Весь внимание.

— Сначала я расскажу тебе кое-что странное из того, что происходило лично со мной. Ну, то, что за мной следили, бывали в моей квартире и трогали мои вещи — это факт уже доказанный, и вопрос моего сумасшествия снимается с повестки. А вот как тебе такое: накануне отъезда на дачу мне позвонила сестра, очень ругала меня, что я лично не предупредила Клару Ильиничну о том, что собираюсь начать размен, зачем-то сменила замки в квартире. Я пыталась ей сказать, что в квартире поселился племянник соседки с компанией бомжей, в квартиру я еле попала, так как новых ключей и у меня не было. Татьяна искренне изумилась. Она была с этим племянником, оказывается, знакома, еще по литкружку, уверяла, что ничего подобного с ним произойти не могло. Мало того, она через несколько минут мне перезвонила и сердито сказала, что это — совершенные глупости, Венька по-прежнему пишет стихи, кстати, очень неплохие, уже директорствует, недавно женился и сейчас не отходит от беременной жены. Вот так. Кому могла понадобиться такая смешная мистификация?

— Понятия не имею, — искренне удивился я. — Может быть, кому-то хотелось окончательно устранить тебя, отправить в Америку, к сестре, например?

Она потерла лоб.

— Ты ведь помнишь совет Алёны? Ну, она еще посоветовала мне попробовать написать детектив, включив в него частично те события, что происходили с нами в течение последних недель или месяцев. Так вот, я продумала основную сюжетную линию, прописала некоторые моменты. Главные персонажи у меня уже были: управляющий страховой компанией, давно и прочно женатый на держательнице пакета акций, его заместитель — просто очень хороший парень, молодая девушка, у которой бурный роман с управляющим, парочка второстепенных персонажей, охранники и служащие компании. Потом я добавила к ним молодого амбициозного управляющего банком, потерявшего за два года до этого в аварии жену и нерожденного ребенка. В новый роман вошла стильная молодая леди, оказавшаяся дочерью управляющего компанией от первого брака. Я так и этак перетасовывала своих героев, и никак не могла решиться на то, чтобы выбрать главного злодея. По понятным мотивам,

вначале меня переполняли ревность и обида, и один из вариантов развития событий предусматривал в качестве организатора всего самого управляющего. Потом возникла версия о том, что основным двигателем интриги была дочь управляющего. Потом я хотела по очереди отвести эту почетную роль сначала его жене, потом его заместителю. Да, не обижайся, но такой вариант тоже был. Все эти люди, как выяснилось, тоже были в курсе любовной интрижки управляющего, и каждого из них, правда, по разным основаниям, счастливый конец «лавстори» не устраивал.

Геля иногда замолкала, подыскивая нужные слова, я ее не перебивал.

— Я ведь тебе рассказывала, что нашла на форуме читательницу? Так вот, мне захотелось посоветоваться с ней. Я направила ей электронное письмо с различными вариантами событий. Мы обсуждали версии, обе предлагали доводы то в пользу одной версии, то другой. Вчера днем, по понятным причинам, мне с ней связаться не удалось, а вот сегодня Равиль привез мне ноутбук. Утром я описала ей все случившееся на озере, и уже к обеду получила ответ. Она сложила все факты, и выдвинула версию, которую мог придумать только человек, взгляд которого не замутнен чувствами любви и давней дружбы, вины и благодарности. — Она подняла голову. — Сначала я отбросила ее, как совершенно абсурдную. Потом вернулась к ней, и она мне уже стала казаться не такой уж и невозможной. Тогда я и сделала два звонка, после которых мне неуютно жить на этой планете.

— О, Господи, Геля, ты меня пугаешь! Что могла придумать посторонняя любительница детективов, чтобы так напугать и расстроить тебя! Не иначе, как предложила увековечить твой собственный образ в роли маньяка!

Моя попытка перевести все в шутку закончилась плачевно: Геля поднесла руки к лицу и опять влажно задышала.

Я отнял ее руки от лица, и не было больше никакой возможности оторваться от ее солоноватых губ и мокрых ресниц. Геля попыталась освободиться, но я не отпустил ее.

— Не надо, Павел! Я столько всего натворила! Я сейчас просто не могу тебе все рассказать, мне самой нужно время, чтобы все осознать.

Я обреченно вздохнул, упершись подбородком в ее пушистую макушку.

— Я буду ждать, сколько надо. Может быть, ты позволишь мне поговорить с Ильей?

— Нет, нет, — она замотала головой, — я сама с ним поговорю!

Неожиданно в коридоре раздался шум и в комнату, спиной вперед, ввалилась Вера. Она пыталась преградить дорогу Алене и Лене, а за ними я неожиданно увидел Илью и Антона.

— Вы понимаете, что вашей подруге нужен покой?! Она плохо себя чувствует, имейте же совесть! — Она повернула голову, увидела нас и замерла. — Нет, и в окна, и в двери!..

Илья хладнокровно отстранил ее и вошел:

— Насколько я могу судить, чувствует она себя неплохо.

Группа гостей живописно замерла у двери. В сложившейся ситуации Вера предпочла сказать сердито:

— Завтра же пожалуюсь Александру Ивановичу! Завели моду шляться на ночь глядя! — и поспешно ретировалась.

— Извини, Павел, что помешали. Подруги Гели убедили меня в том, что им обязательно нужно увидеться с ней. Пришлось согласиться, и привезти их сюда.

Я опустил руки, но от Гели не отошел.

Алена и Лена, перебивая друг друга, заговорили:

— Ты, Гелька, сама виновата! Перепугала своими расспросами Ирину Тимофеевну, а она запугала нас. Все, и у нас, и в банке, уверены, что Марину Проскурину убили. Ну, так Ирина Тимофеевна уверяет, что, если уж Марина была там при делах, то замешаны серьезные деньги. И еще она сказала, что боится за тебя, и мы с Ленкой все обдумали и решили, что тебя нужно караулить по очереди. Мы уговорили Антона, и он привез нас.

Я посмотрел на Антона, тот только плечами пожал. На его лице было написано: «Попробовал бы ты их удержать!»

Илья насмешливо прокомментировал:

— Честно сказать, караульщиков у нас — хоть отбавляй. Поговорить с собственной женой вообще не представляется возможным.

Геля, молчавшая все это время, посмотрела на него:

— А поговорить нам надо. — Илья, все с той же усмешкой на лице, шутливо раскланялся, но сбить ее с серьезного тона ему не удалось. — Я сегодня звонила не только Ирине Тимофеевне. У меня появились вопросы, которые я хотела бы прояснить.

— Они касаются меня, дорогая? Я готов ответить на все твои вопросы, правда, предпочел бы сделать это наедине, — насмешливо сощурился Илья.

— Илья, зачем тебе столько литературы по психологии? Я случайно заглянула в твою комнату, и нашла там целую библиотеку.

Илья пожал плечами под кашемировым пальто:

— Я не скрываю, мне нравится читать книги по психологии. Это что, запрещено? — Он улыбнулся. — Ты, я надеюсь, еще будешь иметь возможность узнать меня ближе. Как-то скоропалительно у нас все вышло, отсюда и недоразумения. А со временем все образуется.

Геля исподлобья посмотрела на него и помрачнела.

— Прости, но мне придется затронуть тяжелую и болезненную для тебя тему. Помнишь, ты рассказывал мне, что Алла была беременна на третьем месяце, когда погибла? Так вот, не знаю, как тебе придется моя новость, но только ни о какой беременности там и речи не было. Александр Иванович сказал мне, что умерла она здесь, в больнице, здесь же проводили вскрытие. И беременность просто не могли просмотреть. Я призналась ему, что для меня лично это очень важно, и мы подняли архивы. Мне повезло, такие дела хранятся три года. Нужная мне папка оказалась на полке. Ребенка у Аллы не было.

— Но она сама мне об этом сказала! — уже нервно объяснил Илья. — Сама, понимаешь?!

Геля спокойно сказала:

— Понимаю. И подписала себе этим смертный приговор. Ты очень любил ее, но знал, что ребенка у тебя не может быть, поэтому ты и убил ее?

Сохраняя остатки самообладания, Илья сквозь зубы произнес:

— Ох уж эти доморощенные детективы! Везде им мерещатся убийства и преступления. Геля, ты сама-то веришь в то, о чем говоришь?

Геля печально сказала:

— Эх, ты, знаток женской психологии! Да она все время лечилась, соглашалась на все самые болезненные и неприятные процедуры, думала, что причина бесплодия — в ней, а ты не хотел ей признаться. Иногда так бывает, когда женщина очень хочет ребенка — все признаки беременности налицо, но причина этого — чисто психологическая. Алла любила тебя и никогда не изменяла. Она просто ошиблась, — и с горечью добавила: — Не знаю, как

ты теперь будешь с этим жить.

Илья рванул с шеи шарф, полез в карман пальто за сигаретами.

— С вашего позволения, — буркнул он, подходя к окну.

Он не успел распахнуть его.

Неожиданно раздался странный сдвоенный хлопок, посыпалось стекло.

Я заорал:

— Антон, выключай свет! — и прыгнул к оседавшему на пол Илье.

Он прижал рукой рану на груди, но черная кровь просачивалась сквозь пальцы, пачкая белую рубашку. Илья болезненно поморщился.

Я выпустил его, забрался на подоконник, порезав руки мелкой стеклянной крошкой, которой все вокруг было усыпано.

Внизу стоял Игорь Баталов над лежащим в траве мужчиной. Я заметил в руке Игоря пистолет.

— ...! — коротко и энергично выругался Игорь. — Что там?

— Илья ранен. Ты как здесь оказался?

— Потом расскажу. А сюда меня Вера вызвала, так что ее благодари. Неизвестно, что еще этому народному мстителю в голову бы пришло.

Я удивился:

— Почему мстителю?

— Посмотри на его руки. — Я наклонился и увидел на руках мужчины перчатки. Про себя хмыкнул, надо же, свиделись. — Он — сводный брат убитого Олега Косовца. Отцы у них разные. — Игорь вынул телефон. — Черт, теперь затаскают до смерти.

Видимо, Вера уже пришла в себя и вызвала подмогу, потому что от соседнего корпуса к нам бежали два парня.

Один из них оказался дежурным хирургом.

Наклонившись, он прижал шейную артерию у парня, которого подстрелил Игорь, коротко сказал:

— Здесь все, вызывай санитаров из второго корпуса, и забирайте.

— Может, до милиции его не трогать?

— Тогда прикрой чем-нибудь. Пойдем, посмотрим второго.

Антон выпрямился:

— Он без сознания, но кровь, вроде, не течет.

Хирург выгнал всех из палаты, быстро и толково осмотрел рану, вздохнул:

— Внутреннее кровотечение. Этого — срочно на стол. Вера, отправь машину за Павлом Николаевичем, и пусть по дороге заберут анестезиолога.

— Послушайте, может, отвезти его в московскую клинику? — попытался я как-то повлиять на ситуацию.

— Я бы с удовольствием так и сделал. Только не довезем, это точно... Так что придется вам положиться на деревенских эскулапов, — неодобрительно глядя на меня, буркнул хирург.

Вера дернула меня за рукав:

— Анатолий Иванович — замечательный врач, не смотрите, что молодой. Если вашему другу еще можно помочь...

Илью переложили на больничную каталку.

В коридоре слышался зычный голос Веры, загонявшей любопытных девчонок в палаты.

Илья пришел в себя. Морщась, едва слышно сказал мне:

— Я мог бы оставить тебя с этой мукой на всю жизнь, но скажу правду: я не спал с ней.

Я только и спросил:

— Илья, зачем, зачем все это?

Он криво улыбнулся и не ответил.

Хоронили Марину и Илью в один день.

Представляю, какие чувства одолевали сотрудников банка и нашей компании, какая буря сплетен и домыслов будоражила и волновала всех, однако внешне все прошло очень благопристойно. Все знали о связи Марины и Ильи, и, разумеется, знали о его недавней женитьбе. Так что я находилась под перекрестным обстрелом пары сотен глаз.

Кажется, Виктор поговорил с матерью Марины, потому что Надежда Ростиславовна простояла во время всей процедуры прощания рядом со мной, и я уловила в ее взгляде сочувствие. Она переступила на месте, видимо, устав от долгого стояния, и я подставила ей руку. Она с благодарностью оперлась на нее, после чего взгляды сотрудников просто уже не отрывались от нас. Помимо близких родственников, была только немолодая женщина, кажется, сестра Марининой матери. Владислава Николаевна на кладбище не приехала, отговорившись болезнью. Я думаю, что она воспользовалась этим, как предлогом: наверняка ей не хотелось встречаться с бывшей женой Виктора, а особых братско-сестринских чувств между ней и Ильей и раньше не было, что уж теперь.

После отпевания мы поехали на кладбище. Учитывая мое положение и то, что я только что выписалась из больницы, меня усадили в машину Павла. Вообще я все время чувствовала, что он рядом: и во время прощания, и в церкви. Кажется, это придало мне силы выдержать все: и долгое стояние в церкви, и любопытные взгляды, и грохот, с которым первые комья земли упали на крышку гроба...

Обе могилы находились на незначительном удалении друг от друга, так что простились сначала с Мариной, потом с Ильей.

В ресторане неподалеку от кладбища по христианскому обычаю был заказан зал, чинно прошла поминальная трапеза. Иначе трудно назвать эту церемонию, с торжественной переменой блюд. От обычного ресторанного застолья все отличалось только чуть меньшим количеством выпитого и траурными мотивами, которые звучали откуда-то с балкона. Видимо, близость кладбища накладывала свой отпечаток на характер заказываемых банкетов, и нашему заказу здесь не удивились.

И за столом я оказалась рядом с Надеждой Ростиславовной. Павел налил мне сок, и я благодарно ему улыбнулась. Говорили все, что полагается в подобных случаях.

После того, как налили по второй, мать Марины тихо наклонилась ко мне:

— Детка, вы ждете ребенка?

— Да.

Неожиданно она накрыла мою руку, затянутую в тонкую кружевную перчатку, своей:

— Я знаю, что моя дочь принесла вам много неприятностей. И прошу вас похристиански простить и ее, и вашего мужа. Мне стыдно вам признаться, но получается так, что, догадываясь об их замыслах, я не нашла слов, чтобы отговорить ее от участия во всем этом. Понимаете, я никогда не поощряла в Марине стремления к обладанию деньгами и властью, но она такая родилась. Она была умной, сильной, страстной девушкой, умела ставить цели и добиваться их. Я думаю, это в ней от деда, недаром он так любил ее. Это хорошие качества, но в ней всего этого было слишком много. Кажется, Илья подогревал ее амбиции и стремления. Я знала, что все это дурно кончится...

Я подняла на нее глаза:

— Даю вам слово, что не держу зла, тем более, что сейчас оба они умерли. Я и сама во многом была неправа, и испытание, посланное мне судьбой, считаю заслуженным. — Пожав ее руку, я доверительно наклонилась к ней: — Очень сочувствую в вашем несчастье. Если захотите, я на днях позвоню вам, и мы можем встретиться, вместе сходим на кладбище. Вы мне очень понравились.

Она кивнула, с достоинством наклонив голову.

Я заметила обращенный на меня взгляд Павла, и поднялась. Мы тихо покинули ресторан.

Усевшись в машину, я сняла с волос кружевную накидку, тщательно сложила ее и убрала в сумочку:

— Все! Долги розданы, церемонии соблюдены. Отныне считаю себя свободной.

Он повернул ко мне голову и недоверчиво спросил:

— Правда?

Я легко выдохнула:

— Правда! — озабоченно огляделась: — Где бы мне переодеться? Хочу поскорее забыть обо всем этом. Хочу жить нормальной человеческой жизнью, хочу, чтобы маленький рос быстрее, хочу, чтобы был большой живот. — Пожаловалась: — Знаешь, меня почему-то не тошнит совсем. Вот всех тошнит, а меня нет. Я всем страшно завидую. Я даже врала девчонкам в больнице иногда, чтобы не задавались. Господи, и ничего-то у меня по-человечески не получается, даже такое простое дело, как родить ребенка. Но я теперь все-все про себя поняла, думаю, что у меня теперь все будет как надо.

Мы остановились на перекрестке. Павел, молчавший некоторое время, вдруг засмеялся.

Я насторожилась:

— Ты чего?

Он махнул на меня рукой, но смеяться не перестал, а даже, как будто, съехал на сидении, и продолжал хохотать.

Когда он отсмеялся, я сидела, отвернувшись к окну. Ничего особо смешного в событиях последних дней я не усматривала. Было обидно.

Все еще сдавленным голосом он сказал:

— Не сердись, это у меня нервное, наверно.

Тут я заметила, что мы едем к выезду из города.

Павел кивнул:

— Везу тебя на дачу. Там сейчас хорошо. Пока ты в больнице бока отлеживала, на вербе появились пушистые хвостики. И пахнет в лесу просто замечательно!

Я испугалась:

— Что, ты меня там одну оставишь?

Он покачал головой, осторожно покосился на меня.

— Если ты не будешь больше валять дурака, я останусь рядом.

— Да, но тебе ведь надо на работу!

— Во-первых, я забрал оставшиеся от отпуска дни. Во-вторых, договорился с Виктором, что после отпуска приступлю к новой работе. Кому-то придется теперь заняться банком, и мы решили, что это должен быть я.

— А как же твоя работа?

— Думаю, что Антон хорошо с ней справится. На первых порах ему Алена поможет, а потом сам. Кстати, они сегодня вечером к нам приедут, и Лену с собой возьмут. Все ждут от

тебя объяснений. Они меня совершенно замучили, да ведь я и сам толком ничего не знаю.

Я озаботилась:

— Павел! Ты сошел с ума! Назвал полный дом гостей, а меня предупреждаешь в последнюю очередь.

Он махнул рукой:

— Выпивка есть, продуктов полный холодильник, я тебе помогу. Ты не увиливай, все равно придется рассказывать. Ты что, подруг своих не знаешь?

— Ну?! — требовательно спросила Ленка.

Все расселись у камина, причем Игорь устроился на ручке ее кресла. Кажется, подруга увлеклась на почве моего спасения и увязла в очередной бесперспективный роман. Конечно, Игорь — приятный парень, но он женат, а у меня теперь есть некоторый опыт, который настоятельно рекомендует мне воздерживаться от романов с женатыми мужчинами.

Я неодобрительно посмотрела на то, как он по-хозяйски поглядывает на Лену, и хмуро спросила:

— Что «ну»?

Она сердито сказала:

— Чего ты прикидываешься?! Всем интересно узнать, как ты догадалась обо всем. В конце концов, зря я, что ли, посуду мыла?

Я вздохнула. Действительно, этот подвиг место имел: посуду мыть Ленка, по ее собственному признанию, ненавидит, а тут я удивилась ее самоотверженности.

— То-то я думаю, чего это тебя потянуло на домашние дела? Грешным делом, решила, что это Баталов на тебя так повлиял в лучшую сторону.

Игорь недовольно покосился на меня, потому что Ленка оглянулась и согнала его с кресла. Он пересел поближе к камину, достал сигареты.

Алена спросила:

— Когда ты догадалась, что это Илья затеял все? До того, как вышла за него замуж?

Я удивилась:

— Конечно, гораздо позже.

Она убежденно сказала:

— И все-таки ты молодец, Гелька! Я, честно сказать, до последней секунды не догадывалась.

Я недоверчиво прищурилась:

— Не прибедайся. Я видела давно, что ты его терпеть не можешь.

Алена пожала плечами и виновато посмотрела на Павла:

— Это не потому, что мне не нравился именно Илья. Мне просто хотелось, чтобы вы с Павлом были вместе. Я давно наблюдала за вами и четко понимала, что вот оно, твое женское счастье. А ты все чего-то металась, последние месяцы была сама не своя.

Антон засмеялся:

— И, как хорошая подруга, Алена все пыталась раскрыть тебе глаза.

Игорь заметил:

— Алена права, ты — молодец. Самое главное, что заметила слезку, мы потом уже просто распутывали клубок за ниточку, которую ты нам дала.

Я вздохнула:

— Молодец, как же! Понимаете, были вещи, на которые я должна была обратить

внимание, и я даже замечала их, но отметала, как что-то несущественное. Например, Илья хорошо знал мои вкусы и привычки, а мне казалось, что это случайные совпадения. Он всегда покупал для меня свежий кофе в гастрономе на Тверской и мои любимые пирожные из кондитерской «Леди Мармелад», привозил мне детективы именно тех писателей, которые стояли на полках в моей квартире. Кстати, с кофе он прокололся: Илья привез меня в квартиру, где, по его словам, два года никто не жил, а кофе в кухонном шкафчике оказался на удивление свежим...

Лена всплеснула руками:

— Так ты из-за кофе сделала такие потрясающие выводы?!

Я потрясла головой.

— Понимаешь, я совсем плохо тогда знала Илью. Он подстроил нашу встречу в такой момент, когда на меня свалились неприятности, которым я не смогла противостоять. Он-то хорошо о них знал, потому что сам организовал их для меня! Сейчас я не понимаю, как могла так легко согласиться на этот брак? Думаю, Илья был великолепным психологом, он практически никогда не пережимал, подводил правильную логическую и психологическую мотивацию под мои поступки и ненавязчиво подталкивал меня в нужном направлении. — Я с горечью призналась: — Все, что я делала — делала сама. А через некоторое время я заметила, что во мне постоянно присутствует чувство вины. Вины за то, что не испытываю к нему чувств, которые должна испытывать. Ну, то есть, предполагалось, что моя благодарность со временем должна перерасти в нечто большее, а она все не желала перерастать... А через некоторое время я, все-таки, почувствовала, что он сам и поддерживал во мне это чувство.

Алена спросила тихо:

— Зачем ему это было нужно? Он что, действительно, был так влюблен?

Я пожалала плечами и честно ответила:

— Этого теперь не узнает никто. Впрочем, относился он ко мне хорошо, искренне желал мне счастья и планомерно вел к нему, правда, позабыл спросить меня, нужно ли оно мне, то счастье, что придумал он?

Игорь засмеялся:

— Думаю, ты все время вносила коррективы в его планы. Например, он потащил тебя в больницу к сестре, с тем, чтобы добить ее. Представляю его чувства, когда он увидел, что ты плачешь, а его сестрица тебя утешает! Удивительно недальновидно с твоей стороны!

Павел хмуро покосился на меня:

— Видимо, за недостатком времени, он плохо подготовился к организации скандала с фотографиями, и вовсе не мог предположить, что мы выйдем на фирму-исполнителя. Так что и здесь у него не все сошлось. Впрочем, главного он добился, ты и ребенок оставались с ним. В принципе, думаю, это совпадало с его планами. Остальное могло подождать.

Игорь задумчиво сказал:

— Со снимками он все рассчитал верно. Ни Виктор, ослепленный ревностью, ни Геля, смертельно обиженная подозрениями, и не подумали бы проверять подлинность фотографий. Он просчитался с тобой: скажи, какой еще мужик, достаточно сильно влюбленный в женщину, полезет в историю ее ссоры с прежним возлюбленным и докопается до истинных причин? Твое вмешательство его удивило, потому что он твердо знал, что вы с Гелей не спите вместе, и с чего бы тебе проявлять чудеса героизма и сообразительности?

— А почему ему помогала Марина Проскурина? — поллюбопытствовала Лена.

Игорь снисходительно посмотрел на нее:

— Отец устроил ее в банк, и Илья завел с ней роман. Думаю, что в планах нашей парочки были и смерть Влады, с тем, чтобы Виктор унаследовал все деньги семьи, да и безутешный вдовец тоже не зажился бы на этом свете, а наследница у него была всего одна. Но Илья не любил Марину, поэтому жениться не спешил. Она первой узнала о служебном романе своего отца, рассказала обо всем любовнику, тогда же они решили организовать слежку. И тут Илья познакомился с Гелей, может быть и не случайно...

— Нет, он впервые увидел ее на моей даче, а Геля решилась ехать со мной в последний момент. Помнишь, мы еще чуть не опоздали ко встрече нового года? — Я кивнула. — Но ты ему сразу понравилась, я это заметил. Да ладно тебе крутиться, чего уж теперь! Я даже не думал о том, что Илья мог быть замешан в ту историю с фотографиями, потому что считал, что он не знает о том, что ты с Виктором... А потом вспомнил: я был у него в кабинете в тот день, когда Осмоловский прилетел из Таиланда. У тебя горел свет, и ваша пылкая встреча проходила на наших глазах. Впрочем, Илья не показал мне и намеком, что узнал тебя, а я, понятное дело, обсуждать это не стал.

— Мне, как начальнику службы охраны, следовало бы заметить, что уже давно творится неладное, но вы с Виктором почему-то посчитали, что меня в это посвящать не следует. — Игорь неодобрительно посмотрел на Павла. — Все эти недомолвки и недоразумения привели к тому, что Илья вступил в сговор с Одинцовым — младшим, и они провернули дело с пожаром на складе. Опять же, им не повезло, на пожаре обнаружили два трупа, началось следствие, и всплыли некоторые обстоятельства. Мы уже встречались с господином Одинцовым, он сначала был в полной несознанке, но потом поговорил со своими юристами, прочувствовал, и проявил желание взять кредит на предприятие и погасить денежные недоразумения, возникшие между нами.

Павел поднял на меня глаза:

— Кстати, мы с Виктором заглянули в сейф Ильи, и нашли там номера счетов и банковские договоры. Короче, нашли денежки, которые они с Мариной увели у нас в начале марта. Правда, вернуть их нам сможешь только ты, как его законная наследница, по истечении срока вступления в наследство. Я почему-то думаю, что ты не откажешься это сделать.

Я только плечами пожала.

— А почему Илья вдруг решил все переиграть? Почему он сделал главную ставку в игре на Гелю?

Павел задумчиво посмотрел на меня, вздохнул:

— Илья слышал ваш разговор о ребенке. Это давняя семейная история, и мне очень не хотелось бы поднимать ее. Если коротко: у него не могло быть детей, это и было основной проблемой их брака с моей сестрой, это могло быть косвенной или прямой причиной той давней трагедии.

Я подняла на него глаза:

— Ты думаешь, что он не хотел убить жену в аварии?

Павел оглянулся на Игоря:

— Преднамеренно убить человека в автомобильной аварии достаточно трудно. — Игорь кивнул. — У Ильи не было такого опыта, и рассчитывать на это он не мог. Тем более, что он и сам был в этой машине. Думаю, Алла рассказала ему о том, что ждет ребенка, раз она была

уверена в этом, и Илья решил, что здесь имеет место измена. Аллу он любил, и это взбудоражило его. Скорее всего, он просто не справился с управлением, произошла авария. Думаю даже, что мысли о том, чтобы убить неверную возлюбленную, посещали его, трансформировавшись со временем в мысль, что он совершил преднамеренное убийство.

— Илья не производил впечатления человека, страстно любящего детей, — удивилась Алена.

— В свое время отец Ильи оставил все акции страховой компании его сестре. Я помню, что его всегда это задевало. Он считал, что с ним обошлись незаслуженно.

— Ну, тогда мне самой многое становится понятно, — вступила я. — Одной из причин того, почему он хочет на мне жениться, Илья называл необходимость передать кому-то наследственные права. Я позвонила из больницы Ирине Тимофеевне, просила ее поднять для меня уставные документы банка и нашей страховой компании. Она была ужасно напугана гибелью Марины и просила меня не лезть в это дело. И, чтобы убедить меня в этом, проговорила о том, что нынешних хозяев связывают очень непростые имущественные отношения. Ей пришлось рассказать мне историю возникновения этих фирм. Шел 1991 год, и три бывших однокурсника, родители Виктора, Павла и Ильи, к тому времени каждый из которых довольно успешно занимался своим делом, решили попробовать объединить усилия. Мозговым центром тройки, несомненно, был Андрей Павлович Шамрай, отец Аллы и Павла. Он вошел в новый банк в равных долях с Иосифом Осмоловским, у каждого было по 50 % акций, и помог с приватизацией здания, в котором разместилась страховая компания, директором которой стал Николай Стрельников, отец Ильи и Влады. Акции они тоже поделили поровну. К работе в новой компании привлекли Виктора Осмоловского. Бизнес складывался удачно, а вот личные отношения старших Осмоловского и Стрельникова не заладились: у Виктора начался роман с Владой, он ушел из семьи, отец так и не смог простить ему этого. По словам Ирины Тимофеевны, отец с сыном лет десять не общались. Фактически, отец Ильи делал для Виктора то, чего не делал родной отец. В благодарность Виктор женился на Владе, дав обещание никогда не оставлять ее, и отец завещал ей все свои акции, полностью обделив при этом Илью. Причину этого я не знаю, а Ирина Тимофеевна назвать ее не пожелала. Оказывается, Илья и Влада — сводные брат и сестра, матери у них разные. Мать Влады умерла совсем молодой, а вторая жена, мать Ильи, давно оставила и мужа, и сына, так что предполагать можно все, что угодно, но точно никто не узнает этого. В пику Николаю Стрельникову, отец Осмоловского привечал Илью. Скончался он скоропостижно, завещания не оставил, и все его акции благополучно перешли к Виктору. Потом Илья и Алла поженились, а в 2000 году умер Андрей Павлович, оставив свои акции дочери и сыну. После смерти Аллы ее акции перешли к Илье. Так что на сегодняшний момент Виктор Осмоловский имеет 50 % акций банка, его жена — 50 % акций компании, и Павел с Ильей — по 25 % и в банке, и в компании. То есть совершенно понятны амбициозные желания Ильи избавиться от растущего влияния семьи Осмоловских.

Я поднялась, подошла к столу, взяла в руки пластиковую папку.

— Мне бы и в голову не пришло подозревать Илью, уж очень он был далек тогда от моей жизни, мы ведь были с ним едва знакомы. Это моя подруга, с которой я переписывалась, придумала такую версию. — Повернувшись к Алене, напомнила: — Ты ведь мне советовала использовать некоторые события последних месяцев для нового детектива. Я уже упоминала о чувстве вины, которое Илья старательно во мне возвращал. Оно ни за что не позволило бы мне заподозрить его. Я ведь даже Павлу не смогла признаться

в своих подозрениях.

Я полистала странички и вынула листок с текстом письма, полученным мной в то утро.

— Лера писала мне: «Послушай, Геля, я понимаю, что в этой истории много личного. Может, не стоит заикливаться на бывшем шефе в роли организатора? Как-то неубедительно для меня все выходит. У него и так все есть, и жена, и деньги, и молоденькая пылкая любовница — зачем ему эти галеры?! Кроме того, на него очень легко все ложится, и никакой интриги не получится. Я вчера попробовала ставить на место главного злодея всех по очереди, и мне даже понравилась в этой роли (ты не поверишь!) заведующая отделом кадров. А вдруг у нее в молодости была тайная любовь и Виктор — ее сын? Судя по тому, как ты ее описывала, женщина она сильная и волевая, вполне подходящая на роль злодейки. А мотив можно и придумать.»

Лена засмеялась:

— Хорошо, что ты ей не поверила! Вот Ирина Тимофеевна удивилась бы!

Я вынула следующее письмо.

— А вот это я получила на другой день после гибели Марины. Потерпите, письмо длинное, но без него у меня ничего не получится.

«Геля! Я закрылась от всех в своем рабочем кабинете (все думают, что я заканчиваю годовой отчет!!), а сама пишу тебе. Ночью я лежала без сна и думала о твоей истории, а утром получила известие о гибели Марины. И сегодня на утреннем совещании у меня родилась совершенно гениальная (!!!) идея: что, если главным злодеем будет директор банка? На него уж точно никто не подумает! Во-первых, изложу некоторые свои соображения. Начну с мотива. Предположим, что его не устраивает подчиненное финансовое положение. Понимаешь, ему тридцать шесть лет, у него и амбиции, и кураж, а ему регулярно дают по рукам. Возможно, с точки зрения главных акционеров даже и разумно сдерживать его порывы, но он-то этого не понимает! Ему кажется, что его вяжут по рукам и ногам! И он решает разом освободиться и от опеки, и от давления, да и денежки прибрать к рукам. Вместе с любовницей (кстати, на ее роль чудесно подходит Марина — она дочь от первого брака, мать презирает, отца ненавидит, мачеху не любит, решительна, умна, комплексами не страдает) они продумывают некоторые финансовые махинации, изготавливают дубликат карточки с электронной подписью главного врага, распространяют слухи о его сердечной болезни, осложняют его жизнь, готовятся создать условия для разрыва его отношений с любимой женщиной, — в общем, делают все, чтобы его нечаянная смерть не вызвала никаких подозрений. Теперь попробую объяснить, почему он решил все переиначить, то есть почему он изменил свои первоначальные намерения. Представь себе, что Марина ему не слишком нравилась в роли жены. Он понимал, что она-то будет владеть всеми его тайнами, то есть, прощай интрижки, поездки на курорт в Испанию и прочие радости молодой холостой жизни. Видимо, Марина ревновала его. Мне так кажется, потому что я думаю, она и раньше бывала на этом озере, где ее нашли. Видимо, оставляла там машину и выслеживала мужика, который развлекался на дачке. Иначе откуда бы она знала, что там есть пристань? Можно предположить, что он ее туда привозил, но это ни к чему, когда рядом с собственной дачей есть собственная пристань! Вообще, то, что он ее не приглашал на дачу, должно было ее насторожить. Это значило — он не хотел ее пускать в свой внутренний мир. Кроме того, так случилось, что он познакомился с нашей героиней и, кажется, влюбился в нее. Если тебе не нравится эта мысль, смело выбрось ее. Тогда можно предположить, что он позавидовал дружбе, которая связывала его приятеля и девушку. С

ним-то никогда ничего подобного не происходило! Нет, конечно, бабы в него влюблялись, но вот такой нежной акварельной дружбы у него ни с кем быть не могло, по определению. Он для этого слишком собственник. И вдруг он каким-то образом узнает о том, что девушка ждет ребенка от его главного врага. В его голове, не отягощенной моралью и лишними условностями, мигом зреет план. Снимки, которыми они с Мариной хотели рассорить любовников, готовы. В протяжении последних трех месяцев с девушки не спускали глаз, и наш банкир в курсе всех самых мелких подробностей ее жизни. Очень помогает ему то обстоятельство, что его друг уезжает в горы, и девушка осталась одна. Теперь Марина ему уже не помогает, а только мешает. Он покупает ей огромный букет роз, путевку в Швейцарию, и отправляет ее на отдых, развязывая себе руки. Именно он подбрасывает снимки, через окно собственного кабинета наблюдает за ссорой, и едва успевает перехватить девушку на улице. Его помощники организуют все очень удачно: благородный рыцарь протягивает руку помощи даме, в общем, все по законам жанра. Уж не знаю, каким психологическими трюками он этого добивается, но девушка соглашается выйти за него замуж. Возможно, он давит на нее тем, что ребенку нужен отец. У самой девушки с этим не все благополучно: родители развелись, едва она родилась, и ей всегда хотелось иметь отца, так что, надумай он на этом сыграть, все прошло бы на ура. Или можно выдумать жалостливую историю о том, что он потерял когда-то любимую женщину, или что своих детей у него никогда не будет. А лучше и то, и другое — для большего эффекта. Итак, все, что он задумал, постепенно сбывается. Он женат на женщине, которая ему очень нравится, и может позволить себе роскошь не спеша подвести ее к тому, чтобы их брак из формального стал фактическим. Он увозит ее далеко от людей, по отношению к ней сдержан и ненавязчив. Будущий наследник банковского и страхового капиталов растет с каждой неделей. Да, не все складывается, так, как хочется: дура-домработница возвращается за проездным, и сестра банкира остается жить, но это ведь только вопрос времени? Ненормальные подруги главной героини разыскивают в горах его приятеля, и он неожиданно возвращается в Москву, начинает совершенно неуместное расследование, пытается разыскать любимую. Ну, так на то наш банкир и увлекается психологией. Если что, он всегда может обратиться за помощью к другу, нарочито оставляя наедине с ним жену. Он его хорошо знает, и понимает, что другу не переступить через это. А вот Марина начинает ему серьезно мешать. Ее возвращение ставит под угрозу весь гениальный план. Он назначает свидание Марине в уединенном месте, и вызывает помощника. Банкир — парень нежадный, его просьбы воспринимаются как приказы. Марина погибает. Но вот здесь опять ошибка: наш герой не знал, что девушки знакомы. По какой-то причине Марина скрыла это от него, или не посчитала нужным рассказывать. Есть свидетели, в том числе и его жена, и смерть Марины уже не удастся представить просто несчастным случаем. Думаю, ему придется продумать, как устранить своих помощников, ведь теперь они — свидетели, которые слишком много знают. Можно продумать варианты дальнейшего развития событий, но это потом. Если тебе нравится такой вариант, пиши! Да, кстати, можно подтолкнуть нашу героиню к разгадке: пусть она обнаружит в комнате мужа учебники и книги по психологии, это было бы здорово! Все, сажусь за баланс, иначе меня уволят без выходного пособия! С уважением и надеждой на дальнейшее сотрудничество, Лера Болотова.»

Я опустила руку.

Игорь потер лицо и сказал:

— Да, программное письмо. Она, что, бухгалтером работает, эта твоя подруга?

— Да я не знаю. Или бухгалтер, или экономист. Мы с ней совсем недавно познакомились.

— С таким воображением ей давно в писательницы пора.

Я засмеялась:

— Я ей то же самое говорю!

Антон спросил:

— Выходит, он потом мог заказать генетическую экспертизу и доказать, что ребенок Гели имеет право на наследство Виктора?

Игорь кивнул.

А Павел неожиданно пробурчал:

— Мы с ним часто раньше играли в шахматы. Если честно, игрок он был так себе: в запале мог начать атаку, не продумав отходов, не создав прочных оборонительных позиций. Но при этом его атаки были всегда остроумными и неожиданными.

Игорь озадачился:

— Ты это о чем сейчас, а?

Павел поднялся и сказал:

— Думаю, он не стал бы затевать эту экспертизу. Короче, мне нужно сделать одно признание. Лет пятнадцать назад, в Карпатах, Виктор попал в аварию, началось внутреннее кровотечение, срочно нужна была кровь. Его тогда еле спасли, потому что у него очень редкая группа, и отрицательный резус. Кстати, Илья это тоже хорошо знал.

Я недоуменно подняла на него глаза.

Он пожал плечами:

— Да, Виктор не мог быть отцом твоего ребенка. Не знаю, как тебе эта новость...

Я с тревогой сжала руки:

— А тебе?!

— А мне — нравится.

Павел подошел ко мне, притянул к себе и вздохнул:

— Знаешь, может, надо было как-то по-другому это сказать, с точки зрения психологии...

Я перебила его:

— Вот психологии мне больше не надо! Кажется, я до конца жизни ее наелась.

В доме было тихо.

Вчера все разошлись по спальням поздно ночью, и, наверное, крепко спали.

Я уселась в постели, нашарила на прикроватной тумбочке заколку и подняла волосы повыше.

Павла в спальне не было, и я мстительно подумала про себя: «Так тебе и надо! Не думала же ты, что он всю жизнь не сможет дышать в твоём присутствии.»

Вчера ночью он пришел в мою спальню, лег на подушку рядом, закинул руки за голову и лежал молча. Я боялась пошевелиться, сама не знаю почему. День у меня вчера был долгим, и, в конце концов, я уснула.

Я не слышала, как он поднялся и ушел.

Выйдя из душа, я постояла раздетая около зеркала, повертелась и внимательно всмотрелась в линии своего тела, выискивая перемены. Живота совсем не было заметно, и я огорчилась. Зато грудь выглядела просто неприлично! Интересно, это нормально или нет?

Я натянула хлопковый свитер прямо на голое тело, нашла вчерашние джинсы.

Вышла на крыльцо, сощурилась от солнечного света. Постояла, вдыхая полной грудью свежий воздух. Пахло мокрой землей.

Я вернулась, нашла в шкафу знакомую куртку и пошла к пристани.

На этот раз я не удивилась, увидев Павла. Он сидел на деревянных мостках и курил.

Я присела рядом.

Мы молчали, и было странно хорошо сидеть вот так рядом с ним и молчать.

Я повернула голову и заметила на его виске тоненькую жилку.

Тихо позвала:

— Павел!

Он повернулся ко мне, в глазах плескалось что-то темное, и я смотрела в них, как в омут. Смотрела до тех пор, пока он не прикоснулся к моему лицу рукой, потом тронул пальцами губы и наклонился надо мной.

Мы неистово целовались, и я порадовалась, что надела свитер на голое тело. Под теплой курткой я разогрелась и всей кожей ощущала прикосновение рук и губ Павла.

Уж и не знаю, каким усилием воли ему удалось прекратить это сумасшествие и оторваться от меня. Он запахнул мою куртку, чуть отодвинулся и вздохнул, восстанавливая дыхание. Я только таращилась на него.

Потом попросила чуть охрипшим голосом:

— Пойдем домой?

Он молча кивнул, легко поднялся и помог мне забраться на деревянные доски причала.

Мы шли по дорожке к дому, и я не заметила, что так и не выпустила его руку. Уже на крыльце с недоумением посмотрела на нее, подняла к лицу и поцеловала в раскрытую ладонь.

Слава богу, на этот раз Павел не стал изображать из себя благородного героя, почему зря рискующего своей и чужой жизнью ради прекрасной дамы. Он стянул мою куртку, и, прижав к стене холла, так долго целовал, что я взмолилась:

— Павел, давай уже куда-нибудь дойдем!

Я уснула, умотанная бессонной ночью, едва он выпустил меня из рук.

Услышав знакомый смешок, я приоткрыла один глаз: Павел сидел в кресле с мокрой после душа головой и насмешливо наблюдал за мной.

Увидев, что я проснулась, он перебрался ко мне и так себя вел, что подняться сразу не получилось.

Выйдя из душа, я сердито сказала:

— Слушай, давай уже спускаться вниз. Представляю, что все о нас подумают!

Павел неожиданно легко согласился, и я выпроводила его вниз.

Сама под села к компьютеру, подключилась к сети и через полминуты читала новое письмо Леры.

«Дорогая, очень волнуюсь. Прости, но я, кажется, поняла, что ты рассказала мне свою собственную историю. И как я сразу не догадалась! Будь осторожна! Почему-то мне представляется, что вероятным продолжением событий будет прежде всего то, что этот твой приятель, влюбленный в тебя, догадается, кто был организатором и главным действующим лицом всех событий. Думаю, что он — человек очень сильный, волевой и решительный. Боюсь, что он может столкнуть лбами наших отрицательных персонажей. Например, убьет

одного из тех, кто следил за тобой, и представит второму доказательства, что это сделал сам банкир. Не хотелось бы, чтобы ты присутствовала при этих разборках! Знаешь, эти мужские игры хороши только в книгах и на экранах, а в жизни они связаны с болью, кровью и грязью. Впрочем, ты, как хозяйка истории, можешь переписать финал так, как захочешь. Хотя, я думаю, смерть банкира избавила бы всех от многих неприятностей, в этом я совершенно согласна с твоим приятелем. Лера. Еще раз напоминаю: будь осторожна!»

Я дочитала письмо.

Дверь спальни открылась, и заглянул Павел.

— Ты чего не спускаешься? Все тебя уже ждут!

Все-таки, наверное, было что-то в моем лице, потому что он спросил, кивнув на экран:

— Что, новые версии?

Я аккуратно удалила письмо в корзину, очистила ее и повернулась к Павлу:

— Никаких новых версий, договорились?

Он внимательно посмотрел на меня и тихо сказал:

— Договорились.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Этот роман я посвящаю себе.

Кажется, я теперь верю, что мои романы можно читать!